

A panoramic view of Paris, France, featuring the Eiffel Tower in the foreground, the city skyline in the middle ground, and a clear blue sky with some clouds in the background. The scene is bathed in a warm, golden light, suggesting either sunrise or sunset.

ТАТЬЯНА РОЛИЧ

ЭДИПОВ КОМПЛЕКС

Метания интеллигента

18+

Татьяна Ролич

ЭДИПОВ КОМПЛЕКС

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66794853

SelfPub; 2021

Аннотация

Впервые герой романа "Эдипов комплекс" предстает перед читателем во всей сложности переживаний интеллигентного человека. Неординарность его духовного устройства преподносится с точки зрения психоанализа его поступков. Про него нельзя сказать однозначно – хороший, плохой. Он разный, и жизнь его не похожа на жизнь нам известных интеллигентов. Однако его типичность касается его рефлексии, которая не мешает ему совершать множество ошибок, расплата за которые – его одиночество, невозможность вписаться в окружающий его изменяющийся мир. Он постоянно запаздывает и едва успевает сесть в последний вагон быстро проходящей жизни. В повествовании есть элементы детективного жанра, что заставляет проследить эволюцию героя под влиянием обстоятельств для него неблагоприятных. Роман написан правильным литературным языком, и в этом он противостоит столь популярному постмодерну. Роман оставляет приятное впечатление классики реалистического жанра.

Татьяна Ролич

Эдипов комплекс

Часть 1

Глава 1

Никто не знает, что будет, но все знают, что было...

Так начинается история, которая произошла в одном городе, в одном доме, с одним человеком, которого звали Андреем. На работе сейчас его все называли Андреем Степановичем, и был он специалистом по археологии. Иногда он ездил за границу, где жил в маленьком домике на берегу красивого озера где-то в горах. Это было маленькое шале в средне-европейском стиле, затерявшееся среди огромных деревьев, которые скрывали это «пристанище отшельника». Из окон этого уютного домика открывался великолепный вид на озеро. Когда луна выплывала из-за гор, оно серебрилось, и все вокруг приобретало загадочно-таинственный вид. Особенно он любил конец лета, когда спадает жара и вечерняя прохлада наступает на землю, а солнце отблесками из-за гор золотится на гладкой поверхности воды. Тогда замечательные

мысли посещали Андрея Степановича.

Жизнь нашего отшельника, затерявшегося в этом укромном уголке земли, как будто всегда была такой спокойной и размеренной. Вечером у камина, когда дрова весело трещат, излучая искры, разлетающиеся под порывами ветра, врывающимися через трубу, Андрей Степанович погружается в воспоминания, которые всполыхами сознания прорываются из памяти. На чем-то они останавливаются, и вспоминаются такие детали, которые, казалось, невозможно было запомнить.

Именно в один из таких вечеров, когда Андрей Степанович сидел перед камином и размышлял, совсем неожиданно он явственно увидел, как будто под ногами видна зелень травы, пробивающаяся из-под груды камней, и перед глазами стали всплывать картины далекого прошлого...

В то время Андрей заканчивал университет и весь был погружен в изучение любимой его сердцу археологии. На лето их группа поехала под Одессу, в летний лагерь, откуда они

делали походы по окрестностям и занимались раскопками. Группа была небольшая: пять студентов и два преподавателя. Однажды, когда они поехали на экскурсию на лиман, он сел рядом с девушкой из его группы. Они разговорились по дороге, и оказалось, что у них есть общие знакомые. Девушку звали Галя. Так, слово за слово, разговор перешел на абстрактные темы, и дорога показалась обоим очень короткой – два часа пробежали как одна минута.

Когда вышли из автобуса, само собой получилось, что они оказались рядом, и разговор о всяких пустяках был только фоном того, что у каждого происходило в этот момент в душе. А там творилось чудо. Андрей помнит, что в тот момент он забыл, зачем приехал, он не видел ничего вокруг себя, он не слушал, что рассказывали об этих местах, он только чувствовал, что Галя рядом.

Андрей был из приличной семьи юристов, где полки с книгами занимали всю квартиру. Сначала он мог доставать только до первой полки, где стояли Плутарх и Аристотель, потом до второй, где, он знал, стояли Ключевский и Соловьев – это были исторические полки, а на других были учебники по праву, по истории и теории права, и, наконец, была в детстве его любимая полка с Фенимором Купером и Агатой Кристи. Эти книги Андрей прочитал рано и постоянно перечитывал. По мере повзреления его уже стали интере-

совать книги по истории, и однажды он обнаружил археологический словарь. Андрей начал его читать как книгу. Перед ним мелькали страны, культуры, народы, названия которых он впервые увидел в этом словаре. С этого времени у него началась новая жизнь. Одна была реальная – школа, родители, а другая наступала, когда он закрывался у себя в комнате и вынимал заветную книгу, – это была его настоящая жизнь. Он забывал обо всем, что происходило вокруг. Ему казалось, что он путешествует по свету, и эти мгновения его отрочества были самыми счастливыми. Он вспоминал, как хранил свою тайну словаря и как однажды, не найдя его на месте, буквально разрыдался, как будто кто-то украл у него самое дорогое на свете. Ему еще было неизвестно, что потом появятся в его жизни другие ценные вещи, но сейчас значительность этой книги, с которой он проводил часы, совершенно один, в созданном им мире, была неоспорима. Это было толчком к тому, чтобы он сел за стол и стал писать свою книгу.

Этот сумбурный рассказ самому себе об узнанном стал его третьей жизнью после словаря и реальной жизни. Однажды он подумал и написал, что жизнь состоит из многих жизней, и дальше его мысль не пошла, потому что он знал только эти три свои жизни, а сколько их на самом деле, он еще не знал.

Он вспоминал, как потом этот словарь нашелся и как он этому радовался, но он уже узнал, что такое свои мысли, записанные на бумаге, и они стали его тайным миром, который он буквами, словами, строками размещал на клеточках бумаги. Так он разговаривал с собой обо всем, что запомнил из словаря, добавляя к этому описание своих переживаний по поводу несуществующих народов и воображаемых цивилизаций.

Глава 2

И вот он идет рядом с Галей, и ему почему-то это вспоминается: детство и свои мучения по поводу народов и цивилизаций, и словарь. Ему захотелось об этом рассказать. Для чего? Ему нужно было знать, так ли все люди устроены, что переживают такие же эмоции, как он, и он начал свой рассказ, и шел и рассказывал, и даже не ждал от Гали каких-то слов, и когда дошел до того места, что в детстве он додумался, что жизнь не одна, что их несколько, и он знал три – одну реальную и две нереальные, и что он тогда не смог ответить себе, а сколько их, этих жизней, тут он почувствовал, что хочет услышать от Гали какие-то слова. Он посмотрел на нее. Ее черные волосы рассыпались по плечам, куртка расстегну-

лась, – она внимательно на него посмотрела, и Андрей почувствовал, что погружается в бездну. Все расплылось у него перед глазами, и он ощутил нежные губы Гали и ее гладкую кожу. Так продолжалось, казалось, бесконечно. Когда он очнулся, оглянулся по сторонам. Они были одни. Он взял Галю за руку, и они молча пошли...

На следующее утро Андрей проснулся рано и вышел из палатки – он увидел солнце, поднимавшееся над горизонтом, но он ничего не чувствовал, кроме счастья этих минут, после вечернего разговора, и всего, что было потом, и сразу понял, что жизнь его только сейчас и начинается, но она другая, какая по счету, он не знал, но чувствовал, что новая и счастливая. Он в душе переживал это счастье жить, дышать, ощущая себя счастливым. Все так радостно и ярко блестяло вокруг: освещенные солнцем листья серебрились, воздух пьянил свежестью, но это состояние продолжалось недолго. Он его запомнил навсегда и потом часто вспоминал и переживал заново.

Так начиналась его первая любовь, и это было необыкновенно, что вот так просто из рассказа о своей жизни выросла новая его жизнь, уже другая. Он находился в состоянии, когда ощущаешь, что ты весь мир и весь мир твой.

Галя шла навстречу, и Андрей почувствовал, как забилося

его сердце, он остановился, и они говорили ни о чем, а потом пошли купаться. Вода в море была теплая и прозрачная, и они заплывали далеко, смотрели на берег, а потом возвратились в лагерь и каждый пошел к себе, чтобы наедине переживать свое счастье. Андрею казалось, что Галя переживает то же самое. Он не знал ее, не знал ее жизни, но ему представлялось, что по-другому быть не может. Над этим он долго не задумывался, а был просто счастлив один.

Так прошла неделя, другая. Они ходили вместе по окрестностям, разговаривали обо всем на свете, и каждый понимал другого с полуслова, и это общение было так важно, так естественно, и даже вникать в смысл того, о чем говорилось, не хотелось. Все совпадало, мысли, чувства, и передавались они непонятным образом, и казалось, что вся жизнь остановилась и только желание быть вместе, быть рядом и есть ее смысл.

Андрей не догадывался, что Галю немного тяготит такая дружба, что ее уже тревожит мысль о близости, к которой она была готова, а Андрей еще находился в странном оцепенении от того, что творилось у него в душе, которая, казалось, забыла о теле, пока еще заявлявшем о себе очень робко. Только однажды, когда они долго оставались под звездным небом, обнявшись и прижавшись друг к другу, Андрей почувствовал, что его рука непроизвольно производит дви-

жения, которые заставляют Галю дышать глубже...

Дальше случилось то, что случается однажды впервые со всеми. Андрей не понимал себя, откуда у него этот опыт, а это была природа, которая за него делала то, что умом он не мог понять. Галя была счастлива этой их близостью, ей уже давно хотелось это испытать, и это случилось так прекрасно. Андрей был испуган, чувство стыда и ответственности сразу опустило его счастливую душу на землю, и он почувствовал разочарование от того, что его любви как будто стало меньше, как будто дальше ничего не будет, и он не находил нужных слов и молчал, подчиняясь Галиным ласкам как облегчению в этой для него новой ситуации.

Дальше было расставание неизвестно насколько, обещания встретиться в городе – Галя уезжала к родителям, а Андрей возвращался к себе, повзрослевшим, опытным мужчиной, так ему казалось тогда. Он ощущал гордость от того, что случилось с ним, что он теперь другой, взрослый, и это знание придавало ему значительность в его собственных глазах.

Глава 3

Возвращение домой после путешествия всегда одинако-

во. Дом твой собственный кажется другим, чувство отчужденности от знакомых предметов наполняет душу радостью встречи с ними, а привычные условия неожиданно совершенно по-другому воспринимаются. Но это только в первые мгновения новое ощущение, а потом все возвращается на свои места и жизнь идет раз заданным порядком.

Наталья Аркадьевна сидит на диване рядом с Андреем и внимательно слушает его рассказы об экспедиции и удивляется, и радуется. «Мальчик совсем взрослый», – думает она про себя, а в голове мысли о работе, о том, что пообщаться с сыном не так часто случается, ведь нужно еще речь подготовить, чтобы оправдать мать двоих детей, свою подзащитную, и вспоминаются простые и горькие слова: «Да не я его убила... Сама себя не помню, что со мной было». А сколько этих слов за свою жизнь услышала Наталья Аркадьевна, а сколько людей выручила из беды. А сын живет своей жизнью, ей теперь известной, и удивляется Наталья Аркадьевна, думая о своем, сколько их, этих жизней, других, чужих, а ты проживаешь свою, и в своей жизни столько их, чужих, умещается, и ты как будто эти жизни проживаешь сам и что-то додумываешь за других, а твоя собственная где-то теряется порой, и где она, твоя жизнь? Она смотрит на сына – вот она, твоя жизнь, но она совсем другая, независимая и непонятная, и не знаешь, что же все-таки волнует сына, но чувствуешь, что не то, о чем рассказывает, есть другое, важное, о

чем не узнать сразу, только догадываешься.

Наталья Аркадьевна была всегда женщиной очень рассудительной – сын для нее был главной заботой и любовью, и муж когда-то немного отошел на второй план, но это ей так только казалось. Степан Семенович вошел в ее жизнь очень естественно и просто. Однажды ей пришлось по делам обратиться к специалисту по административному праву, и им оказался Степан Семенович. Вопрос был простой, но требовалась небольшая консультация: может ли обыкновенный человек жаловаться на должностное лицо. Требовалось уточнить куда, потому что ее подзащитного уволили с работы без объяснения причин и запись в трудовой не соответствовала статье. Степан Семенович давал разъяснения Наталье Аркадьевне, выпускнице университета. До сих пор Наталья Аркадьевна помнит те первые впечатления, когда она вошла в кабинет к Степану Семеновичу. Он ей показался взрослым, солидным. Он встал ей навстречу, предложил сесть, а она, как на экзамене, стала говорить и волновалась почему-то, а он слушал и молчал, и смотрел и молчал, а потом она вдруг замолчала, и была какая-то минута, когда двое просто смотрели друг на друга, и ей показалось, что он как-то засмутился, и помнила фразу его: «Да, да, конечно, это так», – сказанную не к месту и как будто самому себе.

Наталья Аркадьевна училась в университете хорошо и даже получила красный диплом, потому что отец-адвокат ей всегда говорил: «Знай, что тебя, как мою дочь, всегда возьмут в адвокатуру, но ты должна сама учиться так, чтобы все, что касается специальности ты знала отлично, иначе в нашей профессии нельзя. Умные быстро поймут, что плохо ориентируешься, и отодвинут, а потом сложно будет занимать позиции. Лучше все делать сразу и основательно». Эти простые истины Наталья Аркадьевна помнила всегда, но жизнь оказалась другой, жизнь подчинялась не прописным истинам, а своим собственным, и сразу пришлось сталкиваться, бороться, терять позиции, потом их завоевывать, и сейчас, глядя на сына, который с восторгом рассказывает о своих впечатлениях, Наталья Аркадьевна все время думала о своем, будничном, и ей вспоминался молодой Степан Семенович, который вот так же эмоционально ей рассказывал о случаях из своей практики, а за всем этим восторгом пряталась зарождающаяся любовь, и именно она первая отвела взгляд и разговор наполнился каким-то особенным смыслом, а реальный смысл сказанного уходил куда-то на второй план, и Наталья Аркадьевна помнила, что когда вышла после той встречи со Степаном Семеновичем на улицу, у нее как будто перед глазами был туман, – она вспомнила лицо этого интеллигентного мужчины в очках, и слышала его резкий голос, но не помнила ничего из того, что он ей говорил.

И вот сейчас так похожий на отца сын сидит рядом, а Наталья Аркадьевна, как и тогда в юности, не слышит ничего, а вспоминает и сравнивает, и главная мысль: «Как Андрей похож на отца».

Неожиданно зазвонил телефон. Андрей сорвался с дивана, и Наталья Аркадьевна по порывистому движению сына поняла, что он влюблен. Она слышала отголоски разговора и уже примирилась с мыслью, что ее Андрюша влюбился, и эта мысль ее оскорбляла, как будто она что-то теряла, как будто кто-то посторонний вторгается в ее жизнь, и ей стало грустно от этих мыслей, и она ушла к себе.

Глава 4

А разговор по телефону был самый общий: «Ты где? Ну да. А когда? А скоро? Сообщи, когда приедешь. Ну пока». Андрей бросил трубку и прыгающей походкой пошел к себе разбирать вещи. В комнате был такой беспорядок, что у него отпала всякая охота его нарушать. Он плюхнулся на диван, положил руки под голову и стал мечтать, глядя в потолок. Так пролетело минут пятнадцать, и за это время все его лето отрывками промелькнуло перед глазами, и только картины

близости с Галей привлекли его внимание, и он стал их вспоминать в мельчайших подробностях, и когда доходил до самых тайных мест, все его тело наполнялось непонятной силой и волны счастья пробегали по нему. Андрей встал, начал ходить по комнате, и сладкая истома погружала снова его в мечты самые дерзкие, и он опять ничком падал на диван. Это было продолжением одной из его жизней, и он ее никак не называл для себя, но понимал, что его жизнь становится другой, и он с радостью к ней привыкал.

Ему казалось, что всегда будет это непонятно откуда пришедшее счастье, которое он впервые испытал в то утро, когда смотрел на восходящее солнце, и ему казалось, что все его тело будет наполняться всегда непонятной, но такой упительной и радостной истомой, и казалось, это будет вечно. Так новая жизнь приобщала к своим тайнам юную пробудившуюся душу, и она впитывала опыт вечности и старалась им овладеть.

А Галя, чувствовала она так же или нет, Андрей не знал, но ему хотелось ей, этой незнакомой девушке, рассказать о счастье, с ним случившемся, и он не сомневался, что она его поймет. Он не знал многого в жизни, не знал ее законов, ее переменчивости, и ему это его счастье казалось чудом, случившимся только с ним, и даже о Гале он не думал каждую минуту, он наслаждался своим собственным счастьем. Он

не знал, что острота его переживаний будет меняться, и для поддержания ее нужно будет видеть Галю, но сейчас все это знание было от него далеко и недоступно.

На следующий день он собрался в университет, и, как обычно, утром он позавтракал и быстро вышел на улицу. Он весь светился от счастья. И вот университет. Он вбегает в вестибюль, где, как всегда перед началом, студенты кучками толпятся и все гудит от голосов. Он подходит к своим, и тут же все решают отпраздновать начало учебного года в «Лягушатнике». Ребята выходят на улицу и пешком идут к заветному месту, где на бархатных сидениях полукругом, вокруг стола, устраивается вся компания. Все наперебой что-то рассказывают друг другу, и только Андрей не знает, о чем рассказать, и тут он понимает, что его счастье – это его тайна, что он может говорить только какие-то общие слова, и начинает понимать, что ему неинтересно, что говорят другие, все такое обыкновенное, простое, и он чувствует себя как бы надо всем этим обыденным, он где-то высоко и необъяснимо далеко от этих простых рассказов о рыбалках, кострах, девочках. Он чувствует свое одиночество среди людей, он один, и счастье его куда-то уходит, стирается, а как о нем рассказать? Он понимает, что только Галя может его понять. Он не раздумывая встает.

– Ну, ладно, ребята. Я пошел, – говорит он неуверенно.

– Да что с тобой?

– Ты какой-то странный, – слышит Андрей.

– Да не влюбился ли он?

Андрей чувствует, что для него оскорбительно такое упоминание о его счастье.

– Мне пора. У меня встреча, – говорит он тихо и уходит.

Когда он вышел на улицу, он почувствовал облегчение. Он сразу вернулся домой и, зная, что Галя еще не приехала, сел за письменный стол, достал свои конспекты прошлого года и записи, сделанные летом, и погрузился в чтение. Какое-то время его увлекало описание того, чем они этим летом занимались, но это было каких-нибудь пять минут, а потом мысли его стали растекаться в разные стороны, и он увидел себя и Галю сидящими в лодке, и она качается в разные стороны, но им удастся удержаться, чтобы не упасть в воду, а потом, как будто, эта лодка превращается в плавучий дом, и изнутри он выглядит как пещера, где со стен стекает вода, и они с Галей сидят около ломберного стола с зеленым сук-

ном и раскладывают карты. Андрей смотрит на Галю, и она на его глазах превращается в колдунью, старую, со сверкающими глазами и седыми длинными волосами. Она вытаскивает из колоды карту и показывает Андрею – это бубновый король, и он слышит чей-то глухой голос: «Жизнь твоя будет долгой, если не сделаешь того, что твоему сердцу не мило, но это ты будешь сам знать один, и будет короткой, если будешь слушать своих врагов, – ты сам их определишь, – не бери в попутчицы ту женщину, которую не узнаешь, – это тебя погубит, будь настороже и опасайся дерзких мыслей, людям доверяй, но очень близким, – тогда и успех и удача будут твои...». Вдруг на месте колдуньи оказался маленький человек: «Я твое второе я. Посмотри на меня. Я маленький, это обман, это пройдет, потом я стану другим». Маленький человек исчез, и Андрей проснулся. Он запомнил сон, и какое-то чувство тревоги, ощущение неуверенности не покидало его некоторое время.

Из головы не выходил маленький человек, и Андрей подумал, что сон этот непростой, а потом забыл его.

Глава 5

Начиналась новая пора его юности, начиналась самым

естественным образом, но вернувшись домой после летнего путешествия, Андрей почувствовал, что жизнь его теперь какая-то другая, и мысль о том, что было с Галей, что он теперь другой, взрослый, придавала ему уверенности – он теперь будет с этим жить. Это не мешало ему, но оно присутствовало, это его другое Я, и не считаться с ним он уже не мог.

По своему складу Андрей был человеком осторожным, и это ему мешало иногда, когда нужно было что-то предпринимать, и вот сейчас эта осторожность, как будто, уменьшилась, а на смену ей пришло какое-то беспокойство, которое, он знал, было связано с Галей. Чувство радости и независимого ни от чего счастья куда-то ушло. Он это почувствовал, когда со всеми вместе был в «Лягушатнике». Он понял, что одному ему теперь не так хорошо, как раньше, и мысль о Гале превратилась постепенно в навязчивую идею – ему хотелось ее видеть, ему хотелось ей рассказать обо всем, так хотелось, что он набирал номер ее телефона и вешал трубку, когда к телефону подходил кто-то.

Квартира, где жил Андрей, была старая и большая. Высота потолков в четыре метра создавала неуютное ощущение, но Андрею, с детства привыкшему рассматривать лепнину, очень хорошо было в этом большом пространстве, и его дру-

зья, когда приходили к нему, удивлялись простору – ведь все жили в малогабаритных квартирах, где потолок прямо нависает над головой. У Андрея в квартире окна почти до полу, и подоконник такой широкий, что на нем легко мог уместиться огромный сундук, который стоял в прихожей. Вся обстановка квартиры дышит стариной: скрипучие дверцы шкафов с зеркальными стеклами, на полках стоят разноцветные сервизы и фужеры разной формы – это буфет; шкафы с книгами стояли рядами, занимая две стены, между ними письменный стол, покрытый сукном, с множеством ящичков; все вещи от предков, людей культурных и образованных. Книги везде, а новые вещи, появлявшиеся в доме по моде времени, не могли нарушить этот старый уклад, и даже, казалось, ничего не привносили, но обходиться без современной аппаратуры было уже невозможно, и она терялась среди старых вещей и выглядела скромно и просто.

Андрей сидел за письменным столом и разбирал свои летние записи. Он остановился и попытался представить, как живет Галя. Он напрягал свою память, чтобы вспомнить ее слова о семье, но ничего не получалось. Потом он подумал: «Она ведь уехала домой. Куда?» – и не помнил, куда она уехала, и мысль, что она не живет в одном с ним городе, как-то неприятно его удивила. Почему? Слово «провинциалка» он почувствовал внутри себя, боясь его произнести. И опять

мысль его ушла в сторону. Зазвонил телефон.

– Это я, Петя. Ну как ты? – зазвучал голос в трубке.

– Петька! Ты где и откуда? – радостно откликнулся Андрей. – Надо увидеться.

– Хочешь, приходи ко мне. Все обсудим.

– Ладно. Через час я у тебя.

Петя был школьным другом Андрея. Они дружили с первого класса, а потом Андрей поступил в университет, а Петя пошел работать и поступил на вечерний в технический ВУЗ, и получил отсрочку от армии. В семье Андрея ко всем друзьям относились хорошо, но он иногда слышал, как мама говорила, что «это мальчик из простой семьи». В детстве Андрей над этим не задумывался; но понятия «богатые» и «бедные» присутствовали в разговорах, но у интеллигентных людей, к которым принадлежала семья Андрея, обсуждать это считалось неприличным. Андрей чувствовал всегда, когда к нему приходил Петя, – с ним разговаривают как-то не так, как с другими, и всегда это переживал, и однажды у него вышел неприятный разговор с мамой. Когда Андрей отдыхал, он услышал, как мама сказала:

– Петя, извини, но Андрюша спит.

Он вскочил как ошпаренный.

– Мама, почему ты меня не позвала? – резко спросил Андрей.

– Но ведь ты спал.

– Нет, я не спал. Я знаю, почему ты так ответила, потому что у Пети папа работает на заводе.

– Ну что ты. При чем тут это, – неуверенно ответила мама.

– А при том, что я знаю – вы считаете, что он не может мне быть настоящим другом, – гневно выпалил Андрей, и при воспоминании об этом уже потом всегда краска прилиwała к щекам.

– Успокойся. Петя твой друг, – ласково ответила тогда мама.

– Это ничего не значит, что у него родители простые, – ответил тогда Андрей. При этих воспоминаниях и сейчас сердце его начало биться быстрее.

Тот разговор запомнился Андрею, и как получается, что одно помнится, а другое нет – этого он понять не мог. Но сейчас он искренне обрадовался, что сможет наконец рассказать о своих мыслях Пете. Он быстро переоделся и вышел на улицу.

Глава 6

Время, в котором проходила молодость наших друзей, ушло в прошлое. Это было другое и интересное время – на улицах было мало машин, и иметь свой мотоцикл для большинства было признаком богатства, а о машинах тогда все мечтали, и видя кого-то подъезжающего к подъезду на «Волге» с оленем, люди из окон с завистью смотрели на счастливого. Кооперативная квартира считалась тогда признаком богатства, и обычно тот, у кого была такая, покупал в порядке очереди себе «Жигули» и считался человеком приличным.

Город разрастался вширь, и многие, покидая коммуналки, переезжали в отдельные квартиры. Новоселья, свадьбы во «Дворце бракосочетания» – это не исчезло, но теперь все

другое, и богатые прошлого с кооперативными квартирами и «Волгами» сейчас обычные люди, а новые богатые не могли тогда присниться даже во сне. Время изменилось.

А наши друзья встречаются в то время, когда первая любовь была темой сакральной, тайной, и вот об этом сейчас Андрей едет рассказать своему другу Пете. Андрей дружил с Петей, как дружат один раз в жизни, когда все мысли общие, все обсуждается наивно и доверчиво, и знаешь, что друг не выдаст твою тайну никому. За это друзья любили друг друга, любили по-юношески бескомпромиссно, когда они только в начале жизни и мир духовный представляется единственно важным, когда иллюзии – реальность, а мечта обязательно сбудется. Этот короткий период в жизни проживается как единственный и бесконечный.

Андрей поднимается по чистой лестнице на третий этаж кирпичной пятиэтажки и звонит. Слышится звук колокольчика. Кто-то бежит к двери, тяжело ступая на пятки. Дверь открывается, и друзья, обнявшись, проходят в комнату.

– Садись вот тут. Видишь, купили чешский гарнитур. Сейчас. Подожди. Я подстелю что-нибудь. – Петя уходит и приносит плед, который кладет на кресло с полированными ручками.

Андрей часто приходил в эту уютную квартиру, и, увидев новый гарнитур, почувствовал, что настроение, которое у него возникало раньше, вдруг изменяется на другое и знакомое, как будто он уже раньше был в такой же обстановке, но не у Пети. И это было правдой, потому что такие гарнитуры он видел в магазине, и вспомнил, как однажды они с мамой зашли в мебельный магазин, где в ряд стояли новые гарнитуры, и мама сказала:

– Вот, представляешь себе, что все эти вещи будут стоять в новых и старых домах, и все одинаковые.

Андрей ничего тогда не ответил маме, а вспомнил это почему-то сейчас. «Действительно напоминает магазин», – подумал он, но вслух не сказал этого, и, глядя на Петю, вспомнил, как они раньше мастерили кораблики, сидя за круглым столом, покрытым клеенкой, и так им было хорошо, солнце светило сквозь кружевные занавески, и фикус в углу блестел жирными листьями, и кожаное сидение деревянного белого стула казалось таким удобным и прочным, и оранжевый абажур к вечеру зажигался, и кисточки нависали над столом, так что можно было их потрогать; а теперь все другое: и люстра в пять рожков, устремленных в потолок, и выключатель не черный с узкой кнопкой, а двойной белый, и можно включать или два, или три рожка, и этот полированный гарнитур

с низкой горкой, и бар, изнутри украшенный зеркалами, и полированный стол, приставленный к стене, а на окнах шелковые портьеры. Современное, но как-то неуютно, то ли от непривычки, то ли от чего-то другого.

Андрей мучился своими мыслями и не знал, как начать разговор. Петя рассказал ему, что его не беспокоят из военкомата – он один кормилец, что денег он сейчас зарабатывает достаточно и ему нравится получать зарплату, что у него появилась девушка, с которой они, может, поженятся, а там и дети будут, и опять в армию не возьмут, что у матери ухажер из военных, полковник, и им помогает, и вот этот гарнитур достал.

Андрей слушал о жизни Пети и удивлялся, какая она, жизнь, разная у всех, и пытался себя примерить к Петиной, и знал, что у них было много общего, но это общее где-то далеко в прошлом, а теперь – что теперь? Поймет ли все, что сейчас с ним происходит, его друг детства? И почему-то Андрей никак не мог начать говорить о своих чувствах. Он слушал Петю и думал: «Неужели все это может волновать?» Он так думал, потому что сам не мог всерьез интересоваться бытом, ему казалось, что он сейчас совсем в ином мире, высоком, недоступном другим, и это было его правдой, но его волновал вопрос: «Неужели у других все не так, как у меня?»

Конечно, не так. Это у меня только так». Он стал вслушиваться в то, что говорит Петя.

– Моя подруга сейчас у родителей. Скоро приедет. Да, кстати, она учится тоже в университете, и я даже ее спрашивал, не знает ли она тебя. Она летом тоже куда-то ездила, и, может быть, вы даже могли где-то увидеться. Но писем я от нее не получал. – Петя остановился, чувствуя, что Андрей слушает его невнимательно.

– А как ее зовут? – спросил Андрей.

– Галя. Такое обычное имя, но девушка необыкновенная, – как-то восторженно ответил Петя.

Тут Андрей почувствовал неловкость и не мог пошевелиться, он замер. Все его мышцы напряглись – он смотрел на Петю не говоря ни слова.

– Знаешь, я с ней познакомился случайно, – продолжал Петя, – когда она сдавала экзамены в университет, а я как раз проходил мимо вашего здания, и мы вместе сели в троллейбус и разговорились. Ну, потом встретились. Она живет в общежитии, и я даже к ней туда приходил, и мы там праздновали день ее рождения. Славные у вас девочки, с ней в комнате еще две девчонки. Я ребят привел, помнишь Саню

и Аркадия? Так те вроде как тоже с девчонками. Ну, чего ты притих? Расскажи о себе.

Андрей не мог говорить.

– У тебя есть выпить? – спросил он.

– Сейчас посмотрю. – Петя вышел.

Андрей не знал, что ему делать. Он встал, подошел к окну и увидел, как по двору идет Галя. Он отошел от окна и сел в кресло. Ему показалось, что сейчас он умрет, – так ему стало плохо. В первый момент он хотел выпрыгнуть в окно, чтобы не встретиться с Галей. Все внутри застыло, и он стал считать – один, два, три... Он дошел до пятидесяти и услышал звонок в дверь, но когда услышал из прихожей знакомый голос, вдруг все преобразилось, испуг ушел. Он встал и смело пошел в прихожую. Тут у него в голове прояснилось.

– Андрей, привет, – Галя удивленно смотрела на Андрея.

– Так вы знакомы? – сказал Петя, в первый момент не понимая, что происходит, но по лицу Гали он понял, что... Он ждал.

– Привет, – спокойно ответил Андрей, пока Петя вешал Галину куртку.

Все прошли в комнату.

– Как здорово, – сказала Галя, рассматривая гарнитуры и прикасаясь к полированным поверхностям. – Ты знаешь, я видела такой в магазине, и он мне понравился больше других. – Она смущенно опустила голову, не зная, что говорить дальше.

– Ты хотел выпить, – сказал Петя, обращаясь к Андрею. – Садитесь все за стол. Я сейчас. – Петя ушел на кухню. Андрей и Галя в первую минуту не знали, что делать.

– Ну, как ты съездила к родителям? – спросил Андрей, забыв о том, что Галя пришла не к нему. Галя молчала.

В комнату вошел Петя. Он на подносе принес бутылку шампанского и апельсины.

– Это все, что нашел в холодильнике.

Все разместились за квадратным полированным столом. Петя достал из горки фужеры.

– Открывай, – он протянул бутылку Андрею. Струя шампанского вылилась на гладкую поверхность стола и растеклась в разные стороны.

– Я сейчас, – Петя вышел.

– Я спросил тебя... – тихо сказал Андрей. Минуту, другую Галя молчала, а потом тихо ответила:

– Все потом.

Андрей почувствовал, что к нему возвращается надежда, и он стал думать, как ему быть дальше. Главное, с ней вместе уйти, чтобы она не оставалась с Петей. Он начал борьбу, и почувствовал, как напряглись его силы. Он понимал, что начинается что-то важное. Петя вернулся и вытер со стола, потом ушел на кухню. И в это самое время Андрей взял Галю за руку – она не отстранилась. Он наклонился и поцеловал ее.

Петя возвратился, а Андрей и Галя сидели, как будто ничего не произошло. Андрей наблюдал за Галей. Она молча смотрела на шампанское в фужере.

– Предлагаю выпить за встречу, – сказал Петя, испытывая странное, непонятно откуда возникшее чувство неуверенно-

сти. После шампанского как будто снялась напряженность, и все стали импровизировать, преследуя каждый свою цель.

Андрей хотел закрепить позиции и снова незаметно коснулся рукой Галиной руки. Она не отстранилась. Петя испытывал странное чувство неловкости и не знал, о чем говорить, и сказал первое, что пришло в голову:

– Так вы знакомы. Как интересно. Вы на одном курсе?

– Приготовься, – на Андрея нашло веселое настроение, – мы из одной группы.

Андрей смотрел на Галю, а она смотрела куда-то в сторону. Ситуация была непонятная. И тут Петя сказал:

– Это та самая Галя, о которой я тебе рассказывал. Мы хотим пожениться, – он замолчал, видя, что с Галей что-то происходит. Андрей продолжал шутить:

– А что вы так спешите? Куда торопиться... – он смотрел на Галю, вспоминая лето, вечерние купания, и чувствовал, что то, что с ним было тогда, не имеет отношения к этой Гале, которая тут сидит рядом с ним, и как будто она отказывается от того, что их что-то связывает. И то, что он услышал от Пети, вдруг опустило его с небес на землю.

– Знаешь, мы с Галей обсуждали, что жить ей в общежитии неудобно, лучше будет, если она переедет ко мне. Это так? – обратился он к Гале.

– В общежитии жить весело, но неудобно, – заученно ответила Галя, не меняя позы и также глядя в сторону.

Андрей растерялся от этой Петиной практичной напористости, но понял в этот момент, что его высокое счастье не имеет отношения к реальной жизни, которая подчиняется своим законам, что люди не только влюбляются, но утром встают, умываются, готовят завтрак, идут на работу, приходят с работы, ложатся на диван – смотреть телевизор, а ночью спят, а утром встают. Эта реальная жизнь проходит в комнатах общежитий, в коммунальных квартирах, в отдельных квартирах – она происходит и среди простой мебели, и среди гарнитуров, она идет у всех, как раз и навсегда заведенный механизм, что та самая Галя, с которой Андрей проводил вечера под звездным небом, ласкал, целовал, испытывая впервые новые ощущения, что Галя – реальный человек с проблемами, и эта мысль как-то оскорбляла Андрея, и он потерял уверенность, что ему хочется с этой Галей, жизнь которой он не знает, говорить о своем счастье. Он погрузился в свои мысли, и чувство разочарования и обиды от того, что Галя принадлежит не только ему, она принадлежит жиз-

ни, а в этой жизни всем, кто сможет ей предоставить условия, а это может быть любой, и он тоже, – эта мысль поселила в его душе грусть, и ему захотелось уйти.

Он встал из-за стола, распрощался с Петей и с Галей и пошел пешком под морозящим дождем к своим книгам, чувствуя свое одиночество в мире, как единственную реальность, ему принадлежащую.

Глава 7

Когда Андрей вернулся домой, грустное настроение его не покидало, но самое интересное, что он не думал ни о Пете, ни о Гале, – он думал о жизни, о ее многоликости и неуловимости ее мгновений, которые чередой минут, часов, дней сменяют один другой, и какой из них главный, важный – он не мог сейчас определить, но чувствовал, что его встреча с Галей при таких обстоятельствах – очень важный для его жизни момент, что это какой-то поворот, но куда и к чему, он не знал, и почувствовал внутри ощущение своего одиночества – не знал он в этот момент, что нет конца однажды нахлынувшему чувству своей оголенности в мире, что это будет естественное для него состояние, когда душа будет напрыгаться в поисках счастья, а оно мимолетно и неуловимо,

и попытка его найти обречена всегда, потому что счастье не единственно, его много, но оно постоянно ускользает по мере того, как к нему приближаешься.

А сейчас нужно было действовать, а все вокруг одинаково и однообразно, и только слова фиксируют движения души, и рассказ другим о себе становится тогда реальностью, когда мир узнает о твоих переживаниях. Но желание Андрея рассказать о своих чувствах не находило выхода, и тогда он оставил эти мысли рассказать о них кому-то, и они спрятались в тайниках души, откуда регулярно о себе напоминали, как то, с чем постоянно Андрей свою реальную жизнь сравнивал, как с эталоном гармонии, счастья и любви. И ему это очень нравилось, потому что он один знал, что обладает чем-то особенным, только ему известным, и это его возвышало в своих собственных глазах – он чувствовал свою приподнятость над миром, он над ним парил и с любопытством наблюдал за его суетностью.

Так случайная встреча обрабатывала, шлифовала и обучала душу Андрея, приобщая его к великой мудрости, с которой придется однажды встретиться. Одним удастся понять, что ему открывается драгоценный ларец знания и опыта, и он им дорожит и оценивает высоко, для других это обыкновенно и просто, а для третьих это великое страдание, когда душа возвышается и крепнет, вырабатывая свои меха-

низмы отношения с реальной жизнью, а будничная жизнь состоит из простых действий – она обрастает предметами быта, которые ее украшают и улучшают, но душа надо всем этим парит высоко и независимо, чувствуя свободу свою от материального мира.

Андрей принадлежал к категории людей особенных, – ему так казалось, и это было его правдой. Он был так устроен, что реальный мир существовал для проживания его духа – окружающие предметы служили ему, он их даже не замечал, не придавая им никакого значения, он весь пребывал в идеях, и только иногда ему приходилось опускаться на землю, в реальный мир, и подчиняться его законам.

Последняя встреча у Пети не прошла ни для кого из участников бесследно. Петя догадывался, что было что-то, о чем он не знал. Он не хотел ничего выяснять, понимая, что это ничего не изменит. А вот Гале было над чем поразмышлять. Кто за нее сделал выбор в этот вечер? Здравый смысл, который говорил: «Петя – это реально, а что такое Андрей? Любовь?» Она не хотела ничего выяснять – она подчинилась обстоятельствам: раз Андрей ушел, значит так должно было случиться. Она не переживала по этому поводу, и только чувство неудовлетворенности, какого-то предательства – по

отношению к кому? – она не могла себе ответить на этот вопрос, – напоминало о себе чувством неловкости, и она эти мысли отгоняла прочь.

Когда Андрей ушел, Петя сразу спросил Галю:

– У вас было что-то? – и она совершенно спокойно ответила, что нет, и продолжала пить чай, размешивая ложечкой сахар, и с аппетитом ела бисквит, и только когда Петя вышел, вдруг непроизвольно по ее лицу пробежало подобие улыбки, странной, на что-то намекающей, – ей в этот момент почудилось, что в комнате запахло югом, хвоей и морской водой, и она продолжила свое чаепитие, глядя перед собой загадочно, но этого не мог видеть Петя, потому что она сразу стала прежней, непроницаемо-спокойной, когда он вернулся.

– Знаешь, я думаю, нам не надо тянуть со свадьбой. Ведь ты переедешь завтра ко мне? – спросил Петя.

– Конечно. Вот только надо вещи собрать. Да, собственно, у меня ничего нет – один чемодан и сумка.

Галя смотрела в уверенно спокойные глаза Пети, чувствуя, что ей хорошо с этим человеком, что он ей понятный и близкий.

– Ты останешься сегодня? – неуверенно спросил Петя. Она на секунду задумалась, подошла к нему и порывисто обняла – губы их непроизвольно соединились. Что значили эти ласки с этим конкретным мужчиной Петей, Галя не понимала, но ей на мгновение показалось, что рядом Андрей, и она смело отдалась этим ею придуманным ощущениям с реальным мужчиной, как будто с тем, с которым ей было недавно так хорошо. Механические движения, в которые вмешивались воображение и память, показались ей так сладостны, что она чуть слышно застонала, испытывая радость близости с мужчиной вообще, но в этот момент ее душа принадлежала другому, который был далеко и не принадлежал ей.

Когда оба очнулись, Петя спросил:

– У тебя был кто-то?

Он почувствовал, что Галя особенная, очень для него привлекательная, но близость с ней была какой-то другой, новой, и он не мог понять, что такое с ней – то ли она его полюбила, но что-то его настораживало в этой ее пробудившейся чувственности, как будто она стала независима от него, и это его немного огорчало, потому что такой она нравилась ему очень, так, что он испугался своей от нее зависимости.

– Какой ты глупый, конечно, нет, – откровенно врала Галя, радуясь своему обману и тому, что с Петей она могла испытывать эмоции, похожие на те, которые в ней пробудил Андрей. Ее практичная натура быстро поняла, что так жить ей будет удобно – жить с одним, а любить другого, но она не осознавала, что эта близость с Петей была под впечатлением только что ушедшего мужчины, а память смогла скрасить все не имеющее к этой ее тайной любви отношения.

Вечером они взяли такси и привезли вещи Гали. Заняли они ту самую комнату, где стоял новый гарнитур. Мама Пети, женщина добрая, не хотела, чтобы молодые были в чем-то обижены, и искренне радовалась на свою проворную невесту, которая раскладывала по ящикам свои вещи. Главное, что комната была изолированная, а диван раздвигался, так что им больше ничего не нужно было. Решили, что питаться будут отдельно – это удобно, у всех разное расписание дня.

На следующий день подали заявление в ЗАГС, и оставалось подождать месяц. Они начали подготовку к свадьбе.

Глава 8

Странная началась для Андрея жизнь. Он днем должен

был в группе встречаться с Галей, но сначала не знал, как ему себя с ней вести. Петя ему позвонил и сказал, что они подали заявление в ЗАГС и что он просит его быть свидетелем.

Галя себя вела очень естественно и просто. Она не садилась рядом с Андреем, а, поздоровавшись, шла на свое привычное место в аудитории, где они с приятельницей сидели в прошлом году.

Что творилось в это время в душе Андрея, знает он один. Сердце начинало быстрее биться, когда он видел, как Галя входит в аудиторию. Он делал вид, что не замечает ее, и погружался в конспект, записывая, что говорит преподаватель, а сам той стороной тела, которая была со стороны Гали, чувствовал ее присутствие всякую секунду – тело его с этой стороны немного покалывало и оно было горячее, так ему казалось. Особенно все это он чувствовал в первые две недели, потом он привык к этим ощущениям. Постепенно острота его переживаний утихла, и он спокойно переживал свою влюбленность, видя предмет обожания каждый день. Он не хотел ничего выяснять, и только вопрос, может ли он быть свидетелем на их свадьбе, не давал ему покоя. Он понимал, что если откажется, то это вызовет подозрения у Пети, говорить начистоту – это значит разрушать их спокойное счастье, согласиться – это подвергать себя испытанию. Он не мог без страха подумать о надвигающейся свадьбе. Когда он

в книгах читал о подобных ситуациях, они ему представлялись выдуманными, а когда он оказался сам в подобной, то это ему казалось каким-то фарсом, как будто это происходило не с ним.

Петя чувствовал, что с Андреем что-то происходит, но боялся задавать лишние вопросы. Он чувствовал, что у них с Галей что-то было, но делал вид, что не догадывается. Андрей не давал определенного ответа, и вот как-то Петя позвонил Андрею и прямо сказал:

– Понимаешь, тут у Гали есть пара, которые недавно поженились, они как нитка с иголкой, везде вместе, подруга согласилась быть свидетельницей, и чтобы муж тоже был свидетелем. Ты свободен. Будешь почетным гостем.

У Андрея как гора с плеч свалилась.

День свадьбы приближался, и ничто не предвещало никаких сложностей, и только однажды Петя позвонил Андрею и сказал:

– Ты у меня самый близкий друг. Скажу по секрету, Галка беременна, так что готовься к крестинам.

– Поздравляю. А когда ожидать потомство?

– Наверно, в апреле.

Андрея как будто что-то кольнуло в сердце. А про себя он подумал: «Неужели...» Он не закончил свою мысль, а начал ходить из угла в угол. Его мучил вопрос: «Неужели это мой ребенок?» Эта мысль не давала ему покоя, и так ему захотелось узнать правду...

Если бы он не был влюблен, если бы у них ничего не было, этот вопрос его бы не волновал, но он знал, что имеет к этому факту отношение. Он задавал вопрос: «А она любит Петю или нет?» Почему раньше это его не интересовало? И неожиданно он понял, что струсил тогда, когда ушел и оставил Галю с Петей, именно испугался, но когда он стал примеривать свое счастье к реальной жизни, он понял, что не готов к жизни и не может свое счастье любить Галю представить в реальных обстоятельствах. И он перестал думать о том, что ему сообщил Петя.

Глава 9

Мама Андрея после возвращения сына из экспедиции

чувствовала, что ее мальчик сильно нервничает. Она это видела и по тому, как он радуется невесело, старается оставаться один, и однажды она ему сказала:

– Ну, если у тебя есть девушка, пригласи ее.

– Мама, никакой девушки у меня нет, – спокойно ответил Андрей, и мама поняла, что он влюблен безнадежно, по той серьезности, с которой он сказал «Нет». Мама услышала по интонации, почувствовала сердцем все, что с сыном происходит, и ее душа болью отозвалась на это «Нет». Она подумала, что очень бы любила девушку Андрея, она это придумывала, чтобы утешить себя и не переживать за сына, за его придуманные, понятные сложности, она вспоминала свою молодость и удивлялась, когда ей говорили, что юность самое счастливое время.

«Это не так, – думала Наталья Аркадьевна, – самое счастливое время мимолетно и неуловимо, и в любом возрасте и свое счастье, и свои сложности. Только то время хорошо, когда душа твоя на месте, ей положенном, не мечется, а знает, не страдает, а умиротворена». Это больше к ней теперешней подходило, и это она про себя так думала сейчас и вспоминала себя молодую, студентку второго курса, когда уже должен был появиться Андрюша, и счастье и неуверенность, и страх за его будущее, и сколько прибавляется обязанностей,

живешь не только для себя, а потом его болезни, сложности с мужем и его работой, когда в университете, где он преподавал, пришел новый декан и стал проводить «чистку» рядов по национальному признаку, и как чудом Степану Семеновичу удалось избежать увольнения, и вот теперь сын с его сложностями, и что будет и как, она сейчас не гадала.

От природы рациональная, она себя не должна была обуздывать в эмоциях – вся ее натура была подчинена правилам. Угроза нарушения этого могла ее немного беспокоить, не более, и сейчас, размышляя о сыне, о его душевных переживаниях, она не впадала в истерику, панику, а, рассуждая с самой собой, знала, что все естественные юношеские порывы однажды исчезнут и ничто не будет о них напоминать, и, как любой нормальный человек, она не могла знать всех возможных вариантов событий. Она ушла к себе и занялась подготовкой к совещанию.

Что могло серьезно взволновать Наталью Аркадьевну – это разные профессиональные дела, и в этом смысле ей на помощь приходил опыт, когда, казалось бы, запутанный клубок противоречий вдруг разваливался на составные части и от узла неразрешимых проблем ничего не остается.

В отношении сына ее планы шли в четком направлении – научная работа и все вытекающие из этого обстоятельства.

Женитьба не входила в планы Натальи Аркадьевны. Ей хотелось, чтобы сын однажды встретил умную женщину, но не сейчас, а когда-нибудь потом, чтобы они вместе занимались наукой, чтобы дети появились не сразу, и обязательно эта предполагаемая женщина должна быть их круга.

Это последнее обстоятельство было для Натальи Аркадьевны идеей-фикс – «наш круг», люди нашего круга, это постоянно звучало в доме и было как обязательный компонент при приготовлении пищи, как соль, без которой нельзя есть. Это представление о некоем круге людей – Наталья Аркадьевна понимала под этим совершенно конкретные вещи: образование, доход, связи, умение разговаривать особенным образом, как принято в нашем кругу, умение обойти острые углы, не затронуть некую тему, отношение к которой в нашем кругу особенное, и вообще, это неуловимое, но ясно осязаемое ею представление о людях, которых для простоты называют «наши», «свои», и когда рекомендуют кого-то, непременно скажут: «Наш человек».

Андрей с детства жил в этом кругу и с молоком матери впитал в себя все тонкости и переливы этой эфемерной материи «наш круг». И разговоры родителей о людях им воспринимались как данность – ему не приходило в голову подвергать сомнению истины, которые людьми их круга призна-

вались как единственно верные и правильные, и только однажды он вступился за друга Петю, и теперь вспоминал это, оказавшись в этой для него неудобной ситуации, он внутренне теперь согласился с теми словами мамы из детства, против которых восстал, понимая, что Петя не виноват перед ним.

Однажды, когда Андрей вернулся домой, Наталья Аркадьевна совершенно неожиданно спросила:

– Ну, где твой Петя? Что с ним? Ты мне всегда о нем рассказывал, а сейчас... – она замолчала, когда увидела, как спокойное лицо сына напряглось, на нем появилось строгое выражение, сменившееся растерянностью. Он не знал, что ответить, но понимал, что надо что-то отвечать.

– Он мне давно не звонил. Наверно, куда-то уехал. – Андрей отвернулся.

– Как уехал? Я его недавно видела с девушкой, и, кажется, он влюблен, и девушка такая у него славная, но мне показалась очень простой. Я же тебе говорила, что Петя не нашего круга, и девушку такую же себе выбрал. Видно, или продавщица... – она осеклась, увидев на лице сына страдание. Андрей сжал губы, слезы изнутри рвались наружу, но он их сдерживал, стиснув зубы. Он чувствовал, что если произне-

сет хоть одно слово, оно его выдаст. Он отвернулся и молча смотрел в окно. Какие-то люди на балконе напротив вышли покурить, дверь на балкон осталась открытой, и слышны были звуки музыки. Андрей страдал, он чувствовал полное одиночество, свою ненужность никому, но любовь матери была для него оскорблением, потому что он чувствовал свою с ней очень большую близость, а рассказать ей все, поплакаться, он считал слабостью, и поэтому переживал молча.

Потом он пошел в свою комнату, закрыл дверь, бросился на диван и, уткнувшись лицом в подушку, пролежал так неизвестно сколько. Никакие мысли, кроме своего горя, его не посещали. То Петя с Галей, то он с ней там, летом, среди травы, – эти сцены мелькали перед его глазами, и он ревновал жестоко, ненавидя и любя одновременно, и мысль о ребенке где-то лежала глубоко, дотрагивалась до сердца и, сжимая его тихонько, делала ему больно. Когда он очнулся, была уже ночь, в квартире было тихо. Он встал и тихонько, на цыпочках, пошел на кухню, открыл холодильник, что-то достал и начал есть – жизнь продолжалась, напоминая о себе голодом, и страдание потихоньку уступило место естественным желаниям.

Кто не любил однажды, не поверит, что страдание от неразделенной любви хуже самой сильной боли – в этот

момент человек себя не помнит, не чувствует, весь мир – это одно страдание, всепоглощающее и непреодолимое, оно обостряется временами, потом отпускает, потом оно неожиданно усиливается снова, уже не имеющее вообще отношения к чувствам, вспыхивает и пожирает изнутри.

У Андрея это было так. Он считал, что жизнь окончена, – вот бы свести с ней счеты, освободиться от этого ига, но жизнь отвлекала его, и он продолжал действовать и делать механически то, что нужно. Так же Галя приходила в аудиторию, так же билось сердце Андрея, и он не смотрел туда, где она, так же после лекций Андрей шел домой, но теперь к его страданиям прибавились страдания его мамы, которая старалась что-то узнать, задавала вопросы, а он не мог ничего с собою поделать – у него не было слов, чтобы объяснить, что же случилось.

Глава 10

Как-то Галя не пришла на лекции, а Андрей ждал, что она появится, и когда она не пришла еще раз, Андрей понял, что это связано с ее положением. Постепенно ожидания прекратились, и он мог спокойно оглядываться на прошлое и вспоминать. Он отказался идти на свадьбу под видом болезни, а

Петя не задавал ему вопросов.

И однажды Андрей почувствовал радость, когда вошел в аудиторию и понял, что он начинает поправляться от этой своей болезни, он чувствовал, что физически внутри него что-то происходит, и ему дышалось легче, и он обращал внимание на какие-то предметы вокруг – так заканчивалось его первое духовное испытание любовью, которое он достойно переносил в одиночестве, не обмолвившись ни с кем ни словом.

Наступила весна, приближалась сессия, и солнце светило ярко, и птицы пели, и деревья покрывались листвой, и студенты стайками сидели на скамейках около университета, и Андрей вместе со всеми ходил в «Лягушатник», пил шампанское на днях рождения и радостно и нейтрально развлекал случайных девушек, которые все как одна были немножко увлечены этим симпатичным юношей с густой шапкой черных волос и мужественным выражением лица, всегда гладко выбритого.

Андрей чувствовал, что нравится девушкам, но душа его молчала, а воспитание не позволяло опускаться до случайных встреч – он держал себя строго, подчиняясь своей выработанной морали. Отношения к женщинам у него вообще

не было никакого. Он их воспринимал как товарищей и никогда не пускался в мужских компаниях в циничные обсуждения женщин. Его утонченная натура начинала страдать от грубых и простых слов – он был другой, особенный, и за это себя ценил.

Отношения с мамой были спокойными, но он никогда с ней не касался того, о чем она одна догадывалась.

Жизнь менялась на глазах, но общественная жизнь так же не увлекала Андрея, как и раньше. Двое его друзей уехали в Америку вместе с родителями и присылали ему поздравления и приглашали приехать, но он был ко всем этим заграничным штучкам равнодушен. Его увлекала только наука, а ею ему не мешали заниматься, и он углублялся в изучение культур, и книги по-прежнему были его основными друзьями. Он превращался постепенно в настоящего ученого – таким, наверно, и родился, – и написание статей и докладов стало главным его занятием.

Так он закончил университет, остался в аспирантуре, и ничто, казалось, не могло изменить его жизнь. Но вот, однажды, когда он возвращался домой, он зашел в магазин и увидел за прилавком Галю. Сердце его забилося быстрее. Он не знал, что ему делать. Она внешне мало изменилась –

такое же простое и открытое лицо, стрижка под мальчика, вот только одежда продавщицы ее как-то особенно простила. Она была не одна из тысячи, а такая же, как все. И Андрею вспомнилось замечание мамы «очень простая девушка». Когда Андрей был влюблен, он так не думал – никакие слова не подходили к его девушке, – но сейчас он почувствовал, что Галя простая и что эта простая Галя ему нравится, но уже по-другому.

Он смотрел на женщину, перед ним стоящую, и угадывал в ней знакомые черты лица, которые он забыл. Это новое впечатление от лица любимой когда-то девушки ему казалось совершенно незнакомым – как скала под влиянием ветра, солнца и прибоя меняет свои очертания, так и это новое для Андрея лицо Гали. Оно казалось ему новым, и только по каким-то черточкам он с трудом узнавал прежние черты лица, которое его воображение превратило во что-то мало напоминающее реальность.

Мы не можем в своем воображении представлять лица людей такими, какие они есть на самом деле, в памяти сохраняется облик, очертания и ощущение человека, какие-то отрывки тех картин, где конкретный человек присутствовал и запомнился, но лицо любимого человека ускользает, и пытаешься его восстановить, а оно искажается и меняется вся-

кую секунду вслед за мелькающими ощущениями, которые в памяти мало близки к реальности, оставаясь такими, какими были в прошлом. Настоящее их не изменяет.

Галя улыбнулась, и сквозь маску строгости и взрослости выглянуло милое лицо любимой когда-то женщины, с которым, казалось, он не расставался ни на секунду все эти годы.

– А что ты тут делаешь? – спросил он, не понимая, как она оказалась здесь.

– Это долгая история. Деньги зарабатываю. После всех этих перипетий я осталась на нуле.

Она замолчала, и в ее глазах Андрей прочитал страдание.

– А где Петя? – и по тому, как Галя опустила голову, Андрей понял, что случилось непоправимое.

– Его убили. Знаешь, ведь коммерция – это риск. Он задолжал... – она вынула из кармана платок и приложила к глазам.

– А с кем ты живешь? – по биению сердца Андрей почувствовал, что надежда закрадывается к нему. Надежда на что?

На счастье? Он не мог этому верить.

– Живу с сыном. Похоронила свекровь. Долги большие, так что приходится крутиться. – Она молча подала покупателю коробку конфет.

Было послеобеденное время, и народу никого не было.

– Ты во сколько кончаешь?

– В половине девятого. Надо выручку сдать. – Она повернулась спиной, чтобы достать пачку печенья, и Андрей заметил, что она такая же стройная, как и раньше.

– Я за тобой зайду, – сказал уверенно Андрей. Ему в голову не могло прийти, что у Гали может кто-то быть. Он не сомневался, что после Пети место около Гали принадлежит ему. Галя молчала. Через секунду Андрей услышал:

– Ты знаешь, я живу не одна с сыном. У меня есть человек, который мне очень помогает.

Андрея как ведром холодной воды обдали.

– Ты его любишь? – тихо спросил он.

– Не знаю, – услышал он в ответ.

– Когда я смогу с тобой увидеться? – Андрей наступал. Он понимал, что если он на этот раз не пойдет в атаку, то сделает непоправимую ошибку. Что-то внутри говорило ему именно об этом, и он наступал уверенно, не думая о сложностях с мамой, не думая о сложностях Гали и не зная еще всего в этой непонятной ситуации.

Галя вспоминала свою романтическую влюбленность и понимала сейчас, что вышла за Петю потому, что Андрей ее оставил, не боролся, и то, как он потом ее избегал, было для нее знаком того, что он ее не любит, и одна она знала, что ребенок, которого родила, был его, Андрея, ребенок, и Петя ни разу не задавал ей вопросов, но сейчас – вот он, мужчина, с которым не было когда-то возможности соединиться, он ищет встречи.

Так просто случилось то, о чем Галя раньше мечтала, когда готовилась к свадьбе с Петей. Вот бы так раньше просто бы, взял бы Андрей да сказал: «Давай будем вместе». И она, не задумываясь ни о чем, жила бы с ним просто так, и родила бы просто так, не расписываясь. Но Андрей избегал ее, не хотел ничего выяснять, и мысль, что для него это только летний роман, долго и мучительно потом не давала ей покоя. Душа ее странным образом принадлежала тогда Андрею, но

он не знал об этом, и не было никакой возможности соединиться с ним. Но это только сейчас так казалось Гале. Она вспомнила, что тогда раньше испугалась обнаруживать свой роман с Андреем перед Петей – реальный Петя предлагал все, а Андрей? Что тогда могло у них быть? И сейчас, по прошествии лет, мысль об этой практичности неприятно напомнила Гале о ее реальном положении девочки из провинции.

Что изменилось? Жизнь повернулась неожиданно и несчастливо, но у нее был дом, у нее был сын, которого она любила. Он становился очень похож на Андрея. И что сейчас? Появившийся в ее жизни Рафаил не был простым работягой. Это был интеллигентный человек, старше ее на пятнадцать лет, разведенный, и жили они семьей уже год, и ничто не предвещало перемен.

Было трудно сразу все наладить, но постепенно, после нескольких встреч, Рафаил Семенович предложил переехать к нему, а квартиру Гали сдавать, чтобы рассчитаться с долгами. Так и сделали, и сейчас Галя жила с сыном и Рафаилом в его огромной квартире, вместе с его мамой Ноной Аркадьевной, женщиной интеллигентной и доброй, которая на удивление хорошо относилась к Гале и ее сыну. Она даже говорила, что Галин сын Сергей очень похож на Рафку в детстве. «Бывает же такое», – повторяла она часто, когда они с Галей оставались вдвоем. И все это вместе была устроен-

ная Галина жизнь, и долги постепенно отдавались из денег от сдаваемой квартиры. Все это в секунду пробежало у Гали в голове, а Андрей стоял и ждал, когда она ему ответит.

– Ты понимаешь, все не так просто, как кажется. И сейчас я не могу сразу тебе ничего сказать. Хорошо, что ты появилась. А ты женат? – она ждала напряженно ответа.

– Нет. Все по-прежнему. Я занимаюсь наукой. – Он замолчал, понимая, что его жизнь может выглядеть какой-то странной со стороны. Почему не женат? То ли не встретил никого, то ли любит кого? Никто не поверит, что он любит Галю. Это так несовременно, так не похоже на него, солидного мужчину, но для него это было естественно: жить с родителями, не жениться, не влюбляться, не искать приключений на свою голову.

Андрей смотрел на Галю и ждал.

– У меня сейчас все в порядке. Вот так... – Галя замолчала и отвела глаза в сторону.

Глава 11

Когда Андрей вернулся домой, он почувствовал тот прилив одиночества, о котором, казалось, забыл. Ему неприятно было узнать все, что сообщила Галя, и он чувствовал, что стоит где-то в стороне от жизни, в которой у всех что-то происходит, а он как будто застыл, как будто остановился. Он пытался понять эту простоту и естественность жизни у других и не мог к себе ее примерить – все равно он никого, кроме родителей, не мог рядом с собой представить.

Он вспоминал свою жизнь последних лет, и неожиданно перед его глазами появилось лицо сотрудницы. Ее звали Анастасия Евгеньевна. Они вместе преподавали на кафедре. И он вспомнил свой мимолетный роман с ней и задался вопросом, а почему нет, почему это промелькнуло, и он не остановился, не задержался, – вот ведь Галя, та самая, которой он якобы хранил верность, сразу после Пети нашла себе кого-то – и тут он признался себе, что все эти годы обманывал себя, придумывая нереальную Галю, как щит, заслон от внешних впечатлений, и мысль тривиальная, что у него просто мало средств, чтобы поменять что-то в жизни, и картины его романа с Анастасией Евгеньевной опять всплывали перед глазами.

Вот ее уютная двухкомнатная квартира и балкон, на который они выходят полюбоваться видом, этими громадами высоких недостроенных зданий, перемежающихся стрелами

башенных кранов, – этот индустриальный пейзаж не успокаивал, не раздражал, а как будто напоминал о постоянных изменениях в жизни, когда люди заполняют эти клеточки домов, там любят, рожают детей, съезжаются и разъезжаются, постоянное движение, и когда вечером в окнах зажигаются огни, так становится на душе спокойно, что и ты вот в одном из этих окон, в своем жилище ждешь приближения ночи и коротаешь вечер с любимым человеком.

Так казалось Андрею, когда он оставался у Насти, как он ее называл, с какой радостью тогда, когда все это случилось, он после работы приходил прямо к ней, и они на кухне за маленьким столиком, покрытым пластиком, беседовали за бутылкой хорошего вина, как потом они шли в спальню, и до утра Настя принадлежала ему так, как, казалось, никогда никому не принадлежала, и наутро, уставшие и счастливые, они пили кофе на той самой кухне, где вчера решали вселенские проблемы и говорили, говорили – а почему нет?

Этот вопрос сейчас задавал себе Андрей. Он, встретив Галю, понял, что любовь его осталась в прошлом, и если бы Галя его позвала, он, может быть, пошел бы за ней, но она не позвала, она жила своей жизнью, ею созданной, и он как будто освободился от юношеской привязанности к романтическому прошлому, которое мешало ему сейчас серьезно подумать о той женщине, которая была рядом.

Он набрал номер телефона Насти. Никто не брал трубку. Он ждал и наконец услышал мужской голос. Андрей повесил трубку. Он почувствовал себя опять несчастным, как будто все женщины мира сговорились не пускать его к себе, как будто он был никому не нужен. И это была правда его теперешнего положения. Всю ночь он ворочался с боку на бок, понимая, что хочет изменить жизнь, и, бессильный от этих ночных мыслей, которые распирала его уставший мозг, он под утро уснул и проспал до полудня.

Нельзя сказать, что у Андрея не было знакомых женщин. Он открыл записную книжку, и первое имя – Тамара – сразу пробудило его к жизни. Тамара была его случайной знакомой из тех «простых», которых очень боялась Наталья Аркадьевна, называя их провинциалками и аферистками, но вслух она таких слов не произносила, и Андрей знал, что нельзя маму в эту сферу своей жизни допускать, и мама жила в некотором вакууме, куда не могли проникать неприятные ей сведения о жизни сына. Кое о чем она догадывалась, но ничего конкретного не знала.

Тамара подошла к телефону, и Андрей сразу спросил:

– Можно, я за тобой зайду и мы куда-нибудь... – он не

договорил.

– Помнишь, ты все собирался меня к себе на дачу пригласить? Ну как? – Тамара говорила с небольшим акцентом, она была наполовину грузинка, и это сохранялось в ее облике женщины юга: гладкие черные волосы, правильные точеные черты лица и огромные светло-карие глаза.

У Тамары была машина, и она после работы встретила с Андреем недалеко от ее дома, где жила с мужем, двумя детьми и матерью. Муж был в командировке в Италии, и Тамара себя чувствовала женщиной свободной. Ей было за сорок – она была в той поре, когда неизрасходованная любовь самым естественным образом вдруг выплескивается на того, кто этого захочет.

Андрей ничего конкретного о жизни Тамары не знал и не хотел знать – сейчас он хотел просто отвлечься от своих проблем, и Тамара была для этого настоящим подарком. Самое главное – ее необузданный темперамент, как будто специально сохранил свои силы для Андрея, которого она считала таинственным мужчиной, о чем постоянно ему говорила. В постели она была хороша, и Андрею захотелось ее сейчас и сразу, прямо здесь, и он ей об этом сказал:

– Давай свернем в сторону, – на что Тамара, любившая

комфорт и удобство, не согласилась, и это разозлило Андрея.

– Что это значит?

– Это значит, что я хочу к тебе на дачу, – спокойно ответила Тамара. Их прошлое свидание было каким-то сумбурным, а сейчас она хотела, наконец, посмотреть на дачу Андрея, о которой он говорил, но никогда не приглашал ее туда. По опыту она знала, что мужчинам бывает достаточно того, что случается, и они уже не хотят тратить время на длительное общение. У Тамары вызревал план завоевания Андрея на длительную перспективу, и, как женщине практичной, ей хотелось знать о его финансовых возможностях, чтобы как-то использовать для своего бизнеса. Она занималась торговлей: у нее было два магазина, у нее лично, и муж ей мало помогал в ее бизнесе.

Про Андрея она знала, что он из обеспеченной семьи, хотя ей было непонятно, что понимать под этой обеспеченностью. Но все это можно было выяснить не наскоком, не сразу, и для этого нужно не просто где-то переспать, а пообщаться.

Она уверенно вела машину и остановилась у супермаркета.

– Андрей, давай зайдём, – предложила Тамара.

Андрей спокойно вышел. В последнее время, после всех сложностей, на его голову сваливались регулярно гранты – это были приличные деньги, и Андрей чувствовал себя уверенно и всегда брал с собой какую-то приличную сумму денег – мало ли что. Он еще не знал, что такое деловые женщины, не знал их аппетита и замашек. Он не знал, что это хищницы, которые ловят мужчин, чтобы раскрутить, чтобы заставить их работать на их бизнес. И такие мужчины находились, но не в среде интеллигентных людей, к которым принадлежал Андрей. Он не догадывался, что Тамаре надо выяснить его финансовые возможности, что-то и она втирается к нему в доверие, и безропотно подчинился ее предложению.

Когда Андрей вошел в супермаркет, он впервые почувствовал себя в роли мужа, держась за ручку тележки, в которую Тамара уверенно складывала продукты. Ему стало неловко, и он стеснялся находиться рядом с этой уверенной яркой женщиной, которая вела себя как жена. Почему-то Андрею показалось, что вот так возят в коляске ребенка, впереди себя, – он взглянул на себя со стороны, и роль мужа-отца явно ему не нравилась, не стыковывалась со всем тем, что составляло главное в его духовной жизни, и он почувствовал, что не может никак этот реальный мир с его пошлостью каждого дня, наполненного будничной суетой,

покупками, приобретениями, благоустройствами и выгодами, принимать всерьез.

Ему сразу стало скучно и неинтересно, а когда он представил себе, что вот вместе с этими бутылками, коробками, пакетами эта конкретная женщина войдет в его обитель, где он уединяется со своими мыслями и книгами в любое время – в дождь, в холод, зимой и летом, весной и осенью, когда смотрит на опавшие листья кленов или на заснеженные ветки елей, когда вечером вся поляна перед окнами искрится от мороза и ему так хорошо перед камином – в огне трещат дрова, – ему при воспоминании об этом стало жалко чего-то, то ли самого себя, и он увидел в этот момент тележку и Тамару, размахивавшую руками и громко говорившую ему:

– Встань в очередь. Я сейчас... – и она устремилась в отдел, где были выложены горкой прозрачные пакеты, и пришла через какое-то время с комплектом белья и накрыла им все, что было в тележке. Этот яркий пакет в скользкой упаковке равномерно двигался назад и вперед. Андрей отпустил ручки тележки, протиснулся к выходу, слыша вслед удивленное восклицание Тамары:

– Ты куда? А кто будет расплачиваться?

Он вытащил из кармана бумажник, достал из него деньги,

обернулся, протянул деньги и вышел на улицу.

Когда свежий воздух ударил ему в лицо, он пошел не оглядываясь, не думая ни о чем, шел наугад, сталкиваясь с прохожими, которые на него оборачивались, а он шел, испытывая неясное ощущение, что делает то, что ему хочется...

Глава 12

Андрей вернулся домой и сразу прошел в кабинет, сел за стол и достал листки, исписанные его аккуратным почерком. Это были его последние записи, которые он регулярно делал и складывал в папку. Он начал писать:

«Иногда мне кажется, что жизнь людей – это бессмысленные передвижения в пространстве, от того, что материя не может не двигаться – иначе она начинает разлагаться. К этой мысли я прихожу всегда, когда смотрю в окно на движущихся туда и сюда людей, но про себя я могу сказать точно, что я – другой, у меня есть мое творчество, и я его раб. Если я не делаю каждый день каких-то новых для себя наблюдений, которые мне кажутся подтверждениями того мнения, что моя теория о бессмысленности жизни меня окру-

жающей, верна, то, я считаю, день прожит зря. Мысль, что нельзя терять время попусту, мне всегда казалась пошлой и тривиальной, но сейчас, когда мне уже за... (тут Андрей поставил многоточие, желая потом проверить универсальность своего вывода), я чувствую, что она заставляет не делать того, о чем я потом буду сожалеть. Отчего другим, как мне кажется, не скучно заниматься этими пустяками, этой ерундой – от того, что это единственно возможный для них способ жизни».

Когда Андрей написал эту последнюю фразу, он почувствовал облегчение. Ему показалось, что она объясняет жизнь других, которая его начинала иногда интересовать, и он долго переживал всякие случайные наблюдения, как будто они его касались лично. Иногда он думал так: «Неужели все вот так, как я, реагируют на окружающее, слишком активно?» – и приходил к выводу, что, наверно, это он такой другой, особенный. В этом заблуждении он пребывал до тех пор, пока не пришел к более разумному выводу: «В жизни все многообразнее, и сколько таких, как я, столько и других», – но этот разумный вывод ничем не подтверждался, и он по-прежнему испытывал тоску и одиночество.

Чем больше он задумывался над своей жизнью, тем явственней ему представлялось, что есть какой-то выход из его

положения одинокого человека, и он думал, что женщина, ему соответствующая, где-то есть, и тогда, может быть, он сможет быть счастлив.

Телефон не унимался после того, как Андрей бросил Тамару с корзиной продуктов. Дома никого не было, и Андрей не брал трубку, не желая выслушивать всякую ерунду, которую могла ему наговорить Тамара. Одновременно он для себя решил, что эта линия окончена. Он подошел к окну, и опять, как всегда, туда-сюда ходили люди, и это бессмысленное движение его немного развлекло, когда он увидел группу ребят и девушек, которые шли, размахивая руками, – видно было, что они о чем-то спорили, и Андрей вспомнил себя студентом, вернувшимся после каникул, когда они пошли в «Лягушатник», и он ушел из-за невозможности рассказать о своем счастье. Ему стало лучше

Тут он вспомнил, что когда встретил Галю, то не записал номер ее телефона. Но он знал, где она работает, и по справочнику нашел телефон магазина. Он набрал номер. Строгий мужской голос ответил:

– Я слушаю.

– Попросите, пожалуйста, Галю. – Андрей волновался.

– Вам какую? У нас их две, – услышал Андрей.

– Которая работает в кондитерском.

– В бакалейном? У нас нет кондитерского.

– Да, извините, я не знал, – он ждал. В трубке что-то щелкнуло, и на другом конце Андрей услышал:

– Я слушаю. Але.

– Галя, это я, – задыхаясь от волнения, выпалил Андрей.

– Андрей? Ты где?

Андрей почувствовал, как голос Гали задрожал.

– Я дома. – Он замолчал, не зная, что говорить дальше. В этот момент он просто от счастья, таинственно и непонятно откуда на него нахлынувшего, не мог говорить. На другом конце провода тоже молчали.

– Понимаешь, надо увидаться, – выпалил Андрей.

– Хорошо.

В половине девятого Андрей стоял у входа в магазин. Галя вышла, и они пошли вдоль домов, не чувствуя ничего, кроме смущения. Слово за слово, разговор как-то пошел. Каждый говорил о своем, но вместе получалось, что каждый другому о себе говорит то, что давно хотел сказать.

– Помнишь тот вечер у Пети? – спросила Галя.

– Помню.

– Почему ты ушел?

– Я почувствовал себя лишним. – Андрей на ходу придумывал объяснения.

– Нет. Тогда ты меня отдал другому. Тогда я любила тебя, а ты от меня отказался, – сказала Галя. Андрей молчал.

– Ты правильно сделал. Ты не хотел жениться, а вот Петя захотел.

– Это именно так, – подхватил Андрей, не понимая, что стоило подумать, может, придумать что-то для себя более выгодное, когда за словами скрывается смысл, твое истинное лицо. – Андрей потерял бдительность, но тут же спохва-

тился:

– Нет, просто я не был уверен, что нужен тебе, – и он замолчал.

– Что об этом говорить сейчас.

Андрей смотрел на Галю и пытался найти в ней, в ее облике, то, что столько времени не давало ему покоя. И зачем он сейчас преследует свое прошлое, которое было действительностью только тогда, только в тех обстоятельствах? Зачем он лукавит перед самим собой? Это он понял сейчас, когда рядом стоял реальный человек, – это «лукавит» он почувствовал во фразе: «Что сейчас об этом». Она закрывала как будто путь к тому, что уже не существует; и было оно или нет – на этот вопрос душа не отвечала – душа молчала, и Андрей это чувствовал сейчас. И зачем эта встреча? Чтобы убедиться, что ничего нет...

Зашли в мороженицу, заказали шампанского, и Галя как будто стала прежней – так память восстанавливает прошлые ощущения, – но это было так мимолетно, а потом Андрей уже другим взглядом оценивал Галю, перед ним сидящую, – и она была ему непонятна. Тут он вспомнил с нежностью маму, нет, не ее слова, а ее, постоянно с ним находящуюся, живую и реальную, и все, что было связано с мамой, было на

другом полюсе его жизни, и он был там, и сегодняшнее путешествие в известные, но далекие старые места ничего в его душе не пробудило, кроме сожаления об ушедшей юности.

Галя рассказывала о себе, о Пете, потом о своей теперешней жизни с новым мужчиной, и Андрею это было неинтересно, он не слышал и половины того, что говорилось. Он чувствовал, как и раньше, что она от него хочет чего-то, но не знал, как и прежде, что с этим делать.

– А почему ты бросила университет? – Неожиданность вопроса, казалось, застала Галю врасплох – по ее лицу пробежало сомнение, но это было одну секунду, а потом оно стало таким же, как прежде.

– Это мое больное место. Я буду с тобой откровенна. Просто я поняла, что не подхожу для этого, потому что у меня нет интереса к археологии. Я ведь все книги по специальности сразу продала, да и было их две-три. Я из другой жизни. Это тебе не понять, когда у тебя родители интеллигентные люди. А я из простой семьи, и детство мое другое, трудное. Но я хотела вырваться, хотела куда-то попасть. Но видишь, я там, где мне положено быть, и в этом ты тоже виноват. Я бы пошла за тобой, и, может быть, у меня была бы другая жизнь. Я мечтала, как я войду в твою семью, как у меня будет другой, культурный дом. Но ты меня не принял. И для

себя ты прав, а я осталась при своем. Ведь Петя, ты понимаешь, он был простой парень. Я знаю разницу между вами, но не могу это сейчас объяснять... – она опустила глаза, как будто застеснялась своей откровенности, – но ей это было приятно, она радовалась своей смелости и независимости одновременно, проявившимися в ней этими искренними словами, она радовалась, что освободилась от груза непонятных ей эмоций, которые ее тяготили. В этот момент она была счастлива...

А Андрей слушал и удивлялся. Он думал, что Галя проще и такие проблемы ее не интересуют, – он не знал всех ее сложностей, а сейчас ему было неприятно узнать, что все, в чем Галя подозревала мама, все это неправда, но то, что Галя вот так просто говорит, что ее не приняли в другую жизнь, к которой она стремилась, его удивило – он не пустил ее тогда в эту жизнь, а она хотела, и очень хотела попасть в его круг, но обстоятельства, а на самом деле простой здравый смысл, подсказали, что это ему не по силам – взять Галю с собой, отстаивать ее право на жизнь с ним, бороться за нее и защищать, и он просто струсил и отошел в сторону, сделав вид, что она сама сделала тогда этот выбор.

Непонятна и таинственна влюбленность в жизнь партнера – поначалу мы влюбляемся не в конкретного человека, а

в то, что его окружает, в его жизнь; мало кому удастся узнать другого – это всегда иной мир, и только инстинкт сглаживает барьеры, воздвигаемые жизнью, ослабляя защиты, и тогда происходит проникновение, смешение и объединение разных жизней, разных по глубине, по ощущению и содержанию.

Андрей осознавал сейчас, что его эгоизм закрыл ему путь соединиться с Галей, и сейчас он со всей очевидностью чувствовал, что люди – это несоединимые миры, каждый сам по себе, – вот отчего он до сих пор ускользает, уходит в раковину своего эгоизма, где ему живется непросто, но понятно. «Холостяк, – повторял он про себя, это слово он к себе применил впервые, – вот рядом с тобой женщина, которая могла быть верной любящей женой, и что... Она живет рядом, сидит с тобой за одним столом. А что ты можешь предложить? Это невозможно, это невозможно». Андрей смотрел на Галю, и это решило ситуацию. «Это невозможно, – думал он. – Что невозможно?» – и он сам себе не отвечал что.

Они вышли на улицу. Солнце уже зашло, и все погружалось в сумерки. Фонари зажигались. Снежинки падали и, не долетая до земли, таяли. «Вот и зима. Скоро Новый год», – подумал Андрей и вспомнил дом, елку, украшенную игрушками, которые он все знал наперечет с детства, деда Мороза,

и маминых гостей, и хлопоты, и подарки, а он всегда дома с родителями, – на душе стало тепло, и он вспомнил, что пора уже покупать подарки...

На остановке троллейбуса Андрей с Галей распрощался и почему-то, не зная, что говорить, сказал:

– Извини, если что не так...

– Ничего. Прощай.

Андрей стоял, смотря вслед уходящему троллейбусу, а когда тот исчез из вида, пошел домой, повторяя про себя: «Это невозможно».

Часть 2

Глава 1

Все эти события промелькнули перед глазами Андрея Степановича. Он посмотрел на часы в виде двух полулежащих женщин, руки которых сплетались и держали продолговатый циферблат с римскими цифрами. Была половина пер-

вого ночи. Он пошевелил угли в камине и с удивлением подумал, что вот так просидел три часа, а они ему показались целой жизнью.

Так память нас обманывает, то замедляя темп воспоминаний, то подгоняя их, когда мы как будто выпадаем из жизни и с горечью и радостью думаем о том, что в данный момент неожиданно всплывает перед глазами, как реальность, которую мы ощущаем с теми же настроениями прошлого, когда это происходило в действительности, но это не всегда возможно – силы нашего разума затухают с годами и тускнеет острота переживаний.

Так и теперь Андрей Степанович, вспоминая подробности своего прошлого скользит по страницам жизни мысленным взором, пытаясь сейчас осознать истинный смысл пережитого, который в момент свершения невозможно понять, то ли из-за отсутствия опыта, то ли из-за большой эмоциональной зависимости от происходящего, ожидающего очищения временем, которое одно способно расставить правильно акценты и вывести наружу истинный смысл случающегося.

Странное настроение овладело Андреем Степановичем при этих воспоминаниях о своей жизни, как будто он смотрел фильм, с содержанием которого был знаком, но кое-что

подзабыл, и вот теперь ему приходится вспоминать детали, чтобы объяснить глубинный смысл своих поступков, и, оглядываясь на прошлое, он все больше приходил к странному, но для него убедительному выводу, – невозможно понять себя в какие-то моменты, мы не властны над своими чувствами, и кто-то нами руководит незаметно, так что мы оказываемся в ситуациях, от нас не зависящих, и мы только корректируем свою жизнь, которая идет сама по себе.

Андрей Степанович не торопился покинуть удобное кресло – оно его к себе приковывало, и он как будто не мог встать, и опять воспоминания нахлынули, и он погрузился в них, пытаясь найти ответ на «почему?», в нем возникающие спонтанно. Что он хотел понять: «Почему так?», «Почему тогда?», «Почему сейчас?» – и мысли его плавно потекли дальше. Он вспоминал...

Когда он вернулся домой после свидания с Галей, ему стало все безразлично, как будто кусок его души отпал, как ненужный, и на его месте образовался рубец, который странно быстро стал совсем незаметным.

Жизнь пошла по накатанному руслу, и он оказался совсем свободным и от реальной Тамары, и от Гали из прошлого, и они затерялись постепенно в глубине памяти.

Работа на кафедре занимала основное место в жизни Андрея Степановича, но это только казалось так. Он иногда сравнивал свою жизнь с айсбергом, где видимая часть – это работа, а невидимая его жизнь – это открытия в его науке и серьезные переживания от контактов с внешним миром. Эти контакты у него были разделены на деловые и личные, и в этих последних чувствовалась какая-то пустота, когда он для себя понял во второй раз, что бороться за Галю ему что-то мешает – не хватает сил, уверенности в своих к ней чувствах, и слово «простая» портило все приземленностью и обыденностью.

По складу души он был романтик и фантазер, ему очень хорошо было со своими образами, гораздо интереснее, чем с реальными людьми, с женщинами в особенности. У него не было к ним презрения эстетствующего интеллигента, но и преклонения не было тоже. Он иногда подумывал о том, что неплохо было бы завести семью, и мама ему об этом говорила, не прямо, а намекая через рассказы о сыновьях знакомых, у которых уже есть дети, и вот бы хорошо... Дальше разговоров дело не шло.

Анастасия Евгеньевна, с которой у Андрея Степановича были отношения, была симпатичная, строгая женщина, с гладко зачесанными на затылке волосами. Они вместе ездили на конференции, и как будто в общественном мнении их давно воспринимали как устойчивое содружество, но на людях они старались держаться на расстоянии, и только иногда их видели вместе прогуливающимися. Никто никогда не позволял себе намекать на их отношения, и Андрей Степанович и Анастасия Евгеньевна как будто привыкли к мысли, что вот так эпизодически они и встречаются у нее, а потом каждый уходит в свою жизнь.

Что за жизнь была у Анастасии Евгеньевны, Андрей Степанович не знал – как-то получалось, что она редко о себе рассказывала, да и все это укладывалось в два-три предложения: есть родители, которые живут вместе с младшей сестрой, ее мужем и детьми, так что у Анастасии Евгеньевны было два племянника – мальчики, уже подростки. О себе она рассказывала мало, а как оказалась одна в двухкомнатной квартире, однажды выяснилось – она была замужем семь лет, муж ее оставил, и в квартире она жила одна.

Иногда Андрей Степанович сравнивал Галю и Анастасию Евгеньевну, и получалось что-то непонятное – это были со-

вершенно разные женщины, одна привлекательная, но простая, другая некрасивая, но интеллигентная. Для себя Андрей Степанович разделял четко эти две линии, а вот Тамару он даже не сравнивал с этими двумя, считая их отношения просто случайной связью.

Несколько раз после случая в магазине Тамара пыталась звонить Андрею Степановичу, но он был холоден и разговора не получалось. Тамара поняла, что ей не взять Андрея Степановича, и оставила его в покое.

Глава 2

Однажды произошел эпизод, который поколебал Андрея Степановича в его невозможности устроить свою жизнь. На кафедру приехал на стажировку Мартин Юрген. Устроили праздник по случаю его приезда, и Анастасия Евгеньевна оказалась за столом рядом с ним. Андрей Степанович находился в одном из своих мрачных настроений. Лицо его, благородное и спокойное, носило отпечаток какого-то страдания, сам же Андрей Степанович этого не мог видеть – он был погружен в мрачные мысли последнего времени о бессмысленности того, что в жизни случается. И это свое настроение он не мог преодолеть. Оно не мешало ему заниматься при-

вычными делами, но общий фон его жизни был тусклым, и окружающие его люди, а в особенности Анастасия Евгеньевна, это замечали, но никто не задавал ему вопросов.

На кафедре работали интеллигентные люди, которые могли понять, что лишние вопросы могут только раздражать, а всякие слова таким людям, как Андрей Степанович, не нужны – его считали умным, компетентным специалистом, его уважали и в общем побаивались, зная его замкнутый характер и понимая, что могут натолкнуться на его холодность, граничащую с презрением. В общем, его считали сложным и непонятным и поэтому предпочитали избегать лишних контактов с ним. Такое же мнение имела о нем и Анастасия Евгеньевна. Она была из той редкой породы женщин, которых можно назвать деликатными: она чувствовала, что ее отношения с Андреем Степановичем не дают ей никаких прав на него, и никогда не задавала ему лишних вопросов. Это было для нее непросто – она в глубине души лелеяла надежду когда-нибудь быть ему по-настоящему нужной, но это было только надеждой, потому как Андрей Степанович оберегал свою личную жизнь, не желая, а может быть, не испытывая потребности туда кого-то впускать.

Он, как человек проницательный, понимал, что Анастасия Евгеньевна тяготеет этим своим неопределенным положением, но он не знал, чего ему не хватает, чтобы это как-то

изменить. Он иногда думал, что есть два решения этого простого для других вопроса отношений с женщиной: или все это так оставить, или прекратить отношения. Эта последняя мысль в последнее время его очень интересовала, но он не знал, как это сделать. Для этого нужно было найти повод, и их тоже в голове Андрея Степановича было два: это встретить другую женщину и сразу, не раздумывая, как в омут с головой, решиться на брак (он потому так спокойно об этом думал, что считал это невероятным), или прекратить отношения с Анастасией Евгеньевной, если будет какая-то с ее стороны бестактность, что тоже было невозможным, и поэтому Андрей Степанович оставался в таком не определенном до конца положении, встречаясь с Анастасией Евгеньевной у нее, и после этих встреч проходила неделя, другая, а потом встреча сама собой получалась, но Андрей Степанович не знал, что жизнь разом может зачеркнуть его наивные построения, и все может пойти по совершенно другому, им не предусмотренному пути.

И вот Мартин Юрген, спокойный, рассудительный немец, с акцентом говорящий по-русски, перспективный ученый с седой шевелюрой густых волос и светлыми глазами, элегантно одетый в светло-серый костюм, сидит рядом с Анастасией Евгеньевной. Андрей Степанович произносит тост в честь дружбы России с Германией и плодотворного сотрудниче-

ства. Он как будто не замечает, что Мартин Юрген ухаживает за Анастасией Евгеньевной, он погружен в свои мысли о невозможности и нежелательности что-то изменить в жизни. Рядом с Андреем Степановичем сидит новая сотрудница Лилечка, молодая женщина, из современных, как говорят, любовница какого-то продвинутого бизнесмена. Она появилась на кафедре недавно, но по стилю одежды и по манере, уверенной и развязной, было видно Андрею Степановичу, что она из «простых», и слова мамы о том, что это «аферистки и проныры», сразу вспомнились ему.

– Я вижу, вы не в настроении, – почти сразу начала Лилечка. От такой «дерзости» Андрей Степанович как будто проснулся ото сна.

– А что, это очень заметно? – хмуро ответил он, считая на этом разговор законченным и не отдавая себе отчета в том, что он уже вступил во флирт, что это случается непроизвольно, и это всегда с ним случается, когда рядом оказывается симпатичная женщина из «простых». Эти «простые» – была его судьба, но он об этом не догадывался, забыв, что Галя была «простая», и не зная, может быть, что именно такие «простые» непосредственные женщины смогут уравновесить его мятущуюся натуру, которая скрывается под сдержанностью и неразговорчивостью.

Глава 3

Лилия Яковлевна была женщиной современной, с привычкой всегда выглядеть на все сто, с хождениями по массажисткам, косметичкам, парикмахершам, с бассейном и теннисом, с личным кутюрье и загородным домом, который ей достался по наследству от родителей, номенклатурных работников, которые обожали Лилечку, души в ней не чаяли и считали ее умницей и красавицей. Лилечка не была красавицей, она даже была немного полновата, и сейчас, в свои двадцать семь лет, выглядела вполне солидно. Она никак не могла соответствовать современным стандартам 90-60-90 и не стремилась – в этом она была умной женщиной и считала, что надо использовать то, что дано природой. Главное – сохранить формы, и это сейчас по ней было видно, по ее гладкой коже, которая даже немного блестела на свету и была бледно-розового цвета.

Была она замужем или нет – для таких женщин это не важно, они всегда в центре внимания, они всегда нравятся мужчинам, и эти последние их всегда выбирают для романов, связей и любовных интрижек. В отношении мужчин к таким, как Лилечка, всегда присутствует несерьезность, и это так увлекает их, что в один прекрасный момент они

очень привязываются к Лилечке, что готовы сделать предложение, – но сама Лилечка не спешит, она делает вид, что выбирает, а на самом деле ей никак не удастся женить на себе того, кто якобы готов сделать предложение, но не делает.

Вот такая Лилия Яковлевна сейчас идет на осаду Андрея Степановича. Человека солидного, загадочного и недоступного.

– Да, у вас такой вид, – отвечает Лилечка, чувствуя себя рядом с Андреем Степановичем женщиной интересной для него, и представляется:

– Лилия Яковлевна. А вас зовут Андрей Степанович.

– Очень приятно, Лилия Яковлевна. Вы у нас недавно, а уже знаете, как меня зовут.

– Это нетрудно было выяснить. Все перспективные мужчины на виду, и про них знают все.

В это время на другом конце стола шел другой разговор. Мартин Юрген и Анастасия Евгеньевна обсуждали проблему перемещенных ценностей, и каждый говорил, что его го-

сударство имеет право на то, что утрачено, но в каждом случае нужен отдельный подход, и все равно в этих вопросах много неясностей. Неожиданно взгляд Андрея Степановича упал на Анастасию Евгеньевну, и он ее не узнал – это была как будто другая женщина, так выразительно и мило выглядели черты ее лица, но это был один миг, и Лилечка увлекла его своим милым лепетом, когда рассказывала, как она отдыхала этим летом за границей и как необычно и интересно им организовала отдых приглашающая сторона. На Андрея Степановича повеяло чем-то давно забытым – море, камни, пляж... Он вспомнил свое студенческое путешествие, и на душе стало легко и приятно. Он заулыбался непонятно чему, не слыша половины того, что рассказывала Лилечка, и вдруг почувствовал, что вчерашние мрачные настроения куда-то ушли и он себя чувствует молодым и интересным.

Глава 4

– А какие у вас планы на сегодняшний вечер? – неожиданно спросил Андрей Степанович. Лилечка немного смущенно ответила:

– У меня не было планов. – Она посмотрела на Андрея Степановича и ...

– Значит, мы можем вместе провести этот вечер.

Андрей Степанович вдруг почувствовал, что хочет все бросить и уйти куда глаза глядят – так ему было сейчас хорошо рядом с этой неизвестной новой «простой» женщиной.

– Я жду вас в вестибюле. – Андрей Степанович встал. Лиля тихо ответила:

– Хорошо.

Она поняла, что Андрей Степанович хотел, чтобы другие не видели, что они ушли вместе. Она задержалась, обдумывая его предложение. Она понимала, что сейчас она должна будет сделать шаг, который, возможно, изменит ее жизнь и положение, в котором она находилась, что все думают, что у нее есть надежный друг-бизнесмен, а на самом деле он ее не часто навещает, и не очень ей нравится. Теперь это место может занять солидный и интересный человек. Она хотела стать солидной замужней женщиной и сменить имидж привлекательной и интересной женщины на роль супруги. Она это чувствовала в себе, это желание не быть женщиной для романов, а быть женой солидного человека.

Никто не знает, когда с ним случается то о чем подспудно мечтаешь, но когда покажется, что можно попробовать изменить что-то в жизни, любой устремляется за этой померещившейся ему возможностью реализовать желание, которое может в дальнейшем что-то изменить, но в конкретный момент никто не думает о далекой перспективе, а подчиняется моменту, который жизнь ему предоставляет как данность сегодняшнего дня.

Когда Лиля в своем длинном платье спускалась по лестнице, Андрей Степанович отметил про себя, что у нее хорошая фигура. Настроение было у него в этот вечер непонятное. Он как будто забыл о своих внутренних сложностях, и, кажется, все силы его души были направлены к одному, таинственному и неизвестному, что его поманило в этой случайно с ним оказавшейся женщине. В этот момент все расплылось перед его глазами, а что было дальше?..

И кажется Андрею Степановичу, что идут они с Лилечкой по дороге, освещенной с двух сторон. Какие-то тени мелькают вдали – это их сотрудники, от которых они медленно удаляются, но эти тени их обступают со всех сторон, и невозможно от них удалиться. Наконец они с Лилечкой видят дом, большой, окруженный деревьями, веранды обнимают его со всех сторон, и Андрей Степанович не хочет туда входить, но

потом они с Лилечкой оказываются у камина, и дрова трещат, и они смотрят на него, и неожиданно в самой глубине камина они видят дверь. Огонь пропадает, и они идут по коридору к удаляющейся от них двери. Андрей Степанович понимает, что они на его даче, но она какая-то по виду неизвестная, и он только чувствует, что он с Лилечкой именно там. Дверь открывается, и он видит свою дачную комнату на втором этаже с видом на аллею. Дверь закрывается за ними, и они проходят через комнату. Андрей Степанович чувствует, что Лилечка рядом с ним, и он делает движение рукой к ней, и она удаляется. Чувство, что он хочет ее, заставляет его двигаться за ней, и он понимает, что не может это желание реализовать, – их разделяет та же дверь, но стеклянная. Он смотрит на Лилечку через стекло, и ему кажется, что он ощущает теплоту ее тела, и желание его усиливается, и он открывает дверь, и они с Лилечкой обнявшись идут к постели. Лилечка дрожит от холода. Андрей Степанович пытается ее поцеловать, но губы их не могут соединиться, и он думает в этот момент, что надо уйти в другое место. Но они не двигаются с места. Тогда Андрей Степанович говорит Лилечке на ухо: «Ты хочешь замуж за меня». Чувством радости наполняется его душа. Ему хорошо. Он ощущает, что говорит то, что давно хотел сказать. Андрей Степанович рассказывает себе, и ему хочется все рассказать о страхе, о нежелании потерять свободу. И, рассказывая, он ощущает, как освобождается от всех своих сложных мыслей, и ему легко разговари-

вать с Лилечкой. Он ощущает, что он счастлив, он чувствует облегчение, и в этот момент он видит рядом вместо Лилечки маму и просыпается.

Глава 5

Долго лежит Андрей Степанович на спине и не может понять, что с ним, и вспоминает чувство радости, и оно не проходит, и он боится пошевелиться, но постепенно другое чувство тревоги и страха откуда-то изнутри подает сигналы, и они разрастаются и занимают свое привычное место. В этот момент он оглядывается по сторонам и видит себя в собственной постели, в своем доме, и голос мамы возвращает его из длительного ночного путешествия в привычную обстановку, и он понимает, что спал и все, что с ним приключилось, – это был сон. Он не верит, что это только сон, и, чтобы удостовериться, протягивает руку, и она стучается о тумбочку, стоящую около кровати.

Когда в ванной он посмотрел на себя в зеркало, ему показалось, что на него смотрит чужой человек, – ночные впечатления владели им и он не мог еще освободиться от их очарования, – и только когда он вышел на улицу, он вспомнил, что кого-то вчера усаживал в такси, что целый вечер

ревновал Анастасию Евгеньевну и выпил лишнего. Он был рад тому, что во сне он как будто разгадал причины своего мрачного настроения последнего времени, но все, что с ним происходило во сне, ему показалось фантастикой. Он вспомнил, как в детстве сделал открытие о своем втором Я и понял, что оно есть, оно в нем живет, но победило его другое Я, навязанное ему жизнью, а когда это случилось, он не мог вспомнить; и вдруг он непонятно почему вспомнил, как Галя пришла к Пете, и именно в тот момент, когда он ушел, и произошла победа этого другого Я, подчиняющегося не его душевным движениям, а жизненной необходимости. Он это сейчас понял.

Когда он на следующий день пришел на кафедру, первое лицо, ему встретившееся, была Лилечка. При взгляде на нее Андрей Степанович почувствовал смущение, вспоминая сон, где он выступал в несвойственной ему роли ухажера и где Лилечка была его партнершей, но при этом воспоминании что-то теплое коснулось его сердца, и он поздоровался:

– Здравствуйте Лилия Яковлевна, – и отвел глаза в сторону.

– Здравствуйте, – ответила в унисон Лилечка. – Как вы себя чувствуете?

– Хорошо, – невнятно проговорил он, а в это время краем глаза рассматривал Лилечку, которая ему во сне представлялась такой желанной.

– Ну, я пошла. Тут надо документы подписать, – ответила спокойно Лилечка и вышла, покачивая бедрами, плотно обтянутыми темно-зеленой юбкой. Андрей Степанович пошел в буфет и, выпив крепкого кофе, поехал по своим делам.

Встречи с Анастасией Евгеньевной прекратились, и однажды Андрей Степанович узнал, что она выходит замуж за Мартина и уезжает в Германию. Это известие его немного огорчило – все-таки что-то у них было, – но он тут же решил, что так даже лучше, ведь он не делал в эту сторону никаких движений, но понимал, что деликатность Анастасии Евгеньевны – редкое качество.

При встречах с Лилией Яковлевной на кафедре он испытывал странное чувство своей с ней связи, которая, как ему казалось, от этих случайных встреч как будто усиливается. Когда он оставался один, неожиданно мысли его устремились к Лилечке – он пытался представить себе ее жизнь и никак не мог понять, какая она, – ведь он был с ней практи-

чески незнаком.

А жизнь Лилечки после того вечера как будто не изменилась, но вот только когда она встречала где-нибудь Андрея Степановича, ей становилось неловко – так пристально, ей казалось, он за ней наблюдал. Она испытывала перед ним страх, что вообще ее натуре было не свойственно. Иногда ей в голову приходила мысль, что вот хорошо было бы с этим мужчиной познакомиться поближе, но строгий Андрей Степанович держался независимо – ведь Лилечка не могла знать о том сне, где он с ней познакомился. В реальности в личной жизни Лилечки ничего интересного не происходило. Были поклонники, были отношения, которые тянулись годами, и все это уже ей порядком надоело. Что могло заинтересовать Лилию Яковлевну в Андрее Степановиче, непонятно, ведь круг ее общения составляли люди, связанные с бизнесом, но она понимала разницу между этими вдруг появившимися богатыми и другими, интеллигентными, к которым принадлежал Андрей Степанович. Лилечка относилась к деньгам свысока: они у нее были, и она легко расставалась с ними. Конечно, изменившаяся ситуация заставила ее переоценить какие-то вещи, но то что ей стали больше нравиться интеллигентные мужчины, и Андрей Степанович, по ее представлениям, был именно таким, но подобраться к нему поближе было трудно.

Вообще, Лиля была немного необычным и для многих непонятным человеком. Часто она бывала в обществе людей не университетского круга, и в ней самой было что-то от бизнес-люда, а проявлялось это иногда самым неожиданным образом, когда вдруг она высказывала невпопад мнения, которые звучали диссонансом в стенах кафедры, насквозь пропитанных благородными речами, и как будто эти мнения Лилечки, ударяясь о стены, звучали особенно громко, отчего некоторые сотрудники приходили в недоумение, как можно вот так просто говорить о вещах, деньгах и людях. В этих суждениях Лилечки звучал голос ее предков, занимавшихся торговлей, но Лилечку потянуло в другую сферу естественно, а эти отголоски ее происхождения меняли взгляд окружающих на Лилечку. Она вдруг ни с того ни с сего заявляла: «Я всегда хотела жить богато», – и кафедральные дамы удивлялись той непосредственности, с какой Лилечка проносила эти «пошлости».

Дамы не понимали своей надуманности и неестественности, которая стала для них второй натурой. Когда происходит это перерождение? Или оно дается от природы – на этот вопрос ответить сложно. Когда чопорность и натянутость в людях не вызывает вопросов, тогда кажется, что это естественно и идет от природы, а когда она обращает на себя внимание, тогда понятно, что это приобретенный навык,

удобный, подражательный. На этом фоне Лилечка была воплощенная натура, естество в его необработанном виде, и, наверное, утонченная натура Андрея Степановича это чувствовала, но на языке культурных и приобщенных это называлась «простотой». Она и притягивала и отталкивала Андрея Степановича одновременно, она его манила и завораживала, как совершенно ему противоположное.

Лилечка, воспитывавшаяся в номенклатурной среде, сохранила естественность и простоту. Ей с детства внушали некое понятие о себе как о касте, элите, но она, играя в школе с детьми, никак не могла понять, чем она отличается от других. Ей было скучно с родителями, к которым на дни рождения приходили странные мрачные люди, как казалось Лиле в детстве, и разговоры были какие-то неинтересные.

Лилю воспитывала бабушка, которая была женщиной и вовсе простой. Она всю жизнь не работала и занималась хозяйством, но она знала много сказок, и Лиля заставляла ее рассказывать эти истории. Ее детский мир полностью принадлежал чему-то сказочному, нереальному. Мир родителей был другой, серьезный и пугающий, и вот в этой странной, немного необычной ситуации в Лиле сохранились ее естественность и простота, и, конечно, сейчас она понимала, что ее серьезная партийная мама была такой же простой в душе,

какой Лиля ее видела в редкие минуты. Любила она бабушку, а маму уважала и гордилась ею.

Когда нужно было выбирать профессию, сказки сыграли свою роль, и история увлекла Лилю, но так получилось, что друзья из школы все так или иначе пошли в бизнес – таким словом называлось все, что угодно, – и первая любовь у Лили случилась именно в то время, когда ларечник стал богаче профессора. Лили ушла из семьи. Она прожила с Сергеем пять лет. Они снимали квартиры, сорили лихими деньгами, и мальчики из университета, который Лили закончила, воспринимались ею уже как рудименты, как мастодонты, как что-то старомодное. Она увлеклась романтикой грубой силы, которая уверенно набирала очки, сколачивала капиталы и становилась элитой нового времени. Все делалось полулегально, почти криминально.

В это время случилась трагедия в ее семье. Отец застрелился, заподозренный в злоупотреблениях, а немного позже умерла мама. Лили стала богатой наследницей двух предприятий, владельцем которых был ее отец. Предприятия занимались изготовлением мебели, и Лиле не пришлось искать человека, который мог бы все это взять в руки. Сергей дождался своего часа и уверенно начал свою деятельность. Как только Сергей стал директором, он сразу ввел свои порядки и набирал людей, которым платили мало, и часто их зар-

платы забирал себе, о чем Лилечке не сообщал. Налогов не платил никому, и это тоже было неизвестно Лилечке. Однажды произошел случай, который все это сделал достоянием общественности.

В одном из цехов работал человек, который был признанным мастером лакировки деталей. За смену он делал в два раза больше, чем другие, но когда пришел однажды получать зарплату, то ему заплатили, как и другим. Он возмутился и, ничего не говоря никому, подал на Сергея Петровича в суд. Начались проверки, и это уже нельзя было скрыть от Лилечки, выяснилось, что предприятие задолжало не только своим сотрудникам, но и не платило налоги. Сумма получилась внушительная, и Сергея осудили за нарушение налогового законодательства, а Лилечка, когда узнала об этом, ничего не смогла и не хотела сделать, чтобы как-то ему помочь.

Она чувствовала, что их отношения стали не такие, как вначале. Сергей нигде не учился, и постепенно между ними возникла пропасть, но Лиля думала, что с помощью денег и дела это можно преодолеть. Через какое-то время ей пришлось оставить Сергея, который потерял для нее всякий интерес, и у нее образовался вакуум в ее личной жизни. Лиле после Сергея было сложно общаться с мужчинами простыми – у нее ничего, кроме разочарования, не получалось, и вот теперь, когда Андрей Степанович был рядом, не хватало

чего-то, чтобы уверенно с ним общаться, – куда-то пропадали простота и естественность, а на их месте ничего не было. Она робела, вспоминая, какими словами она объяснялась с понятными ей мужчинами, а тут как будто не хватало слов.

Это чувствовал Андрей Степанович и принимал эту робость за утонченность натуры, изысканность, отчего Лилечка казалась ему особенной и недоступной. И опять сон... И Андрей Степанович уходил с кафедры со странным чувством внутреннего разочарования. Если бы он знал жизнь Лили, он бы очень удивился, что эта милая застенчивая женщина общается с грубыми и простыми мужчинами, для которых слово «мужлан» было самым подходящим.

Но мы не знаем всей жизни людей, не тех, с которыми мы живем, а других, с которыми хотим познакомиться, и воображение нам рисует такие картины, что мы непременно влюбляемся в жизнь людей, нам понравившихся, а на самом деле мы их поселяем в ту мечту и сказку, которую для них сочиняем, чтобы потом можно было без памяти и без оглядки влюбляться в несуществующее и неуловимое. Такое стало происходить с Лилечкой и Андреем Степановичем. Каждый ничего не знал толком о другом, и только недавно познакомившиеся два человека дорисовывали картины возможного и желаемого.

Глава 6

Андрей Степанович по-прежнему жил с мамой. В их размеренной жизни только одно событие принесло грусть и уныние – смерть отца. Но жизнь продолжалась, и теперь любовь матери к сыну стала единственным утешением для Натальи Аркадьевны. Андрюша уже взрослый мужчина, и все так же приходил домой, ужинал, уходил к себе в кабинет, и никто не знал, что творится в его умной голове. Все шло своим чередом, но только все чаще мысли о недоступном и невозможном посещали Андрея Степановича. И Лилечка в этой игре воображаемых сил играла главную роль.

Раньше Андрей Степанович погружался в книги, а теперь у него много времени отнимал Интернет, где он находил для себя массу полезного. Но привычка к книгам не ослабевала, и по-прежнему он сидел часами над старыми изданиями, внюхиваясь в запах пожелтевших страниц, и эту радость Интернет с его скоростью не мог ему заменить.

Андрей Степанович вглядывался в эти странно написанные буквы старой орфографии и пытался понять, в чем же таинственный смысл «Ъ», которое при чтении вслух как буд-

то окрашивает слова в патину времени, и даже когда смотришь на эти тексты, то непременно кажется, что живешь в другом, старом времени. Он любил созерцать, вчитываться в старинные монографии, – и что могут они, эти устаревшие тексты, сказать ему, – но он видел и чувствовал текст по-особенному, угадывал его тайный, скрытый смысл, и это его так увлекало, что параллельно в его мозгу возникали новые образы, выстраивались постепенно в ряд и потом вдруг приобретали смысл, когда он начинал писать эти спонтанно возникавшие мысли на бумаге в виде замысловатых формул неизвестных еще никому. Он изучал предметы быта, и каждый был для него определенной загадкой. Он пытался разгадывать тайну их появления, и это неожиданное его увлечение стало идеей фикс. Он приближался и удалялся, он нащупывал частичками своего мозга неизвестное, это записывал, а потом просматривая вдруг ему казалось, что где-то он это уже читал. Ему становилось страшно, а вдруг все это не то, но потом он возвращался к главной мысли, и все вместе сплеталось в логическую цепочку.

Это была его работа, работа мозга, мысли, ума. В эти мгновения он делал неожиданные открытия, и тогда ему казалось, что он причастен к вечности, к тайнам, к недоступному, и он однажды понимал, что дальше ему пути нет, и возвращался к реальности. А она своею обычностью никак не шла в диссонанс с его высокими мыслями, а, наоборот,

подтверждала, что жить просто и думать о высоком – в этом есть его счастье, и ему ничего больше не надо. Он забывал о Лилечке, о кафедре, о своей прошлой жизни – он проживал новую и никому не известную. Он так остро это чувствовал, что радость наполняла его душу непонятной теплотой и он снова и снова продолжал свои занятия.

Он подошел к окну. Зима своим спокойствием и белизной снега на ветках деревьев его заворожила. Марево заката за вершинами деревьев приковало его внимание, и он, глядя на переливы цвета оранжевого до бледно-серого на небе, думал о красоте жизни, природы и чувствовал свою с ней связь, связь прочную.

Эту связь со всем, что его окружало, он в себе ощущал неожиданно, спонтанно, какими-то урывками, когда его мысль как будто отдыхала от ежедневных будничных проблем, и именно в такие мгновения покоя и остановки он чувствовал себя счастливым. Жизнь-покой для Андрея Степановича становилась его целью, он стремился эти мгновения повторить, и они повторялись, он их удлинял, и они удлинялись, и он понял, что может свои жизни разделять и проживать независимо, и все вместе они жили в нем, ожидая минуты появления на свет, и всегда одна-единственная в одно мгновение овладевала им и диктовала свои правила, наме-

чая цели или изменяя их в нужном ей направлении. Получалось, что не он управлял своими жизнями, а они управляли им, овладевая на время сознанием, а ночью погружая в другую реальность-сон, где он так же полноценно себя чувствовал, но действовал по-другому, отчего иногда ему хотелось не выходить из этого погружения.

Порой, сидя и не думая ни о чем, он вдруг понимал, что его жизни проходят каждую секунду и он не властен над их медленным протеканием, а иногда ему казалось, что он один может этими своими жизнями распорядиться, и тогда он начинал действовать, и бег времени ускорялся, и он терял это ощущение жизнью. Он о нем забывал.

В то же самое время Лилечка прочно поселилась в одной из его жизней, которую он чувствовал возникающей по учащенно бьющемуся сердцу и какой-то дрожи в коленях. Сам вид Лилечки, всегда приветливой и такой опрятной, открывал ему новую реальность, где радость заполняла все пространство и, казалось, нет места ничему другому. Для Андрея Степановича наступил странный и давно им не забытый период влюбленности в женщину простую и такую недоступную.

Почему-то ему вспоминалась Галя, запутанность их отношений, и когда он переключался на новое, его охватившее

чувство, оно ничем не отличалось от того первого, но солидность возраста придавала ему особенную остроту. Он был во власти своих зрелых мыслей, и они ему никак не помогали, а куда-то отступали, и он себя чувствовал моложе, как будто жизнь возвращала ему его двадцать лет.

«Что это?» – задавал он себе вопрос. И не ждал ответа, а погружался в блаженное переживание этого чувства любви. Он никогда не применял к себе слово «любовь», он считал его пошлым и не имеющим к нему отношения. Он считал его простым, не понимая, что в жизни простота есть высшее проявление природы, задавленное в нем знанием, которое он считал выше природы. А получалось, что природа сильнее знания. Да, сейчас в его жизни было так. Он даже забросил свои привычные занятия и целыми днями был погружен в новую жизнь, где все сверкало, светилось, пело, и ему для поддержания в себе этого чувства не нужно было никаких усилий. Оно в нем жило автономно, но он знал, что Лилечка есть причина его теперешнего настроения.

Внешне он помолодел, не чувствовал своего возраста и считал, что это нормально, все это его сумасшествие взрослого солидного человека. Вот только Наталья Аркадьевна не понимала его странного настроения. Она не хотела думать о его женщинах, она отгоняла эти мысли, она их боялась, жен-

щин и мыслей, и делала вид, что все по-прежнему.

Глава 7

Жизни Андрея Степановича все отступили перед наступившей переменой. Они смирились с тем, что одна теперь царит в его душе, жизнь юности, жизнь эмоций, и спокойно ждали, когда Андрей Степанович их позовет. И, умудренные опытом, знали, что их место никто не займет. Только иногда какой-нибудь из них удавалось привлечь к себе внимание Андрея Степановича, и он ее призывал и занимался теми делами, которые составляли ее содержание. Обычно это было связано с обязанностями, и когда он их исполнял, он потом прогонял эту ему надоевшую деятельную жизнь и полностью погружался в другую. Но внешне никто не видел, как он ловко манипулирует этими своими жизнями, и всем окружающим казалось, что он такой же, как они, обычный человек, разве что в последнее время более оживленный, чем обычно.

В этом есть парадокс жизни – не знать о других реальностях, рядом существующих, и не знать всего разнообразия чувств, мыслей и переживаний, каждую секунду возникающих в окружающих нас людях. Миры, галактики, и все раз-

ные и по величине, и по содержанию, а кажется, просто человек. И правда, что в одном множество миров, а в другом один убогий узкий мир. И как распознать эти жизни в других? Загадка!

Андрей Степанович знал в себе много жизней, и ему порой казалось, что и другие, так же как и он, полны этих жизней. И однажды, тогда в юности, он понял, что жизни людей несовместимы, есть видимость возможности их соединить, но по-настоящему мир конкретного человека только ему понятен, и счастье, если кто-то заподозрил в тебе эти твои жизни, миры, и это можно назвать любовью – возможность понять и принять жизни другого. Но это недоступно большинству смертных, и как жизни появляются с человеком, так с ним умирают непонятые, незамеченные. Страдание – это непреодолимое желание свои жизни передать, рассказать другим, а рядом бездна, стена, молчание. Жизни разбиваются о них, и ничего не остается, один пепел, а человек живет, сохраняя в душе воспоминания о них.

Непроизвольно все, что происходило с Андреем Степановичем, однажды стало его тяготить. Его чувство радости стало уменьшаться, и он все реже вспоминал свои радостные настроения – на смену им пришло чувство тревоги от того,

что все куда-то уходит.

Однажды после работы он встретил Лилечку, и сразу чувство тревоги заменилось чувством радости, и он задержался около нее, и они вместе вышли на улицу и долго шли, и неожиданно Андрей Степанович остановился, и Лилечка остановилась. Оба не понимали, о чем они разговаривали, и непроизвольно Андрей Степанович обнял Лилечку за плечи, ее лицо оказалось рядом, и он прижался губами к ее щеке, и через мгновение порывистое движение соединило их уста, и они так остались на некоторое время посреди улицы, не замечая ничего вокруг.

– Лиля, милая. Я давно хотел вам сказать. Я устал... – Андрей Степанович остановился. Лилечка смотрела на его лицо и угадывала, подбадривая словами, то, что хотел сказать Андрей Степанович.

– Я понимаю. И я тоже хотела... – она подыскивала нужные слова.

– Лиля, я не могу так больше жить.

Они продолжали идти, и опять разговор стал путаться...

– Знаете, а я ведь во сне с вами познакомился. – Он по-

смотрел на реальную Лилечку и удивился, что придуманный им образ совсем другой, и неожиданно испугался своей откровенности и на полуслове замолчал.

Лилечка ждала, что он скажет еще что-нибудь, но Андрей Степанович отстранился – он почувствовал, что этот поцелуй их не сблизил, а отдалил, не возникло того желания, которое хочет реализоваться, отчего и разговор неожиданно прекратился на полуслове.

Та мужская сила, которая в юности заставляет мужчину говорить нужные слова, чтобы женщина ему доверилась и захотела вместе с ним того же самого, эта сила не была у Андрея Степановича импульсивна, и он замкнулся от неуверенности, что он сможет еще раз ринуться навстречу той своей жизни, которая его покидала неожиданно, непредвиденно, и оказалось, что его сон в реальности не может осуществиться. Это его огорчило, и это почувствовала Лилечка и сразу начала говорить что попало, чтобы не молчать.

Андрей Степанович шел медленно, не зная, что отвечать Лилечке, и когда они подошли к остановке троллейбуса, Лилечка сказала:

– Ну вот и прощайте.

Она быстро вошла в троллейбус, так что Андрей Степанович не мог ей ничего сказать. Он молча смотрел вслед уходящему троллейбусу, а потом медленно пошел вдоль домов, не думая ни о чем и испытывая чувство разочарования и тоски, которые давно его хотели захватить и сейчас у них это получилось.

Облегчение пришло, когда вечером он сидел за письменным столом, и постепенно чувство утраты чего-то и неуверенности от этого заменилось интересом к тому, что он начал писать. Он вернулся к своим занятиям и чувствовал, что он в очередной раз возвратился из нереального путешествия в интересные незнакомые места, где он был не он, а другой, и он глубоко вздохнул, что наконец-то это закончилось. Реальная жизнь вступила в свои права, и теперь уж он никогда не пустится в приключения.

Через месяц он похоронил маму.

Глава 8

Андрей Степанович остался совсем один. Как это часто случается с людьми интеллигентными, у него не оказалось

родственников. Собственно говоря. Они реально существовали, но для него их как будто не было. Так получилось, что на похороны Натальи Аркадьевны приехал издалека ее двоюродный брат, мужчина преклонных лет, в бежевом длинном пальто, и для всех, кроме Андрея, было ясно, что этот человек откуда-то из-за границы, но поскольку похоронами занималась близкая приятельница мамы, то Андрей Степанович толком никого не знал, кто стоял около гроба мамы.

Он никогда не интересовался всерьез знакомыми родителями, а о родственниках имел весьма смутное представление. Он не знал, что мама специально оберегала его от лишних сведений, так, на всякий случай, помня те времена, когда она сама должна была забыть многих своих знакомых и друзей из опасения быть заподозренной в связи с неблагонадежными людьми. Это ее угнетало, и это была семейная тайна, которую она унесла с собой, и Андрей Степанович не узнает, через что прошли его добропорядочные родители, чтобы семья не коснулось то ужасное, через что прошли многие их знакомые.

Андрей Степанович впервые на похоронах мамы узнал, что у него много родственников за границей, но это не произвело на него никакого впечатления – он всегда был в стороне от политики и мало интересовался тем, что занимало умы его соотечественников. В этом он был ретроградом, считая,

что можно спокойно прожить не вникая во всякие перипетии и передраги, потрясающие его страну. И к стране он относился как к данности, раз и навсегда ему предоставленной для его «жизней», и в мыслях он не имел изменять место своего проживания.

Когда после кладбища он вернулся в свою опустевшую квартиру, он не раздеваясь сел около двери в кресло, и мысли его плавно потекли в неопределенном направлении. Он посмотрел на длинный коридор, в конце которого была кухня, и почувствовал усталость, апатию и невозможность что-либо делать. Зазвонил телефон. Андрей Степанович смотрел на него и не брал трубку – у него не было желания общаться. Он не знал, как ему теперь жить.

Два последние месяца он ухаживал за мамой как настоящий медбрат – уносил утки, подавал еду, перестилал постель, общался с докторами. Он приглашал всех возможных специалистов, но никто не мог поставить диагноз, а тем временем Наталья Аркадьевна угасала на глазах.

Случилось это так. Однажды она пришла с работы, легла в постель и больше уже не вставала. Она мало ела, потом вообще перестала есть, силы ее покидали, и она не могла встать, а Андрей безропотно исполнял ее малейшие желания, кото-

рых было так мало, что он терпеливо ждал, сидя недалеко от ее постели, слушая, как она дышит, когда же она к нему обратится. Его жизнь превратилась в ожидание «чуда», но он чувствовал – оно не произойдет, и молчаливо исполнял свою роль сиделки. Он был загипнотизирован, он застыл, он ждал, но день ото дня надежды на выздоровление мамы становилось все меньше.

Однажды мама позвала его.

– Андрюша. Сядь ко мне. – Андрей Степанович придвинул стул. – Ты помнишь, как ты приехал из экспедиции, где познакомился... – она еле выговаривала слова, было впечатление, что ей трудно шевелить губами.

– Да, – ответил тихо Андрей. Наталья Аркадьевна повернула к нему голову.

– Вот тогда ты должен был... – и вдруг Андрей услышал хрип, она задышала чаще, и наступила тишина.

Андрей взял ее руку – она была без жизни. Он положил руку вдоль тела, повернул голову Натальи Аркадьевны, чтобы она прямо лежала на подушке, и вышел.

«Это все» – промелькнула мысль...

Андрей Степанович полгода был как во сне. Он ходил на работу, приходил домой, общался с людьми, но внутри он как будто окаменел. Он ни с кем не обсуждал случившееся, и если кто-то пытался его утешать, он перебивал говорившего на полуслове, резко отворачивался и уходил.

Лилечка регулярно попадалась ему на глаза, но он, поздоровавшись, быстро проходил мимо – ему никто не был нужен, он переживал свое горе один, и даже не переживал, он старался о нем не думать, но он не мог жить нормально – радоваться, удивляться, огорчаться, – все эмоции ушли, спрятались, и только иногда вечером, глядя на небо, Андрей Степанович вспоминал маму, свои прогулки с ней, и слезы наворачивались на глаза, а он стоял и смотрел на небо, как будто можно ее там увидеть.

В один из таких вечеров, когда Андрей Степанович стоял у окна и думал ни о чем и обо всем сразу, он вдруг вспомнил свой сон, где Лилечка была героиней, и вспоминал, что вчера Лилечка прошла мимо и улыбнулась ему, а он, как всегда, сухо с ней поздоровался и прошел. Но сейчас он вспомнил ее, и ему стало как-то хорошо, он помягчел внутри, и ему захотелось Лилечку увидеть. Он набрал номер ее телефона.

– Але, – услышал он в трубке радостный голос Лилечки.

Андрей Степанович не мог вспомнить ее отчества – он его не знал, и сейчас не знал, как быть, и вдруг...

– Лиля, это Андрей Степанович, – он замолчал.

– Я вас узнала.

– Вы не могли бы ко мне приехать? – когда он произнес эти слова, он почувствовал, что давно хотел их сказать.

– Когда? – робко спросила Лилечка.

– Прямо сейчас, – уверенно сказал Андрей Степанович.

Через час Лилечка сидела на диване в квартире Андрея Степановича, который ходил взад и вперед перед ней, рассказывая о последних днях Натальи Аркадьевны, рассказывая свои чувства, которые он впервые озвучивал, отчего они превращались из переживания в реальный факт, и от этого боль уходила куда-то, а на ее месте возникала робко, незаметно нежность, неистраченная, неизрасходованная, и Андрей Степанович не знал, кому она принадлежит – воспоминанию о маме или реальной женщине, перед ним сидящей. Он вспомнил это чувство, которое всю жизнь его со-

провождало, и оно всегда было связано с мамой, оно полностью и безоговорочно принадлежало ей, и никакие влюбленности не могли по силе и глубине с ним сравниться.

Сейчас впервые Андрей Степанович осознал, что никого в жизни не любил, кроме мамы, и не знал, почему он это все сейчас говорил Лилечке. Лиля сидела какая-то подавленная, она начинала понимать этого странного, интересного ей человека, и то, что сейчас говорил Андрей Степанович, ей было непонятно. Она впервые видела такого мужчину, который так откровенно признавался в своей любви к матери, не простой любви, а другой, сложной и ей неизвестной, любви, которая все заслоняла собой, закрывала ему, взрослому человеку, возможность любить и понимать других женщин. Лилечка не знала, что она присутствует при чем-то очень тайном, сакральном, в чем признаются разве что на смертном одре, но она чувствовала, что этому человеку надо ей все это высказать, и она слушала, стараясь угадать тайный смысл его речей, и это у нее как будто получалось.

Со стороны это выглядело так, что женщина, сидящая сейчас перед Андреем Степановичем, все понимает. На самом деле Лилечке было очень неудобно, как будто она чего-то стеснялась. Это было ее собственное чувство к Андрею Степановичу, мешавшее ей понимать до конца смысл всего, что он говорил. В этот момент она наполовину понимала смысл

всего сказанного им, она любила его молча, и разум ее отключался, она вся была как сжатая пружина, и чем больше говорил Андрей Степанович, тем больше Лилечка зажималась, и когда ей стало совсем невозможно, она вдруг разрыдалась, как ребенок, которого отчитывает грозный учитель, а тот не понимает, в чем он виноват.

Искренние, глубокие чувства Андрея Степановича, которые он столько лет носил в своей душе, при виде слез реальной Лилечки на минуту отошли в сторону, и он, казалось, забыл о них и почувствовал облегчение от того, что все это высказал сейчас. Он вдруг осознал, что груз переживаний становится легче, и у него возникло желание рассказать о них Лилечке:

– Вы меня извините, но мне некому было все это сказать, и вы единственный мне сейчас близкий человек.

В этот момент он увидел заплаканное лицо Лилечки совсем рядом, и он обнял ее и прижался к ней щекой. Когда он почувствовал теплое мягкое тело Лилечки, в нем возникла не страсть, а нежность, и он поцеловал Лилечку как юноша, впервые встретивший свою любовь. Дальше не было того, что случается со всеми. Не было близости, не было признаний. Андрей Степанович поблагодарил Лилечку и проводил ее до остановки троллейбуса.

Глава 9

Когда Лилечка вернулась к себе, она почувствовала себя такой несчастной, что не знала, что ей делать. Она села на диван и так просидела, сколько времени, она не помнила. Она не готова была к таким отношениям, которые ей предлагал Андрей Степанович, ей хотелось всего и сразу, и она понимала, что дальняя перспектива благородной дружбы, на которую в душе рассчитывал Андрей Степанович, – это ей не по силам сейчас. Ее темперамент и ее жизнь не соответствовали его уровню интеллигентности – это она чувствовала, не называя никак то, что между ними происходило. Она не могла признаться себе, что не подходит Андрею Степановичу, но робкая надежда возникала в ее душе при воспоминании, что она «единственный человек, который...» – дальше она не помнила. Она была разочарована и подавлена. Все, что Андрей Степанович ей высказал, она, как женщина не очень умная, не могла понять до конца и поэтому не знала, как к этому относиться.

Когда Андрей Степанович проводил Лилечку он вдруг почувствовал себя по другому, по новому, ему как будто стало легче жить. Он подошел к письменному столу, достал свою

заветную тетрадь и написал:

«Прошло десять месяцев, как мамы нет. Все это время она как будто невидимо присутствовала рядом. И вот сегодня мне показалось, что она меня отпускает. Это было в тот момент, когда я рассказывал о ее последних днях. Я их так реально вспоминал, что, казалось, боль потери я переживал второй раз, но уже по-другому, как что-то далекое, от меня уходящее. С мамой я никогда не ощущал, что я одинок, я знал, что она есть и она мое второе я, и вот теперь я без этой опоры, без этой ее любви, которая меня держала, придавала уверенности, и я считал, что это у всех так. Но вот теперь я чувствую, что я потому был и остаюсь другим по сравнению с окружающими, потому что была эта уникальная любовь, ее любовь и моя к ней, без которой мне сейчас так пусто и одиноко. Это ее любовь делала меня полноценным, но у большинства такое чувство бывает от других женщин, и теперь я понимаю, что никакая любовь другой женщины не даст мне того, что давала любовь мамы. В этом и моя сила, и моя слабость. Сейчас мне легче, когда я смог словами назвать то, что хранил в душе. Женщины, которая сможет это все понять и принять, нет. Пока нет...»

Тут он посмотрел в окно, где на фоне ярко-голубого неба

кружевом свисали ветки берез, медленно колыхавшиеся на ветру, и Лилечка с заплаканными глазами вспомнилась ему. И неожиданно он набрал номер ее телефона. Долго не брали трубку. Андрей Степанович ждал. Ему показалось это странным, и когда он услышал ее голос, на него нашел страх, он не знал, что сказать.

– Извините меня... – он замолчал. Он не мог произнести просто «Лилечка».

– Что вы, что вы, – быстро проговорила Лилечка, испытывая радость.

– Вы знаете, я думаю, мы могли бы с вами куда-нибудь сходить... – он опять замолчал. Лилечка, как птица, которую выпустили из клетки, защебетала веселым голосом:

– Ну конечно, можно. Вот, например, недавно открылась выставка... – и на Андрея Степановича вылилась вся информация о том, что происходит в театрах, музеях и концертных залах. Он слушал не вникая в смысл, он слушал голос Лилечки, запоминал интонации, пытался понять ее, и единственное ощущение, которое у него осталось от разговора, – это шум, все собой заполняющий.

Он долго не мог забыть это ощущение шума, как будто

доносящегося с улицы, и это у него ассоциировалось с жизнью, которая проходила рядом, вокруг, и к которой он, Андрей Степанович, не имел отношения. Он чувствовал себя в скорлупе, которая треснула, и он выглядывает в отверстие, через которое ему открывается окружающее с какой-то совершенно новой стороны, и одновременно это было что-то знакомое, но забытое.

Таким было постепенное выздоровление Андрея Степановича от его сложного положения последнего времени, когда все было подчинено болезни мамы и мыслям, с этим связанным. Это свое положение он считал нормальным, а вот теперешнее возвращение в жизнь воспринимал как аномалию, отчего с таким трудом делал эти робкие шаги по возвращению в реальную жизнь. А она проходила на кафедре, в библиотеке, на конференциях, где Андрей Степанович, как специалист был фигурой заметной.

Лилечка также встречалась ему в коридорах, а после знаменательного разговора они все время как будто собирались сходить вместе куда-нибудь, но это не случалось, а мимолетные встречи приносили Лилечке только переживания, что ничего не получается у нее с Андреем Степановичем. Переломить ситуацию ей не удавалось. Не хватало смелости взять инициативу в свои руки. Что-то ей мешало. И это был сам

Андрей Степанович, который не давал повода и как будто намеренно воздвигал барьер между ними, как казалось Лилечке.

Андрей Степанович не догадывался о ее переживаниях – это не входило в круг его интересов, и ни к какой из своих «жизней» он не мог допустить Лилечку. Так получилось, что он не чувствовал, что она сможет в них что-то понять. По-просту, по его теперешнему убеждению, все женщины были глупее мужчин. Он не был из тех мужчин, которые что-то ценят в женщинах, он был из других, для которых мама была умнейшей из всех и никто не мог с ней сравниться ни в чем. Пока? Он не знал этого, но строго держался своих правил мужчины одинокого, занятого серьезным делом, которое занимало все его время, а реальная жизнь с ее разнообразием выбора никак не влияла на его привычки вставать рано и проводить день по четко продуманному накануне плану.

Иногда он садился в кресло и, вспоминая юность, пытался понять, когда он потерял естественный интерес к женщинам, и не мог вспомнить. Свои встречи с ними он воспринимал сейчас как что-то, к нему не имеющее отношения. Но иногда на него находило странное настроение, и он начинал думать о Лилечке, представлять ее в качестве спутницы, и как будто все получалось, но в воображении нарушались его привычки, а представить себе возможность перемен он не мог.

По хозяйству ему помогала пожилая женщина – он ей за это платил, так что в его хозяйстве был полный порядок – квартира убрана, белье лежало стопками в шкафу, а окна сверкали чистотой стекол. Женщину звали Олимпиада Ивановна. Она была из одиноких, стареющих и интеллигентных. Это последнее условие было для Андрея Степановича обязательным, чтобы посторонний элемент не нарушал его спокойствия темпераментом и эмоциональностью, а интеллигентность предполагает отсутствие последних. Олимпиада Ивановна была из простых интеллигентов, без образования, но с таким чувством деликатности и умением улавливать малейшие нюансы настроения, что Андрей Степанович поражался, откуда у этой женщины такое понимание посторонних людей. Для него было удивительно: когда она по его просьбе что-то делала по хозяйству, она моментально определяла его настроение и находила такие слова, что Андрей Степанович удивлялся этому, как будто слышал их впервые. Он не осознавал, что это происходило от его одиночества, и любое замечание по его поводу им воспринимается как «нечто». Например, Олимпиада говорила: «Вы сегодня чем-то огорчены», – и действительно Андрей Степанович чувствовал, что огорчен, хотя и не знал, так ли это, но он верил словам Олимпиады безоговорочно.

Однажды Олимпиада заболела. Она поручила на время обязанности по уборке квартиры Андрея Степановича своей знакомой. Случилось так, что Андрей Степанович однажды увидел в своей квартире другую молодую женщину, которая пылесосила его диван. Он засмотрелся, как ловко она это делает, и какое-то время себя не обнаруживал, не желая мешать женщине. Потом она обернулась, и Андрей Степанович удивился – эта женщина ему кого-то напоминала. Женщина представилась:

– Меня зовут Оксана. Олимпиада Ивановна приболела. Я за нее.

– Да, да. Я сейчас. – Андрей Степанович вышел и принес конверт.

– Передайте это Олимпиаде Ивановне. А сколько я вам должен?

– Ничего, – ответила Оксана и продолжила работу.

Когда за ней захлопнулась дверь, Андрей Степанович сел в свое любимое кресло и задумался. Он не мог понять, кого ему напомнила эта женщина.

Больше она не появлялась. Олимпиада поправилась, и все

пошло своим чередом. Андрей Степанович возвращался постоянно к тому впечатлению, которое на него произвела эта неизвестная женщина. Он не спрашивал о ней, и однажды понял, что так его душа пробуждалась, вспоминая неясные прошлые переживания, и дала о себе знать.

С этого дня для Андрея Степановича началась новая жизнь. Он ожил, помолодел, вспоминал своих прежних женщин. Он не искал встречи ни с кем, понимая, что это память, которая глубоко спрятала его прошлые переживания, но он затосковал. Ему не хотелось возвращаться в пустую квартиру. Все его занятия ему казались скучными. Он потерял вкус к своим прежним увлечениям и часами сидел и смотрел в окно, где день сменяла ночь, а дождь, солнце, ветер и деревья жили своей обычной жизнью, и однажды, когда ему было совсем плохо, он набрал телефон Лилечки.

– Лиля, я не могу больше так жить, – сказал он ей сразу.

Меньше всего Лилечка ждала такого оборота дела. Она понимала, что с Андреем Степановичем что-то случилось, но что?

– У вас что-то случилось? – неуверенно спросила Лилечка.

– Да. Вспомнил, как мы с вами когда-то встретились и я вас проводил до троллейбусной остановки.

– Помню, – спокойно ответила Лилечка, – я помню, что мне потом было... – она осеклась на полуслове. Она испугалась говорить о своих эмоциях. Ей так хотелось сказать Андрею Степановичу сразу все, что она за это время передумала, но что-то ее останавливало. И совершенно неожиданно Андрей Степанович сказал:

– Лиля! Я не знаю, как я к вам отношусь, но мне кажется, что вы ко мне относитесь с ... – он остановился, подбирая слова, и для простоты добавил, – с интересом.

Когда он это произнес, он понял, что это совсем не то, что хотел сказать, и вообще он не привык говорить о пустяках, говорить с женщиной о чем-то отвлеченном. Ему казалось, что с ними надо обязательно говорить о чувствах, а это у него не получалось, и вообще он думал, что «чувства» – это что-то лишнее, неразумное, о чем вообще невозможно говорить; и он был прав. Он был серьезным человеком и считал, что все должно происходить само собой, но вот с Лилечкой не получалось, и он ходил вокруг нее по замкнутому кругу, не имея возможности его разорвать. Только он начнет заходить с одной стороны, как неожиданно что-то его тормозит, и он замолкает и прекращает разговор на полуслове.

Так и на этот раз он не знал, что говорить дальше. А все это было от того, что Лилечка давно и безнадежно была влюблена в Андрея Степановича, но ее природная женская сообразительность не могла справиться с таким сильным и независимым человеком и отступала от неуверенности, как нужно себя с ним вести. Период выяснений так затянулся, что превращался в хронический процесс от невозможности объясниться, а происходило это от сложности Андрея Степановича и простоты Лилечки, которые никак не могли совместиться.

Когда Лиля услышала это непонятное слово «интерес», она обиделась. Ей показалось, что Андрей Степанович ее проверяет и подразумевает интерес материальный.

– Совсем нет. У меня нет интереса к вам.

И тут, чтобы разрешить ситуацию, Андрей Степанович поправился:

– Вы меня не так поняли. Я имел в виду, что нам с вами сложно объясниться. Мне кажется, что вы мне не доверяете, не можете поверить, что я могу к вам относиться серьезно... – В этот момент Андрей Степанович услышал в трубке, что Лилечка захлопала носом, и он понял, что она сдерживает

рыдания.

– Вот видите, я прав. Вы мне не доверяете и не понимаете, что я к вам отношусь серьезно, – повторил он, как машинка, и осекся на полуслове.

– И я тоже... – Лиля остановилась, не понимая, что она говорит.

– А знаете, хватит нам ходить вокруг да около. Давайте вместе завтра поужинаем. – Андрей Степанович ждал. Лилечка была так счастлива, что не сразу сообразила, что ей говорит Андрей Степанович.

– Хорошо, – ответила она.

Глава 10

Весь следующий день Лилечка чувствовала себя на крыльях. Она вся светилась, и сотрудники делали ей комплименты: «Вы сегодня какая-то особенная», – и Лилечка с радостью отвечала, что просто у нее хорошее настроение, и, не объясняя ничего, шла по своим делам.

Когда после работы она вернулась домой, ее главной заботой было выбрать подходящий наряд для встречи с Андреем Степановичем. Она открыла шкаф и из бесконечного количества выбрала темно-бордовый брючный костюм, в котором ей всегда было удобно. Она подошла к зеркалу, осмотрела себя со всех сторон и осталась довольна собой. Подкрасила глаза и губы, и вот она уже готова. Но неожиданно кто-то позвонил в дверь.

Лилечка посмотрела в глазок – на площадке стоял Сергей, о существовании которого забыла, весь какой-то обшарпанный, с взъерошенными волосами, и глаза мутные – видимо, пьян. «Господи, да откуда он», – подумала Лилечка и отошла от двери. – «Ни в коем случае не открывать».

Звонок был все настойчивее, потом она услышала стук в дверь. Лилечка испугалась и позвонила соседке.

– Ира. Тут ко мне ломится Сергей. Я его боюсь. Выйди, скажи, что я уехала, и пригрози ему.

– Хорошо.

Она помнила, как Сергей попал в тюрьму, и вообще, прошло столько времени – она забыла о нем, и тут... Она понимала со всей очевидностью, что он не оставит ее в покое.

Звонки в дверь прекратились, и стук тоже. Она успокоилась и посмотрела на себя в зеркало. На нее смотрело приятное лицо – так она аккуратно сделала макияж и волосы уложила – они у нее были пушистые, светло-каштанового цвета. Она себе нравилась.

Когда она спускалась на лифте, мысль о том, что Сергей может ее подстерегать внизу, вдруг пришла ей в голову. Она остановила лифт и вернулась на свой этаж. Позвонила в соседнюю квартиру.

– Кто? – спросил женский голос.

– Ира, это я. – Дверь открылась.

– Ну ты и красавица, – сказала Ира, оглядывая Лилечку со всех сторон. – Что? На свидание собралась? – Тут из комнаты выбежал мальчик, и она на него прикрикнула:

– Вовка! Иди к себе и дверь закрой.

– Слушай, Ирина! Я боюсь идти. А вдруг он там, – сказала Лиля озабоченно.

– Не бойсь. Я его так отсобачила, по первое число, и сказа-

ла про милицию. А тебя, сказала, нет, ты уехала, – она остановилась, смотря вопросительно на Лилечку.

– Знаешь, я все-таки боюсь. Может, проводишь меня? – спросила Лиля.

– Хорошо.

Они вышли на площадку и прислушались. Было тихо. Открыли лифт и зашли в кабину, но по озабоченному лицу Иры Лилечка поняла, что та тоже боится. Они вместе вышли из кабины на первом этаже и стали озираться по сторонам.

– Вроде никого, – тихо сказала Ира. – Ты иди, я подожду.

Пока Лилечка не вышла из парадной, Ира стояла у лифта. Когда она вошла в кабину, перед ней стоял Сергей.

– Ну что, сговорились? Ладно, поехали. Я тебя не трону. – Он нажал на кнопку. Ира вся сжалась.

– Слушай меня внимательно. Я из тюрьмы. Жить мне негде. Есть я хочу. Если накормишь, не трону. Ну что? Договорились? – он буравил Иру своими мутными глазами. От него пахло алкоголем. Выхода не было.

– Ну ладно, пошли.

Ира вышла из кабины. Она вся дрожала и еле попала в замок ключом. Ребенок опять вышел из комнаты.

– Иди к себе, я тебе сказала, – голос у Иры дрожал. Она зашла на кухню, накрыла на стол что было – мясо, тушеное с картошкой, и поставила бутылку вина. Сергей одним махом открыл бутылку и, не дожидаясь, пока Ира даст стаканы, вылил полбутылки в себя и вытер рукавом рот. Схватил ложку и набросился на еду, как зверь. Ира стояла в углу и с ужасом смотрела на это чудовище. Через три минуты тарелка была пуста. Ира положила еще. Сергей допил вторую половину и съел так же быстро все, что ему положили.

– Теперь слушай. У тебя есть кто? – он смотрел на Иру, которая от ужаса не могла вымолвить ни слова.

– Я в разводе.

– Это хорошо. Я у тебя останусь, и тебя и мальчишку не трону. Пока осмотрюсь. А там подыщу жилье и уеду.

В его тоне не было вопроса, и факт того, что он здесь остается, не обсуждался. Ира молчала.

– Где у тебя спальня? Я спать хочу. Только смотри, в милицию стукнешь – сама знаешь что. А как эта пришмондовка? Лилька, значит? Что, замужем небось? – он вопросительно смотрел на Иру.

– Не знаю я ничего. И не спрашивай ничего больше. Будешь доставать разговорами – прогоню. Иди спи. Да сначала помойся...

Ира вышла из кухни, а Сергей так и остался сидеть. Через час он храпел на всю квартиру, а Ира устраивала в комнате Вовки себе постель. Она обдумывала ситуацию. Лилечка ей рассказывала свою жизнь, и про Сергея тоже рассказывала. Он был намного младше ее, а познакомились они у ее приятеля, как раз в те самые достопамятные времена, когда все стали бизнесменами. Этот Сергей был как раз не у дел, а Лиля тогда налаживала после смерти родителей бизнес. Она рассказывала, что у него мать где-то в торговле, и отец был, но погиб. А понравился он ей сразу, и манера очень интеллигентная. Случилось все очень быстро, и он переехал к Лилечке в эту самую квартиру, где она жила теперь. Ира вспоминала, как Лия ей рассказывала, что отца своего настоящего он не знает, что мать вышла за друга отца, мать говорила, что его отец известный человек, но никогда никому об этом не рассказывала.

Ира была давно знакома с Лилечкой и была посвящена во все ее дела, и сейчас она догадалась, к кому на свидание пошла Лилечка. «К этому ученому», – решила Ира и вспоминала, сколько слез пролила Лилечка из-за этого «старика», как его про себя называла Ира. Но мысль о том, что теперь в ее квартире будет находиться Сергей, бывший сожитель Лилечки, не давала ей покоя.

Вообще, Ире нравился этот Сергей, когда он жил с Лилей много лет назад. Она даже мечтала иногда: «Вот бы мне такого». В то время она как раз родила Вовку. «Как время идет», – думала она, вспоминая то время своей жизни как кошмар. Через три года она развелась с мужем, а он так где-то и пропал. Пил много, не работал – и вот теперь она одна с сыном, еле сводит концы с концами.

Глава 11

Лилечка приехала к Андрею Степановичу, когда тот уже приготовил ужин, накрыл на стол в гостиной, достал из горки красивые фужеры, и они блестели в свете старинной люстры желтыми и голубыми огнями. Вся обстановка квартиры Андрея Степановича была старомодной, так Лилечке пока-

залось, и это впечатление было особенным – так ей все казалось необыкновенно вокруг.

Они сели за огромный квадратный стол с резными ножками, сели рядом, чтобы удобно было Андрею Степановичу ухаживать за Лилечкой, потому что стол был такой огромный, что нельзя было дотянуться друг до друга, если бы они сели напротив.

Андрей Степанович надел для такого случая свой темно-синий бархатный костюм, белоснежную рубашку и запонки с бриллиантами, которые сверкали, как капли воды на свету. Лилечка ничего этого не видела, она была под впечатлением, что появился Сергей, с которым она в прошлом столько пережила, чтобы отвоевать свое право на собственное имущество, и так эти впечатления были некстати сейчас.

Андрей Степанович сразу заметил озабоченность Лилечки, но он был в восторге от ее внешнего вида. Сейчас он понимал, глядя на правильные черты ее лица, что она ему очень нравится. Он неуверенно вступал в ту пору влюбленности, когда все в нравящемся человеке окрашивается в особые, необыкновенные тона, и он не сводил с Лилечки глаз. Она даже застеснялась.

– Вы чем-то озабочены.

И тут, сама не зная почему, Лилечка рассказала Андрею Степановичу о своей прошлой жизни, в которую вошел однажды этот Сергей, и все прежние их отношения она изложила с такой точностью и ясностью для себя, что Андрей Степанович почувствовал сначала неловкость от некоторых деталей и подробностей, которые упоминала Лилечка, а потом его история заинтересовала и он стал задавать вопросы.

– А что, этот Сергей никогда не знал своего отца?

– Нет. Он так рассказывал, что его мама вышла из двух друзей за того, который хотел на ней жениться. Она скрыла свою беременность, а настоящий отец – друг ее мужа. Потом муж погиб трагически... – Лилечка замолчала.

Андрей Степанович, который в последнее время вообще был далек от жизни, неожиданно для себя самого озаботился. Почему-то он вспомнил Галю, с которой не виделся бог знает сколько времени. Но то что рассказала Лилечка его заинтересовало:

– Сколько в жизни похожих историй. Вот и я в молодости был влюблен в девушку, а она вышла замуж за другого... – он замолчал и налил Лилечке в фужер игристое вино, которое, вспенившись, добежало до краев, потом замерло, а по-

том быстро опустилось, так что пришлось еще раз доливать, чтобы наполнить фужер до краев.

Лилечка чувствовала себя счастливой. После того как она рассказала о себе, ей показалось, что Андрей Степанович сможет защитить ее от всех невзгод, которые могут появиться. Он положил свою руку на ее руку, как будто понимая все ее сложности, и Лилечка была ему благодарна за этот жест.

– За наше возможное будущее, – сказал Андрей Степанович и поднял фужер. Вино уже успокоилось, и только белые точки сгруппировались в кружок на поверхности, сталкиваясь друг с другом.

– За будущее, – повторила Лилечка за Андреем Степановичем и рассмеялась непонятно чему.

– А можно, я позвоню от вас? – спросила Лилечка.

– Да, да, конечно, – ответил Андрей Степанович.

Лилечка набрала номер телефона Иры.

– Ну как там? – Лилечка ждала и молчала. Через некоторое время она сказала:

– Я все поняла. Пока. Обо мне ни слова. – Лиля повесила трубку и сидела как вкопанная.

– Что с вами? Что-то случилось? – Андрей Степанович положил руку на плечо Лилечки. Она повернула к нему свое лицо – слезы застилали ее глаза.

– Сергей, про которого я вам рассказывала, вошел в квартиру соседки и там сейчас у нее. Что делать?

– Вызвать милицию. А вам туда нельзя возвращаться ни в коем случае, – ответил серьезно Андрей Степанович.

Он был рад, что теперь Лилечка должна будет у него остаться, что она должна у него спрятаться, – он почувствовал себя мальчишкой, который прячет свою девчонку от соперника. Он обнял ее за плечи и нежно поцеловал в губы.

– Я рад. Теперь ты останешься у меня. – Он смотрел на Лилечку, а та не верила всему, что происходит.

Андрей Степанович посмотрел на часы. Стрелки показывали половину первого ночи.

– Я тебе постелю здесь, в гостиной.

Лиля была ему благодарна за такую деликатность. Андрей Степанович был старого воспитания, когда женщину, которая нравится, уважают, а потом все остальное. Это «все остальное» никуда не уйдет, и не хотел Андрей Степанович торопиться, спешить – в его возрасте это выглядело бы смешно, да и ситуация была неподходящая. В его представлении старого интеллигента близость не решает проблем, а создает их – она вносит путаницу в отношения, которые должны пройти все стадии от привыкания до окончательного бескомпромиссного сближения. Первая нежность – это высшее проявление любви, и ему не хотелось никуда двигаться дальше, ему сейчас было хорошо в роли отца молодой женщины, которой угрожает опасность.

Лилечка не спала полночи, и только к утру, измучившись от разных мыслей, она задремала, и ей приснился Андрей Степанович, молодой, порывистый, и он овладевал ею, и во сне это было очень ясно и прекрасно. Наутро уставшая от ночных видений счастливая Лилечка сидела за тем же огромным столом, и они с Андреем Степановичем обсуждали дальнейшую жизнь.

– Я думаю, что я найду машину и грузчиков и мы все тебе необходимые вещи перевезем ко мне, – сказал Андрей Степанович и внимательно посмотрел на Лилечку. Она вышла, через минуту вернулась и положила ключи от квартиры на

стол, и Андрей Степанович взял их.

– Андрей Степанович, вы правы, – спокойно сказала Лилечка.

– Называй меня просто Андрей. – Он подошел к Лилечке и поцеловал ее в щеку. – Думаю, что прямо сегодня мы этот вопрос решим.

Андрей Степанович ушел на работу и попросил Лилечку ждать его звонка. Лиля так была нравственно измучена за прошлый день, что сразу легла спать и проспала до двух часов. Телефонный звонок ее разбудил. Она проснулась и не сразу поняла, где она.

– Але.

– Лилечка! Это я! Все в порядке. Через час я буду.

– Хорошо, – ответила Лилечка.

Глава 12

После работы Андрей Степанович сразу поехал на квартиру Лилечки. Он был рад, что увидит, как живет Лилечка. Ему казалось, что он сможет что-то лучше понять в ней. Его смущало, что он едет туда по такому странному поводу.

Лифт был сломан. Андрей Степанович поднялся до третьего этажа, где находилась квартира Лилечки, и остановился передохнуть. Достал ключи и открыл дверь. Постоял какое-то время и вошел.

Квартира Лилечки представляла собой типичное жилище среднего класса. Все было новое. Диваны и кресла в беспорядке были расставлены по всей квартире, новая мебель из массива вишни, украшенная инкрустацией, уютно разместилась на кухне, сверкая ручками и поражая гладкой блестящей поверхностью плиты, вся «техника» была спрятана за гладкими поверхностями «вишни», и по мановению руки все ящички и дверцы открывались сразу и бесшумно. Лилечка всегда следила за модой, и поэтому интерьер квартиры – это лучшие страницы глянцевого журналов. Тут и столик-бобик, уютно устроившийся в нише, и блестящая белым металлом аппаратура, и, наконец, аквариум, где красные рыбки с длинными хвостами, колышались в воде, как вуали, завершал это тщательно продуманное размещение современной мебели.

Андрей Степанович присел на диван и провалился, делая неловкие движения, чтобы придать телу равновесие. Он не привык к таким упражнениям, когда колени находятся на уровне глаз. С небольшим усилием ему удалось вылезти из ямы дивана, и он сразу почувствовал облегчение. Он подошел к окну и выглянул во двор. Внизу детская площадка, машины разных расцветок стояли в ряд, вдали деревья закрывали кронами дом напротив, скамейки стояли кругом в центре двора. Этот вид из окна его немного успокоил – он ему напомнил его двор, где он в детстве много проводил времени, играя со сверстниками. Он подошел к телефону и набрал свой номер. Лилечка взяла трубку.

– Это я. Я от тебя. Скажи, что взять. Я думаю, что нужно вызвать грузовую и перевезти твой шкаф. Безделушки всякие сложу в сумку. Из посуды я захвачу что мне понравится. Ну как? – он ждал.

– Делай, что считаешь нужным. Захвати документы. Они лежат в шкатулке на бюро. И квитанции. Запиши показания счетчика. Ну вот и все, – Лилечка помолчала и потом добавила, – А может быть, не надо так спешить?

– Чем раньше мы это сделаем, тем лучше.

Андрей Степанович не сомневался, что поступает пра-

вильно. Он знал, что в таких ситуациях нельзя медлить и надо все решать сразу.

Из ящичков вещи пришлось вынуть и сложить в чемоданы. Это он все проделал как заправский специалист, как будто всю жизнь только этим и занимался. Через два часа грузчики втаскивали в его квартиру Лилечкин шкаф-купе по частям.

Место для него нашлось как раз в спальне. Лилечка, раскладывая свои вещи по полкам, немного стеснялась того, что Андрею Степановичу пришлось их укладывать в чемоданы.

После всех этих перемен они сидели в гостиной и обсуждали случившееся.

– Теперь он тебя больше не увидит, – сказал Андрей Степанович.

– А я думаю, он будет меня разыскивать. Но это уже не важно, – тихо сказала Лилечка.

Андрей Степанович чувствовал себя помолодевшим на двадцать лет. Он увозит вещи любимой женщины, он ее спасает, он прикасается к вещам любимой женщины. Все вместе создавало у него ощущение молодости, когда все делает-

ся необдуманно и сразу и не думаешь о последствиях. Это последнее было главным в теперешних обстоятельствах. Андрею Степановичу казалось, что это не он, а кто-то другой совершает все эти поступки. Он сам на себя удивлялся и думал, что он не он, а другой. И действительно, это был как будто другой человек, помолодевший, энергичный, веселый, как будто хмель любви ударил ему в голову, и он действовал и по своей воле, и по своему желанию.

Глава 13

Так начиналась новая жизнь Андрея Степановича, вернее, продолжалась старая, но в новых обстоятельствах, что создавало это ни с чем не сравнимое чувство важных и серьезных перемен, и все шло по-другому, с другим ощущением, к которому не нужно привыкать, а как будто так всегда и было.

Передвижение людей и предметов произошло, а что же происходило в душах наших героев? Главное, на что были направлены их силы, не сделать ошибки в словах, в движениях, в проявлениях, а они, как назло, сами собой случались, и чувство неловкости – этот главный спутник при непривыч-

ных обстоятельствах – мешало, сбивая с толку, и постоянно напоминало о том, что много предстоит еще пережить, чтобы от него избавиться окончательно.

Про себя Андрей Степанович отмечал, что вот, кажется, наступает относительное равновесие в его душе, которая последнее время с таким трудом отрывалась от привычного чувства любви к матери, о которой он вспоминал каждый день. Теперь часть энергии будет направлена на новые впечатления, которые смогут, наконец, вытеснить старые тяжелые впечатления последнего времени, и Андрей Степанович под влиянием обстоятельств окунался в обыденную жизнь с ее неизменным правилом заниматься пустяками, бытом, обустройством. Они с Лилечкой, как молодожены делали это, собирая чудо современной дизайнерской мысли – шкаф-купе.

– Почему шкаф так назвали? – спросил Лилечку Андрей Степанович.

– Наверное, потому, что дверцы раздвигаются в стороны, как в поезде, – ответила Лилечка и посмотрела на Андрея Степановича. Она была все это время так напряжена, что улыбка у нее получилась какая-то странная, немного жалкая, и Андрей Степанович подошел к ней, обнял за плечи и по-

целовал.

– Я что-то устал, – сказал он грустно, и Лилечка приготовила ужин. Они сидели за этим огромным столом и молчали, не испытывая неловкости от молчания. Впереди была ночь, и каждый думал о ней по-своему. Андрей Степанович вспоминал юность, а Лилечка испытывала какой-то страх в предощущении перемен, которые непременно должны были этой ночью произойти.

От природы Лилечка была очень женственной, что проявлялось в ее собственном к себе отношении как к женщине, которая должна нравиться. И она нравилась практически всем мужчинам, которым случалось с ней общаться, но сейчас она испытывала непонятное и несвойственное ей чувство страха перед Андреем Степановичем. Лилечка не знала, понравится она ему или нет. Сам Андрей Степанович не думал о том, нравится он Лилечке или нет, – он знал, что влюблен, и это его окрыляло и делало уверенным, и поэтому он не спешил, наслаждаясь своим романтическим чувством к молодой женщине.

– Я помню, как мама меня учила, что за столом нужно всегда сидеть прямо и не облокачиваться, что это неприлично. И всегда мне в детстве и потом клала на колени салфетку, – тут он посмотрел на Лилечку.

– Это упрек? – неуверенно сказала она, встала и принесла две белоснежные камчатные салфетки. Одну подала Андрею Степановичу, который спокойно продолжал есть, не замечая жеста Лилечки. Так они еще долго сидели за столом. Пили чай с печеньем, и Андрей Степанович вдруг ни с того ни с сего сказал:

– Ту девушку, в которую я был влюблен в юности, я иногда вспоминаю, и не понимаю до сих пор, что помешало мне тогда сделать решительный шаг. Ну, это так, к слову. – Он встал и включил музыку.

– Это Лист, «Годы странствий», – сказал он и сел в кресло. Музыка заполнила все пространство комнаты, и казалось, что два человека утонули в этих переливах настроений, которые пианист извлекал из фортепьяно так виртуозно. «Непонятно, как с такой скоростью можно двигаться по клавишам», – подумала Лилечка. Она слушала то, что звучало, и, прислушиваясь к неизвестным ей мелодиям, пыталась их понять. Неожиданно она забыла обо всем – так звуки музыки ее обворожили и загипнотизировали, и самые приятные впечатления и ощущения из ее памяти отключили ее мысль, и она как будто плыла вслед за скользящей таинственной мелодией.

Андрей Степанович думал о своем, о невыразимом, и далеко и близко, он весь ушел глубоко в себя, вспоминая иногда обрывки чьих-то фраз, выражения лиц, свои мысли, и непроизвольно на душе у него стало спокойно и ясно. Он встал, подошел к Лилечке и взял ее руку в свою.

– О чем ты думаешь?

– Ни о чем. Мне просто хорошо. И эта музыка мне что-то как будто напоминает, –ответила Лилечка.

Через час оба, счастливые своей теперешней жизнью, крепко спали, обнявшись на огромной постели, и сон каждого прерывался движениями тела другого, и тогда происходило то, что было естественно и прекрасно, и двое погружались в мир фантазий, который им открывала природа.

Лилечка была изобретательна, и прямолинейность Андрея Степановича подчинялась ей, и они доставляли друг другу ту радость, о которой каждый мечтал давно и не знал, что реальность превзойдет ожидания.

Так они прожили свой медовый месяц, иногда занимаясь делами, которые не должны были прерываться, и после всех

дневных забот два человека встречались, чтобы переселиться на время в другой мир, реально заменивший им все счастье, к которому каждый шел долго, не надеясь когда-нибудь узнать его.

На работе они вели себя по-прежнему, встречаясь, в коридоре здоровались, и эта игра им доставляла дополнительную радость.

Два или три раза звонила Ира, у которой за это время тоже произошли перемены. Лилечка рассказывала Андрею Степановичу о жизни Иры, но в глубине души все это его раздражало. Это была чуждая, непонятная ему жизнь посторонних людей.

Глава 14

У Андрея Степановича был счастливый и самый безоблачный период его жизни человека непростого, обремененного массой комплексов и умудренного жизненным опытом. Лилечка, счастливая своей новой ролью подруги солидного человека, была в одном из самых лучших периодов. Так казалось каждому в отдельности, и когда они вместе отправлялись в какое-нибудь путешествие, это чувствовалось осо-

бенно.

Так случилось, что они решили съездить к знакомым Андрея Степановича в Германию, и эта удивительная своей сказочной красотой страна им обоим понравилась, и они решили купить где-нибудь в горах небольшой домик. Деньги были у Лилечки от ее предприятий, где она изредка появлялась, где все было налажено и торговля изделиями из древесины шла бесперебойно и приносила ежегодно неплохой доход.

Место выбрали недалеко от Дармштадта, так, чтобы можно было на машине доехать до Рейна. Они приезжали сюда пожить недельку-две в тишине немецкой деревушки. Их друг Клаус пользовался в их отсутствие домом и содержал его в порядке, что было делом простым, так как местная женщина Клара согласилась присматривать за домом за небольшую плату, которую она регулярно получала от Клауса, на выходные с семьей приезжавшего отдохнуть из Гейдельберга, где у него была хорошая квартира из пяти комнат. Сам он преподавал в университете и часто приезжал в Россию, и Андрей Степанович всегда ему предоставлял жилье. Дружили они давно, и вот жизнь их объединила этим домом, который хоть и принадлежал Лиле, но пользовались им все, и это было очень удобно.

Говорить о немецкой педантичности смешно, как и гово-

речь о русском гостеприимстве. Когда два интеллигента разных национальностей общаются, все иногда выходит совсем по-другому, и немец оказывается гостеприимным, а русский – педантичным. Андрей Степанович в денежных делах давал фору любому немцу. Он считал все и всегда, записывал в тетрадь расходы и очень огорчался, если у него что-то не сходилось.

Когда они с Лилей начали вместе жить, само собой получилось, что Лиля тратила денег всегда больше, чем Андрей Степанович, потому что у него их было меньше, и, как женщина не очень расчетливая и прижимистая, могла так проявлять свою щедрость, тем более что ей это было приятно. И, естественно, когда встал вопрос покупки дома, она полностью оплатила ее и сделала это без лишних разговоров, за что Андрей Степанович был ей очень благодарен.

Однажды, когда они вернулись из очередного путешествия в Германию, зазвонил телефон. Лиля взяла трубку.

– А, Ира? Ну, как дела? – она вся напряглась, когда услышала голос Иры, и внимательно посмотрела на Андрея Степановича. – Хорошо, приезжай завтра, поговорим, – она повесила трубку.

– Завтра Ира придет к нам. У нее перемены. Она собирается замуж за Сергея... – Лилечка замолчала.

Андрей Степанович как-то напряженно спросил:

– Это от которого ты сбежала ко мне... – и тут же осекся на полуслове, видя, как Лилечка помрачнела.

– Никуда я не сбежала, – обиделась Лилечка, – просто так совпало, что ты и он вдруг... – В этот момент, под наплывом эмоций, она плохо соображала, что говорит.

При этих словах Андрей Степанович обиженно ответил:

– Как это он и я? Ты ставишь его на одну доску со мной? – Он смотрел на Лилечку и ревность волной накатила на сердце, потом отступила.

– Ну что ты говоришь глупости, – сказала Лилечка, подошла к Андрею Степановичу и взяла его за руку как ребенок, который ищет защиты у матери.

– Это я говорю глупости? – раздраженно сказал Андрей Степанович. – Что у тебя с ним было? – Он внимательно смотрел в глаза Лиле, а та, от испуга не зная, что сказать, прошептала:

– Ничего, – и виновато опустила голову.

– Как это ничего? – не успокаивался Андрей Степанович. – Вы же жили вместе, ты сама это говорила. Значит, вы вместе спали в одной постели, ну, и все остальное.

Он не понимал, почему он говорит эти слова, но ему неприятно было, что в его дом придет какая-то там Ирина, которую он мельком видел и оценил как женщину с рынка, что было правдой, но почему-то ему оскорбительно было, что Лилю что-то связывало с ней, – он уже забыл всю эту историю переезда Лилечки к нему. По прошествии времени все это ему казалось «ужасным». Он не хотел вспоминать свое сумасшествие, он забыл, как собирал пожитки Лилечки в сумку, он забыл свое счастье в тот момент, а вспоминал неприятные детали, и эта история «переезда» представлялась ему страшным сном, где он исполнял несвойственную ему роль героя-любовника, сердцееда, и это прошлое, ему реально вспоминавшееся, его оскорбило сейчас в первый раз, и ему неприятно было обнаружить свою незащищенность перед такой ерундой и глупостью.

Все эти мысли промелькнули так быстро, что он застыл на месте и стоял, как мальчишка, который не знает, что делать дальше. Он чувствовал Лилечкину руку в своей руке. В этот

момент Лиля поняла, какая бездна их разделяла, – этой бездной было прошлое, которое реальными людьми врвалось в их счастливую жизнь. Андрей Степанович почувствовал, что у него нет желания бороться за что-то. Ощущение опасности пока только зарождалось в его голове, но вторжение посторонних нарушало гармонию его жизни, и он подумал об оскорблении, которое он всегда испытывал, когда происходило что-то ему непонятное, неприемлемое, пока еще не наступившее, но гипотетически в его мозгу уже подававшее сигналы о возможности возникновения, и он стоял и не знал, что говорить, что делать. Он никак не мог отогнать мысль о нарушении его привычек, о невозможности с этим мириться и невозможности это побороть в себе.

Рука Лилечки непроизвольно отстранилась, выпала из руки Андрея Степановича, а он как будто этого не заметил, а стоял и о чем-то думал. Он забыл, что рядом Лилечка, а когда он почувствовал, что ее рука выскользнула, он не сделал никакого движения, чтобы ее удержать. Лилечка стояла молча около какое-то мгновение, потом быстро вышла из комнаты. Андрей Степанович продолжал стоять, что-то мешало ему сразу выйти за Лилечкой. Он подошел к дивану, сел, не меняя хода своих мыслей, и вдруг вспомнил маму, ее последние дни, когда она в полном сознании того, что с ней происходит, мужественно продолжала свой земной путь, и только когда Андрей Степанович вспомнил ее слова: «Ан-

друша, никогда не обижай женщину, которая тебя полюбила», – он встал и вышел из комнаты.

Лилечка стояла у плиты и что-то размешивала в кастрюльке. Пар клубами поднимался вверх. Андрей Степанович подошел к Лилечке и сказал:

– Прости. Я просто немного устал.

Он больше ничего не сказал, он не знал, что говорят в таких случаях, и что это был за случай, он не знал. Так память управляла им из прошлого. Он не знал еще, что вот так каждую секунду жизни память делает свое постоянное дело, фиксируя случайные впечатления, которые потом будут всегда с ним, и она будет управлять его настоящей жизнью из прошлого, подавая неожиданные сигналы.

Вечер прошел как обычно, но Лилечка поняла, что нельзя приглашать Иру к себе, когда дома будет Андрей Степанович, и она решила с ней встретиться где-нибудь. По сбивчивому разговору она поняла, что Сергей живет у Иры и у них все серьезно, но она не знала, что Сергей не однажды интересовался, где теперь Лиля, ведь в ее квартире живут теперь другие люди, знакомые Лилечки, и он не раз высказывал угрозы расправиться с ее «хахалем», если тот ему попадется на глаза.

Глава 15

Время для встречи с Ирой Лилечка решила отложить. Первым условием было отсутствие Андрея Степановича в городе. Нужно было ждать его командировки, так что Лилечка позвонила Ире и предупредила, что сейчас у нее никак нет времени и она позвонит позднее.

Андрей Степанович, казалось, забыл об этом эпизоде ревности, но что-то внутри иногда болью напоминало о нем, и он вспоминал свою прежнюю жизнь, до переезда Лилечкиных вещей, и всегда ему становилось стыдно чего-то, и он пытался понять глубинный смысл этого стыда и приходил всякий раз к новым выводам. Последний раз он для себя решил – стыдно бывает, когда ты вынужденно делаешь то, что тебе не свойственно, но тогда у него не получалось другого объяснения – почему ему тогда это не было стыдно делать, и он пытался на такой вопрос к себе дать ответ. Ответ был для него неутешительным. Он понимал, что его разум отключился в тот момент и подчинился воздействию силы, ему непонятной. Он это называл «забвением» и тогда немного успокаивался, и стыд чего-то как будто пропадал. Но, как чело-

веку, неэмоциональному, каким он себя считал, ему этот порыв казался неестественным, и тогда он себе объяснял стыд как неестественное поведение в ситуации вынужденной, и тогда вроде бы все сходилось.

Андрею Степановичу всегда нужно было неясное объяснить себе, чтобы быть уверенным и спокойным, но, странное дело, он после своей «ревности» не мог вернуться к тому ровному и спокойному счастью, в котором они с Лилечкой жили все это время. Произошло что-то, но это было до такой степени неясно и таинственно, и лежало так глубоко, что невольно Андрей Степанович все время возвращался к воспоминанию о словах мамы: «Не обижай ту женщину, которая тебя полюбит». И однажды Андрей Степанович понял, что в этой фразе все объяснение ситуации – Лилечка его любит, а он? И на этот вопрос Андрей Степанович не мог и не хотел сейчас давать ответ.

А Лилечку очень беспокоило то обстоятельство, что Сергей, ее первый муж, теперь с Иррой, и всегда была опасность с ним столкнуться, и тогда Лилечка решила продать эту квартиру и купить другую, чтобы не возвращаться больше на то место, где ее жизнь проходила до встречи с Андреем Степановичем.

И вот однажды, когда они вечером ужинали, Лилечка сказала:

– Знаешь Андрей, я думаю, надо продать ту квартиру и купить в другом месте. – Она наблюдала за Андреем Степановичем.

– Ты всегда предлагаешь разумные вещи. Я думаю, что это надо сделать, и чем скорее, тем лучше, – ответил Андрей Степанович, и что-то опять его больно кольнуло. Он почувствовал, что тот стыд опять откуда-то изнутри напоминает о себе. Как будто этим поступком «продажи» Лилечка замечает следы, что было правдой, и это почувствовал Андрей Степанович, что она стыдится своего прошлого, и это ему передалось – он в этом чувствовал связь с ней, с Лилечкой, глубинную связь, и это ему показалось немного странным. Он, такой независимый, и вот он связан с этой сидящей перед ним женщиной, и в этот момент ответ на вопрос, любит или нет, был один – любит. Он взял Лилечку за руку и посмотрел ей в глаза.

– Знаешь, я не думал, что мы с тобой так прочно связаны... – тут он осекся на полуслове, он вообще не привык объясняться и выяснять что-то, и ему стало неловко за свою откровенность...

Когда Андрей Степанович остался один, он погрузился в воспоминания – мама, Галя, Петя, почему-то вспомнил сотрудницу и долго вспоминал ее имя (Анастасия). Что с ними? Он знал, что мама незримо с ним, в нем живет, и всякую секунду та половинка его, которая была от мамы, напоминала о себе, и он удивлялся этой с ней неразрывной связи, которую ничто не может разорвать. Он вспоминал свои с ней прогулки, он так явственно слышал ее голос, ее особенную интонацию, когда он просил еще и еще раз рассказать понравившуюся ему историю из ее жизни, и она это делала всегда с радостью, понимая, что для Андрюши это очень важно. Такое случается, когда два человека чувствуют друг друга, не отдавая себе в этом отчета, а между детьми и родителями это, казалось, должно быть всегда так, но Андрей Степанович вспоминал, что таких разговоров с отцом, когда душа другого откликается сразу на малейшую интонацию, – этого не было. И сейчас он чувствовал, что никто, кроме мамы, не сможет его так понимать и любить, как она, и, конечно, Лилечка, по его внутреннему ощущению, была далека от его представления о любви, и именно поэтому он осекся на полуслове и потом испытывал неловкость оттого, что его мысли не будут поняты. Так всегда бывает между людьми, у которых привычка жить вместе заменяет любовь в ее высоком значении. Но Андрей Степанович себе в этом не признавался и жил так, как у него получалось, и только иногда вдруг

откуда-то изнутри эти спрятанные, невыраженные, несформулированные мысли напоминали о себе стыдом.

Решено было сделать заявку в агентство, но Лилечка попросила Андрея Степановича съездить вместе с ней на эту квартиру, потому что она одна боится там показываться по известным причинам. Когда Лилечка попросила об этом, Андрей Степанович сделал вид, что «да, да, конечно», но внутренне опять испытал неприятные ощущения. Ему категорически не хотелось ехать туда. Он не сказал Лилечке ничего конкретного, а когда она назначила день, он про себя испугался, но вида не показывал, желая скрыть то, что он почему-то боится ехать туда. Он знал, что тот самый Сергей живет в соседней квартире, и неприятные ощущения, связанные со всей этой историей, не давали ему покоя.

Они вызвали такси и поехали. Когда Андрей Степанович увидел этот серый с балконами дом, он попросил шофера притормозить у соседнего. Они с Лилей вышли, и когда подходили к парадной, из нее вышел молодой человек в черной кожаной куртке и серых джинсах. Не успела Лилечка взять Андрея Степановича за руку, как ужас выразился на ее миллом личике.

– Это Сергей, – тихо сказала она, и непроизвольно Андрей Степанович повернулся и пошел в противоположную сторо-

ну.

– Стой! – закричал ему молодой человек. Андрей Степанович шел не оборачиваясь.

– Андрей, – услышал он голос Лилечки, но шел не оборачиваясь, и вдруг что-то больно толкнуло его в спину, и он упал, теряя сознание...

Глава 16

Рана не была смертельной, и через две недели Андрей Степанович мог уже вставать. Лилечка не отходила от него ни на шаг. Она превратилась в сиделку, исполнительную и профессиональную. Ей разрешили оставаться в палате с Андреем Степановичем и на ночь, потому что в первые дни его состояние было критическим.

Пошла третья неделя. И сам Андрей Степанович поинтересовался как-то:

– А где этот Сергей? Что с ним? – он смотрел преданно и благодарно на Лилечку, забыв, что она причина его теперешнего положения.

– Ничего не знаю. К тебе рвутся следователи и мать Сергея, но врачи не разрешают из-за твоего состояния, – она замолчала, испытывая чувство вины, опустила глаза. Андрей Степанович это заметил.

– Ну что ты. Не переживай. Я уже вполне могу общаться. – Он смотрел на Лилечку и чувствовал, что она что-то скрывает. – Ты что-то не договариваешь.

Он внимательно посмотрел на Лилечку. Она опустила голову.

– Понимаешь, мать Сергея... Я тебе о ней ничего не рассказывала. Она торгует чем-то, но женщина приличная. Она как-то странно себя ведет. Я с ней виделась, и она просила меня обязательно разрешить ей с тобой увидеться.

Лилечка замолчала и отвела глаза в сторону. Андрей Степанович настаивал:

– А что ей нужно от меня?

– Мне кажется, что она тебя знает. Так мне показалось. Она говорила, что когда-то училась в университете, и я почти уверена, что она знает тебя. – Лиля молча вытирала сле-

зы, выступившие на глазах.

– А как ее зовут?

– Кажется, Галина Сергеевна, – ответила Лиля, и по тому, что на лице Андрея Степановича появилась напряженность, она поняла, что произошло что-то очень важное и серьезное.

– А как она выглядит? – тихо спросил Андрей Степанович. Видно было, что говорить ему трудно, он дышал ровно, делая усилия подавить эмоции.

– Она очень приятная, но очень простая, – Лиля замолчала.

«И почему в языке так мало слов? Опять простая», – вихрь эмоций пронесся в его душе, и он только сказал:

– Да, да. Я устал и хочу заснуть.

Лилечка засуетилась, поправляя одеяло. Андрей Степанович отвернулся к стене. Слезы потекли из глаз. Он не хотел, чтобы Лиля их видела – Лиля тихонько отходила к двери, – и как только Андрей Степанович почувствовал, что он один, он разрыдался в полную силу, спрятавшись под одеяло, глотая слезы и понимая, что ситуация для него роковая,

трагическая. Он чувствовал, что не может подавить эмоции, на него нахлынувшие, и стал про себя считать, но сбился и, повернувшись на спину, стал смотреть в потолок.

Мысль ужасная, что этот покушавшийся на него мог быть его сыном, о котором он знает, но о котором никогда ни с кем не обмолвился словом, и только Галя и он знали об этом, и то, что случилось с ним, как в трагедии Софокла, когда сын убивает отца, – это все, вместе с теми его переживаниями, предчувствиями, показалось ему роковым, непонятным и страшным. Как жить с этим дальше? Он вспомнил Галю, свой последний разговор с ней, и сейчас ему было неприятно это вспоминать. Прошлое преследовало его и теперь.

За окном шел дождь. Он слышал его шум и резкое пение птиц, и ему вдруг захотелось, чтобы ничего этого не было – ни Гали, ни Лили, – он закрыл глаза и подумал, как было бы хорошо вдруг сейчас все в жизни начать заново, и он понимал невозможность этого, и тоска подкралась откуда-то, и так душа заныла при воспоминании о детстве, когда вся жизнь была впереди и ты не знал об этом, а жил просто и ясно день за днем, никакие воспоминания не тревожили сердце, никакие угрызения совести не жгли душу – и он вдруг подумал о том, что ведь можно, наверное, жить по-другому, просто и ясно, отбросить все лишнее, радоваться жизни, каждому мгновению, и он не знал, как это можно сделать

сейчас.

Неожиданно его мысль сосредоточилась на вечности, стала крутиться вокруг бесконечности вселенной и своей в этом пространстве ничтожности, и он понял, что только теперь, когда он находился на самом близком расстоянии от конца всего этого, и мысли, и жизни, он почувствовал свою беззащитность и конечность жизни, и эти мысли как будто на какое-то мгновение приблизили его к ощущению свободы. Он вздохнул глубоко и почувствовал себя другим, каким-то бес-телесным, как будто он есть дух, парящий среди безбрежных пространств вселенной, и он плывет одиноко и высоко среди звезд, и справа, и слева они сверкают разными цветами радуги, а ему так хорошо и спокойно, и он проснулся.

Палата, за окном ветви деревьев, вошла медсестра и спросила, где Лилечка, и Андрей Степанович спокойно ответил:

– Она ушла отдохнуть, она так устала, и я тоже... – он увидел удивленные глаза молодой девушки.

Глава 17

Когда Галя узнала, что сын Сергей, вернувшийся из тюрь-

мы, совершил нападение на человека, она находилась в состоянии депрессии, которое у нее не проходило все последнее время. Это известие ее не возмутило, не удивило, а обрадовало. Она подумала, что вот теперь его опять посадят в тюрьму, и она не будет занимать у знакомых деньги для него – ведь он не работал, жил у женщины и перебивался случайными заработками. Несколько раз эта женщина Ира звонила ей и просила поговорить с сыном, а то он все деньги тратит на выпивку и никак не может уже без этого обходиться. Галя, уставшая от всего на свете, ничего не могла ей посоветовать и говорила: терпите. Галя боялась, что Сергей к ней придет, а тогда и вообще никакой жизни не будет.

Как получилось, что она так опустилась, она не могла понять. То ли время такое настало, то ли она от времени отстала, но то обстоятельство, что ее бросил друг, с которым они прожили семь лет, сыграло свою роль, и она совсем пала духом. Случилось все просто и неожиданно. Однажды он не пришел домой и не появлялся неделю. Потом позвонил и сказал, что уходит, и вот тут для Гали началась страшная полоса неудач. Она меняла работу, денег хватало только на еду, обносилась, и кроме поездок с передачами сыну в тюрьму нигде не бывала. Так между домом и тюрьмой застряла, а он, сын, вышел на волю да и был таков, за деньгами появлялся, – что за жизнь, а все так хорошо могло сложиться.

Теперь еще этот им раненый оказался Андреем – она вообще ничего не понимала, как это могло случиться. Она хотела пойти к нему в больницу, но не знала, что скажет. «Сын хотел убить отца», – но она ведь Сергею не говорила, кто его отец. Она мучилась этой проблемой: «Что сказать Андрею?» В какие-то мгновения ей казалось, что, может быть, не стоит навещать Андрея, но она уже связалась по телефону с Лилечкой, а телефон дала Ира. Прошел уже месяц, как Андрей был в больнице, а Галя все не могла решить, что ей делать, идти или нет.

Андрей Степанович после сообщения Лилечки тоже находился в странном состоянии – та ли это Галя или нет, а может быть, это совпадение и он все это придумал про сына, который на него напал из-за их общей женщины Лилечки, но, независимо от всех этих мыслей, он поправлялся и мог уже спокойно передвигаться по палате.

Тем временем Лилечка занималась продажей квартиры, а все остальное время проводила с Андреем Степановичем. На работе она появлялась редко, и ее заменяли, понимая ее положение. Ей сочувствовали и не могли понять, почему это приключилось с Андреем Степановичем. И вот однажды Лилечке позвонили и предложили вариант обмена, ее заин-

тересовавший. Лиля показала свою старую квартиру и посмотрела новую. Этот последний вариант ей подошел. Она меняла район на район, и на такую же квартиру, так что ей не нужно было доплачивать, и она быстро переехала за один день, и обустроивалась не спеша в новой квартире. Жила она у Андрея Степановича, который вышел из больницы и продолжал дома процедуры, прописанные врачом.

Изредка они выходили на улицу и гуляли перед сном. Когда в очередной раз они вернулись домой после прогулки, зазвонил телефон. Лилечка взяла трубку, и когда услышала голос Галины Сергеевны, вся напряглась, и, понимая, что не может сейчас беспокоить Андрея Степановича, сказала, что его нет дома. Она откровенно врала, зная, что Галя может просчитать ее ложь, но позиций не сдавала и уверенно повесила трубку. Она каким-то десятым чувством улавливала, что эта история может нарушить равновесие, установившееся в последнее время.

Андрей Степанович понял, кто звонил, и вопросов не задавал. Он тоже для себя понимал, что не хочет нарушать равновесие, но чувствовал, что жизнь вторгается в его мир со своими правилами, сбивая все планы, путая карты и переворачивая все кверху дном. Он придумывал разные варианты дальнейшей жизни, и из логических построений ничего хорошего не получалось, и тогда он оставлял это бесполезное

занятие и подчинялся моменту, как единственно его устраивающей реальности.

Все, что касалось финансовой стороны жизни, Лилечка брала на себя. Она распоряжалась своими деньгами свободно, не стесняясь, и Андрей Степанович чувствовал свою с этой стороны защищенность. Это напоминало ему жизнь с мамой, когда все вопросы финансов решала она и он никогда не знал точно, сколько в доме денег.

Такое положение могло продолжаться долго, но ощущение, что не все в порядке, иногда напоминало о себе резкой болью в сердце, и тогда Андрей Степанович принимал лекарство и ложился в постель. Он в последнее время очень ослаб после ранения, но старался нагружать себя всякими физическими упражнениями, чтобы не потерять форму, но вернуться к своему первоначальному состоянию не удавалось. Теперь он чувствовал свое тело, которое напоминало о себе тяжестью, он чувствовал свой возраст и все чаще задавал себе странный вопрос: «Неужели это все?» Он не знал точно, что он вкладывал в это, но подспудно, несмотря ни на что, еще чего-то ждал.

Он никогда всерьез не интересовался политикой, и все

эти современные понятия – «новые русские», «олигархи», «бизнес-класс», «средний класс» – существовали для него в общем ряду понятий, ничем не отличаясь от понятий «номенклатура», «партийная элита», «коммунисты». Как человек здравомыслящий, он, конечно, понимал, что стояло за каждым из этих слов, но он себя не чувствовал среди этих людей, он был от них далек, и то, что деньги у Лилечки от ее бизнеса, он воспринимал как само собой разумеющееся, понимая естественность перехода Лилечки из номенклатуры в бизнес.

Его политические взгляды отличались индифферентностью, и он ни разу не ходил на выборы, считая, что от него ничего не зависит, – и был прав, как любой человек, не вписанный в какую-либо структуру. Он чувствовал свое положение независимым от каких-либо катаклизмов. Слова «демократия», «либерализм» вполне были к нему применимы, он над этим не задумывался, но слова «патриот» и «националист» никак не подходили к его внутреннему ощущению свободы от всяких политических понятий. Он чувствовал себя в совершенно другом мире, где научные идеи и работа мысли заменяют все на свете, не исключая чувств, которым Андрей Степанович был подвержен, отчего и происходили все его неурядицы и все разнообразие жизни. От них он страдал и мучился, радовался, был счастлив и несчастлив. Его жизнь человека рационального удивительным образом

сочеталась с переживаниями, без которых она была бы пресной и скучной.

Но в последнее время его все чаще навещали странные мысли о желании перемен. Это чувство у него обострилось после истории с нападением на него, он чувствовал, что, кроме этого человека, в прошлом с Лилечкой было еще что-то...

Тревога и желание знать правду странным образом крутились в его голове, и однажды он попросил Лилечку пригласить, как он выразился, эту Галину Сергеевну, к ним. Лилечка согласилась и тут услышала странную фразу:

– Знаешь, я хочу поговорить с этой женщиной с глазу на глаз... – он внимательно смотрел на Лилю, а она сделала вид, что «конечно», чувствуя, как ее сердце волной окутывает страх и расплзается в разные стороны, создавая неприятное ощущение одиночества и оголенности своей перед надвигающимися неизвестно откуда неуверенностью и тревогой.

Глава 18

Между Андреем Степановичем и Лилечкой существова-

ла негласная договоренность о свободе действий. Это означало, что каждый может делать то, что он считает нужным, и тогда, когда ему это покажется удобным.

Лилечка понимала, что встреча Андрея Степановича с этой Галиной Сергеевной была связана с делом в суде о ее сыне. Так ей казалось логично, и она чувствовала, что есть еще что-то, что составляет интерес Андрея Степановича к этой странной истории. Конечно, Лилечка понимала, что нападение на Андрея Степановича было связано с ее прошлыми отношениями с Сергеем. Это была месть ей за то, как она поступила когда-то с Сергеем, но в глубине души Лилечка предчувствовала, что в этой истории есть какая-то тайна, и понять и разгадать ее Лилечке очень хотелось.

То, что она пережила, ухаживая за Андреем Степановичем, окончательно убедило ее в любви к этому человеку. Она превратилась на время в зрение и слух, она прислушивалась к его дыханию, как мать у постели больного ребенка. И это чувствовал Андрей Степанович, и был спокоен, что рядом есть близкий человек, и одновременно этот вопрос: «Неужели это все?» – относился к Лилечке тоже, и было в этом вопросе сомнение, которое Андрей Степанович не формулировал, но его что-то смущало, тормозило в его отношении к Лилечке, которая была воплощенное смирение и любовь. Да, это чувство напоминало ему отношения с мамой, но не

хватало чего-то, доверия и тепла, которые в его душе всегда были к маме, а к Лилечке было чувство благодарности и какое-то сомнение в своих к ней чувствах. Он не формулировал это четко, но этот вопрос все-таки оставлял ему какую-то лазейку, чтобы вернуть все на прежние места, и он не сдавался.

История с нападением утвердила его в этом мнении, что не все так просто, ясно для него, как ему бы этого хотелось. Закрадывалось какое-то чувство неудобства за то, что он попал в такую историю, и виновата в этом Лилечка. Его смущало ее прошлое, о котором они не говорили намеренно, он его стеснялся, а оказалось, надо еще его бояться. Эта история подтвердила то, что между ними не было полного и окончательного доверия, что Лилечка «простая», а это для Андрея Степановича было самым страшным. В этой простоте он упирался в стену, за которой ничего не видел, не чувствовал, и он отступал, оставляя за собой право быть свободным.

Эти мысли ему пришли, когда он вот так ни за что пострадал от прошлого Лилечки, которая не понимала до конца, что же это и за что, испытывала чувство вины, и она вернулась в своих ощущениях к первоначальному впечатлению от Андрея Степановича как человека замкнутого и ей непонятного.

Сейчас ей нужно было решить практический вопрос – организовать встречу Галины Сергеевны с Андреем Степановичем. Она съездила в суд и узнала, что первое слушание по этому делу назначено через неделю. Она позвонила Галине Сергеевне.

– Извините, пожалуйста, это Лилия Яковлевна от Андрея Степановича.

– Да, я слушаю, – ответила Галина.

– Если не возражаете, могу вам предложить среду на следующей неделе, – сказала спокойно Лилечка.

– Хорошо. Предварительно я еще позвоню вам, – услышала Лилечка, и на этом разговор закончился.

Лилечка вошла в комнату, где в кресле сидел Андрей Степанович. Выражение лица было у него какое-то другое, немного задумчивое. Оно удивило Лилечку – давно она не видела на его спокойном лице эмоций. Он не сказал ей ничего и как будто не слышал ее разговора, но Лилия почувствовала, что он думает о чем-то своем и приятном, а из какой жизни, она знать не могла.

– Ты, наверное, хочешь отдохнуть? – робко спросила она.

– Да, пожалуй, – и Андрей Степанович перешел к дивану и, укрывшись пледом, закрыл глаза.

Глава 19

Как только он закрыл глаза, лицо Гали, откуда-то издали, из самого далека, представилось ему. Он раньше всегда удивлялся, что у нее выражение лица почти не меняется, и только иногда можно было на нем заметить улыбку или сомнение. Ее лицо можно было назвать статичным. Но это только на первый взгляд. Оно оживлялось, когда она начинала говорить о вещах, ей хорошо известных, и тогда оно становилось красивым. Ее красота была переменчивой, иногда ее можно было назвать некрасивой – это в те моменты, когда ничто не волновало ее, – и можно было назвать красивой, когда она оживлялась от какой-то мысли.

А сейчас Андрей Степанович, по прошествии лет, вспоминал снова свой юношеский роман с Галей там, в экспедиции, на природе, в степи, где травы выше головы колышутся на ветру, как посевы пшеницы или ржи. Они шли тогда по пыльной дороге, держась за руки, и только птицы, вдруг

бросающиеся вниз, привлекали их внимание. И тогда они углублялись в траву и находили гнездо с желторотыми птенцами, которые пищали открытыми клювами и ждали очередной порции пищи. Андрей и Галя тихонько отходили в сторону и шли дальше, и где-нибудь у оврага, по дну которого лениво тек ручей, останавливались и садились рядом, глядя в необъятную даль, где на горизонте видны были белые мазанки, покрытые соломой. Этот малороссийский пейзаж приковывал к себе какой-то картинностью, уже виденной где-то и когда-то. Эта простая природа привлекала к себе, и два человека любовались ею, не думая ни о чем, кроме того, что они счастливы.

Сейчас эти картины прошлого казались ему фантастическими, и что-то окутывало сердце тревогой от того, что все это уже в прошлом, которое никогда больше не повторится, и ты не знал тогда, что переживаешь самые счастливые мгновения своей жизни, но ты не мог этого знать, и тревога за будущее, которое всегда неизвестно, придавала этим переживаниям оттенок легкой грусти. А теперь эта грусть была об ушедшем, и не думаешь о будущем вообще – оно туманно – и этот вопрос своей настойчивостью «И это все?» сопровождал теперь постоянно все переживания Андрея Степановича.

Любил ли он Галю или нет? На этот вопрос он не мог от-

ветить, но то, что он сейчас любил себя прошлого, и это чувство самого себя тогдашнего наполняло его радостью, как будто можно по прошествии лет так же чувствовать себя, как и раньше, – эти приятные впечатления от воспоминаний возвращали Андрея Степановича к его теперешнему ощущению себя, когда ты из прошлого выбираешь те воспоминания, которые раньше делали тебя таким уверенным и счастливым, и тогда Андрей Степанович подумал, что та реальность и есть истинная его суть, и он старался эти ощущения закрепить в сознании, чтобы избавиться от этого тревожного вопроса «И это все?», как колокол на башне, напоминающего, что все в мире имеет свое начало и конец. «Бом, бом», – повторял про себя Андрей Степанович, понимая эти повторяющиеся звуки как бесконечный бег времени, в котором тебе выпало родиться и жить. Он думал про «счастье» и ни на секунду сейчас не сомневался в том, что это свое счастье он сейчас осознает только как возможность дышать, двигаться, думать и переживать.

После всех этих простых мыслей ему стало вдруг хорошо, и он думал о Гале, о ее жизни, и предвкушал встречу с ней как радость окунуться в свое счастливое прошлое, которое он оставил, понимая, что не готов был тогда к серьезной реальной жизни вне дома, без мамы, где требовалось напряжение воли, требовалась работа, и он спрятался тогда от жизни в раковину своего домашнего очага, который мама умело

поддерживала для него всю жизнь.

И вот теперь он свободен, мамин очаг погас, а свой он еще не может по-настоящему разжечь, чтобы его душе было тепло и уютно, и он мучает себя вопросом «И это все?», чувствуя, что ответа на него нет, что надо жить просто и чувствовать свое предназначение как единственно тебе данное в собственность, что надо делать усилия, преодолевать лень, и тогда, возможно, счастье посетит тебя в твои годы, перешагнувшие за «Акме». Это Акме у каждого разное, и Андрей Степанович наивно себе сказал, что его Акме в прошлом, оно безвозвратно ушло, и сможет ли он его пережить еще, он не мог знать.

Этих «Акме» в жизни много, и всегда они разные, и всегда оно единственное, так кажется, что «Неужели это все?», и наступает день и час, когда ответ дает очередное «Акме», вдруг поднявшееся, кажется, ниоткуда и ушедшее в прошлое как фундамент, на котором потом жизнь строит свое здание. Эти «Акме» держат жизнь высоко и прочно.

Так думал Андрей Степанович, оказавшийся вдруг в странном неудобном положении раненного жизнью и ее возрождающего в себе. Так его жизни переплетались, соединяясь в одних точках и расходясь в других, и вот сейчас предстояла, возможно, встреча с прошлой жизнью, которую в се-

бе так любил Андрей Степанович в этот момент. Он ждал...

Глава 20

Май был теплый и солнечный. Нежная зелень деревьев и звонкие голоса птиц завораживали слух, раздражали зрение, когда Андрей Степанович подходил к окну. Все это неудержимое буйство природы еще больше напрягало его нервы, углубляя мрачное настроение последнего времени, когда все плохо внутри – так всякая внешняя радость действует на страдающую душу. Лиля видела это и не знала, что ей предпринять. Она чувствовала, как это странное настроение Андрея Степановича проникает в ее душу и с ней происходит что-то непонятное.

Лилечкины дела в бизнесе последнее время ухудшились – приходилось платить огромные налоги, которые раньше составляли часть прибыли. Именно поэтому они сейчас казались огромными, получалось, что отрывать деньги надо у сотрудников, и, как следствие, многие опытные работники уходили. Новички не всегда работали хорошо, и дела пошли на убыль. Лилечка это почувствовала, когда появились дополнительные траты на лечение. Она не скупилась и платила столько, сколько требовалось, и даже больше, тратя на ле-

чение Андрея большие деньги. Она залезла в долги, и то, что на предприятии из-за изменения внешней конъюнктуры приходилось терпеть убытки, ее очень тревожило. Конечно, она понимала, что даже если придется идти на сокращение производства и уменьшение прибыли, то, как следствие всех этих обстоятельств, все равно она не окажется банкротом.

У нее в штате был один сотрудник, который в последнее время активизировал свою деятельность, и она узнала от третьих лиц, что его другое предприятие по обороту капитала превосходило ее собственное. Она почувствовала опасность. «А что если Юрий Анатольевич (так звали этого сотрудника) освоился и вышел на свои старые связи? Тогда он может быть...» – она почувствовала, как сердце забилось быстрее, холодный пот покрыл ладони, и ее как током пронзила мысль о заговоре против нее.

Лиля не знала, что до истории с покушением на Андрея Степановича Сергей вернулся к своему привычному занятию быть посредником и работал на фирме у своего знакомого, у которой были договора с предприятием Лилечки. И вот однажды Сергей приехал по делам на старое место работы, откуда его уволила Лилечка, и встретил там своего бывшего сотрудника Юрия Анатольевича. Они долго проговорили в тот день, и Сергей узнал все про жизнь Лилечки. Ему стало

отвратительно на душе, когда он услышал, что она втюрилась в какого-то профессора и совсем не занимается делами.

Этот Юрий был третий калач. Он сразу сообразил, что Сергея можно использовать в его далеко идущих планах, о которых он вскользь ему намекнул. Он даже подсказал ему, что как-то Лилечка проговорилась, что хочет продать квартиру, и тогда в голове Сергея начал созревать план, который единственно в чем был ему понятен – надо отомстить Лилечке. Юрий в делах бизнеса был докой – он почувствовал, что этому Сергею что-то надо, и когда тот подвыпил, рассказал:

– Понимаешь! Твоя Лиля баба хорошая, но дура, она заходит раз в месяц и в бухгалтерию не заглядывает. Была аудиторская, и обнаружили всю левую... Ты понимаешь. Ну в общем, я подумал – не буду на нее пахать. У меня свое дело, деньги есть... – тут он задумался, не лишнее ли говорит. Сергей тем временем прикидывал, что ему делать. В этот момент вся злость сконцентрировалась вокруг одной мысли – отомстить. Дальше разговор был намеками, и Сергей понял, что этому Юрию мешает Лилечка...

– Ты бы видел этого профессора. Худой, интеллигент... – и на языке пьяного прозвучала вся ненависть к интеллигентам, этим профессорам, которые еще «наших баб уводят».

Расстались за полночь, и Сергей поехал к Ире, которая его принимала в любом виде. А на следующий день произошло то, что известно... Как это случилось, Сергей толком не помнил, только у Иры он еще добавил, и потом уже вообще не соображал ничего...

Сейчас в камере с ним сидел мужчина лет сорока и рассказал про свое:

– Зарезал жену по пьяни, и вот мотать теперь бог знает сколько. Житуха не сахар на нарах, а все накормят. Мыкался на свободе от бутылки до бутылки, а она еще задумала хахалю завести, ну вот я ее и прикончил. Не помню, правда, бухой был...

Сергей слушал его, а сам думал о своем: «Зря, наверно, этого профессора прикончил». В первые дни он не знал, что «профессор» выживет, и уже махнул рукой на себя. «Пропал, пропал...» – думал он...

Глава 21

Жизни всех людей проходят одновременно – наш мысленный взор не может их все объять, от этого жизнь вооб-

ще очень запутанная, и никто не может сразу видеть ее во всех проявлениях, и каждый замыкается мысленным взором на что-то конкретное, отсекая все лишнее, мешающее сосредоточиться на чем-то, и чаще всего каждый замыкается на каком-то отрезке жизни на свои проблемы, выбирая самую важную. Так и Лилечка для себя понимала, что надвигается мрачная полоса, но это лежало глубоко и нельзя было об этом знать что-то.

Здоровье Андрея Степановича шло на поправку. Он каждый день совершал с Лилечкой прогулки. Один он опасался появляться на улице, а с Лилечкой он чувствовал себя защищенным, как с мамой. Как будто в его жизни все повторялось.

Встреча с Галей откладывалась под разными предлогами, да и сам Андрей Степанович как будто об этом забыл, а Лилечка не напоминала. Время шло, и Андрей Степанович вообще не вспоминал о том, что хотел увидеться с этой Галиной Сергеевной. И вот однажды раздался звонок. Лилечка взяла трубку и услышала взволнованный голос Галины Сергеевны:

– Извините за беспокойство, но следствие идет к концу и моему Сергею грозит срок. Я бы хотела увидеться с Андреем

Степановичем. Чтобы он как-то вошел в его положение... – Лилечка молча слушала.

– Я передам вашу просьбу, – и она повесила трубку. «Этого еще не хватало, чтобы Андрей хлопотал об этом мерзавце. Разве не достаточно того, что он следователя попросил, чтобы ему смягчили наказание», – подумала Лилечка, и опять странная мысль, а почему какая-то Галина считает, что надо «входить в его положение»...

– Что там, Лиля? – услышала она спокойный голос Андрея Степановича.

– Ничего серьезного, – ответила Лилечка, в который раз мучаясь ревностью и ложью. Она ревновала непроизвольно, подсознательно чувствуя, что тут не все так просто.

Сомнения нас покидают и не тормозят жизнь, которая плавно продолжает свой бег в неизвестность, но это естественный ход ее, и мы ему подчиняемся, и не раздумывая идем навстречу будущему, в котором мы себя видим другими, и кажется, что все еще возможно, не исправить, а сделать лучше. В такие мгновения прошлое осознается как свершившееся единственно возможным способом, но однажды наступает минута, когда, оглядываясь на прошлое, обнаружи-

ваешь в своей душе бесконечный источник возможностей прожить свою жизнь в соответствии со своими мыслями, и предчувствуешь перемены, и именно тогда всякие сомнения устраниются. Такое случилось с Андреем Степановичем.

– Лиля! Я не буду встречаться с этой женщиной. Давай забудем эту историю. Я знаю, что это произойдет не сразу, но мы не должны свою жизнь тратить на преодоление каких-то непонятных эмоций, – он замолчал, чувствуя, что еще очень далеко до того момента, когда все, о чем он говорит так уверенно, осуществится. – Давай постараемся это сделать... – он замолчал.

Как только эти слова дошли до сознания Лилечки, как будто что-то рухнуло, лопнуло, что тормозило ее жизнь в последнее время. Она почувствовала такой прилив сил, что стала дышать глубже, как будто ощущая вкус воздуха, который, казалось ей, обжигал ноздри непонятно откуда взявшейся свежестью. Она почувствовала себя счастливой и свободной от бремени вдруг свалившегося с ее плеч, она начала жить заново, и от глубины чувства она как будто на какое-то мгновение потеряла дар речи и молчала.

То же самое испытывал Андрей Степанович, понимая, что страх перед своим прошлым, страх делать выбор, принимать решение куда-то ушел, и он смотрел в никуда, испы-

тывая чувство путешественника, отдыхающего после долгой дороги. Долгую дорогу проходила его мысль, напрягая силы души, которая по-прежнему не могла оценить прошлое, которое беспокоило Андрея Степановича нелепостью его поведения тогда, невозможностью решить сейчас для себя трудную задачу отношения к нему, к прошлому, от которого он сейчас прятался, испытывая чувства неопределенные, но которые не давали ему никогда покоя, напоминая о себе, и всегда что-то больно кололо его сердце, когда он вспоминал свою романтическую любовь, которая так его обманула тогда, что он долго не мог себе сказать тех единственно подходящих для этой ситуации слов, что он тогда ее обманул САМ своей нерешительностью и страхом перед мамой, любовь к которой всегда была высшим мерилom его отношений с людьми.

И только теперь многое объяснило ситуацию далекого прошлого, вдруг так о себе напомнившего этой историей с Сергеем. Андрей Степанович не находил в душе никаких чувств к этому человеку, человеку родному, но чужому, и долго чувство неопределенности своего отношения к этой ситуации не давало ему спокойно жить в последнее время. И вот теперь он испытывал чувства человека, освободившегося от тяжелой ноши, мешавшей ему жить дальше, не испытывая угрызений совести.

Когда он себе сказал, что он не хочет в этой истории копаться, когда он как будто окончательно отказывался от мысли принять участие в судьбе этого человека, который и по его, Андрея Степановича, вине жил в условиях, не способствующих развитию его лучших сторон, – ведь Андрей Степанович думал, что если бы этот Сергей воспитывался в других обстоятельствах, такого бы с ним не случилось, на этом заблуждении Андрея Степановича и прорастал его стыд и страх перед случившимся, которые как бы напоминали ему о его причастности к произошедшему. А это было далеко от той правды, которая скрыта в жизни, в ее поворотах, и наши объяснения и переживания связаны не с жизнью и ее законами, а с нашими собственными представлениями о ней, которые очень далеки от той правды, которая скрыта глубоко, и есть она или нет ее?

Так всполохами мысль Андрея Степановича скользила по поверхности событий прошлого, загоняя его собственное представление о ней в угол, и тогда ему становилось плохо, и он мучался, не зная, как ему освободиться от этих угрызений совести, а на самом деле, если бы он себе сказал, что все это страдание, только следствие его фантастических представлений о жизни и о людях, ее творящих, он бы, наверное, избежал этих мучительных для него мгновений, но нашей внутренней жизнью управляет память, и она безжалостна и необъективна, запоминая то, что, казалось бы, можно и за-

быть, и в этом запутанном клубке сознания, памяти, нервов живет душа, на долю которой выпадают эти испытания, которые время бессильно корректировать, и только однажды усилие воли, или силы души, вдруг освобождает нас от переживаний, и мы продолжаем свой путь, делая те же самые ошибки, избежать которых невозможно из-за нашей зависимости от нас самих, таких, какими нас создал Творец.

Глава 22

Два человека старались найти выход из этой своей зависимости от обстоятельств, однажды сложившихся в определенную, неудобную для них ситуацию.

Андрей Степанович впал в странное состояние оцепенения – так силы души перестраивались, не зная, какую комбинацию им удастся образовать. Страдания, казалось, на время оставили Андрея Степановича, и он чувствовал, как хоровод людей, самых разных, замелькал перед его глазами, картины детства возникали перед ним и сладкая волна пробегала по нервам, когда он вспомнил маму и свои с ней прогулки, и слезы навертывались на глаза, и он погружается в сон.

И видится ему огромное озеро, по краям высокие горы. Он садится в лодку и загребает воду веслами, лодка не двигается с места, он делает усилия, но ничего не получается. Он видит другой берег озера, и какие-то люди машут ему руками – там рядом стоят Сергей и мама, но они как будто не знают друг друга. Неподалеку стоит Галя, Андрей Степанович чувствует за нее страх перед мамой. Неожиданно в лодке вместе с ним оказывается Лилечка. Она садится рядом, и они вместе налегают на весла – лодка медленно начинает двигаться. Люди на том берегу машут им руками, но кто это, Андрей Степанович не видит. Лодка медленно плывет вдоль берега, и неожиданно Петя с Галей оказываются на другом берегу, и они машут руками, но это прощание, и лодка медленно плывет по поверхности воды, и неопределенное чувство тревоги заставляет Андрея Степановича проснуться.

Он сидит в кресле. Лилечки нет в комнате, и Андрей Степанович чувствует себя счастливым. Он встает и идет к Лилечке.

– Я только что видел странный сон, и я его помню. Мы с тобой плывем в одной лодке, и поверхность воды такая гладкая, как стекло... – он останавливается, и Лилечка говорит:

– Знаешь, я не хочу больше с прошлым встречаться. Давай

уедем куда-нибудь, где мы не будем знать никого и где нас никто не будет знать... – она замолчала.

– Это правильно. Пора нам с тобой освоить наше новое жилище. Думаю, что там все в порядке...

Тут он остановился, понимая, что вот так все бросить вдруг и уехать он не может – лекции, его работа, – и тогда он добавил:

– Давай в отпуск туда съездим, осмотримся, а там будет видно. – На этом разговоре все и остановилось.

Однажды, когда Галя в очередной раз сделала попытку обратиться к Андрею Степановичу, Лилечка очень строго ответила:

– Вы извините, но Андрей Степанович просил передать, что он с вами встретиться не может. Извините. Прощайте. – Она повесила трубку и долго еще не могла успокоиться – так ей трудно было произнести эти жестокие слова.

Когда Андрей Степанович вернулся домой, Лиля сразу ему сообщила о звонке Гали.

– Ну, и что ты ответила? – спросил он строго, отвернувшись, как будто что-то ища на письменном столе. Лилечка почувствовала, что ей страшно сказать правду. Она набрала в легкие воздуха и, запинаясь, ответила:

– Я сначала не знала, ты понимаешь, это не просто, мне так было непонятно, что я должна сказать... – она замолчала, она не могла точно повторить те слова. Ее смелость куда-то пропадала, когда Андрей Степанович спокойно к ней обращался. Ей казалось, что он может быть недоволен.

– Ты сказала, что я не могу...

Лилечка его перебила:

– Да, да, я ей сказала, что ты не можешь с ней встретиться...

– Ну, вот и хорошо, что все так уладилось.

Не знал Андрей Степанович, как Галя после этого ответа Лилечки пришла к себе и долго плакала, не понимая почему, как ей было больно и обидно от того, что в ее жизни дальше пустота. А на что она рассчитывала? Ей хотелось, чтобы ее кто-нибудь пожалел – и вот так рушилась ее надежда на со-

чувствие прошлого, которое к ней повернулось своей жестокой стороной, не желая и не имея возможности исправлять ее теперешнюю жизнь.

Так между собой разбираются прошлое и настоящее, и редко когда прошлое может изменить что-то в жизни – от этого постоянный бег в будущее в надежде на перемены. А ничего не происходит в раз и навсегда сложившейся жизни. Эта жизнь кажется очень устойчивой, но это такая же иллюзия, как и то, что вдруг может что-то измениться. Все это только впечатление и ощущение.

Андрей Степанович в очередной раз спрятался от реальной жизни в свою собственную, им созданную и его устраивающую. Он учился эгоистически защищаться от возможных вторжений, и все, что не вписывалось в определенные правила, его замкнутая и черствая натура старалась отметить как ненужное.

Его можно было назвать расчетливым, но он себя таким не чувствовал. Он себя считал даже очень эмоциональным, – ему так казалось. И только переживания последнего времени немного поколебали его устойчивую эгоистическую систему жизни, но вовремя срабатывал механизм защиты и закрывал все щели, сквозь которые могли проглядывать ростки чело-

вечности, и они засыхали на корню, не оставляя после себя ничего, кроме стыда за свою распущенность. Это слово очень любил Андрей Степанович, и им он называл всякое проявление эмоций.

Лилечка интуитивно догадывалась обо всем этом, но ей не хватало изощренности и тонкости ума, чтобы понять всю сложность натуры Андрея Степановича. А Андрей Степанович именно это непонимание ценил, нисколько не огорчаясь и не тяготясь им. Ему не нужно было выворачиваться наизнанку, чтобы о себе рассказать, – ему хорошо жилось в своей раковине, из которой он иногда с интересом выглядывал в мир и опять прятался, находя в своей собственной душе бесконечный источник мыслей и впечатлений. Ему не нужно было каждый день видеть новых людей, они и так в его воображении жили, и этого ему хватало – ведь он давно для себя понял ту простую истину, что в жизни все одинаково и только свое собственное передвижение в пространстве дает иллюзию разнообразия. На этом отрезке его жизни он исповедовал такую философию, и иногда что-то немного корректировал, всегда оставаясь верным своим принципам человека эгоистического и замкнутого.

Так незаметно пришла весна, врываясь в затененную бархатными темно-зелеными портьерами комнату, в которой лучи солнца блестели на вымытых до блеска стеклах.

То, что за порядком следила Олимпиада Ивановна, Лилечку немного обижало. Она не знала, что его представление о его женщине не было связано с кухней, с бытом. Женщина-муза, духовная спутница – вот был настоящий идеал Андрея Степановича, и Лилечку он в своей душе пытался приблизить к нему. Лилечка это чувствовала, но ей хотелось быть просто хозяйкой.

Конечно, Андрей Степанович это понимал, но не хотел менять свои принципы и действовал так, как у него получалось. Быт – это одно, а Лилечка – это другое. Со стороны это выглядело немного странно – когда к ним приходили друзья и Лилечка не подавала к столу. Гостей обслуживала Олимпиада, а Лилия Яковлевна должна была развлекать гостей умными разговорами.

Во избежание неудобных для себя ситуаций Лилия Яковлевна при гостях больше молчала, старалась запоминать. Она не была светской львицей, она была для этого слишком естественной, но постепенно, раз или два она скопировала одну знакомую, и, наконец, вполне овладела искусством изоб-

ражать из себя кого-то, а потом ей это даже понравилось. То, что это у нее хорошо получалось, она замечала по Андрею Степановичу, который не раз ее хвалил за вовремя сказанное слово или реплику. Это окрыляло Лилечку, и она теперь не боялась гостей, как раньше, когда вся напряженная сидела за столом, вспоминая, что она слышала где-то, и никак не могла вовремя вставить то, что вспоминала, потому что, пока она собиралась это сделать, разговор уходил в сторону, и случалось, что она попадала в неудобную ситуацию, теряя нить разговора.

«Светский разговор – это искусство нехитрое, но ему можно научиться, если с детства не слышал вокруг себя этот полусмех, полушепот, намеки и недомолвки, каламбуры и шутки. Чем раньше начнешь обучаться – тем успешнее будет твоя роль в обществе и тем быстрее будешь получать удовольствие от беседы. Хохот при светской беседе – это искусство. Лучше всего для начала научиться хохотать просто так, и тогда есть шанс, что со временем научишься хохотать естественно. При светской беседе допускается хохот по любому поводу, а лучше всего настроиться на хохот с самого начала, и тогда уж точно сойдешь за светского», – такие нехитрые правила Лилечка для себя формулировала и даже завела тетрадку, куда записывала свои наблюдения. Эта тетрадка была у нее всегда под рукой. Так образовался дневник, не дневник, а что-то вроде. Иногда после очередного вечера

Лилечка сразу записывала то, что ей запоминалось. Получалось следующее:

«Вчера к нам приходили Никитины – отец и сын. Говорили о театре. Интересная мысль: в театр ходят, чтобы обучаться жизни, и другая – в театр ходят от недостатка впечатлений в жизни, для заполнения жизни, как книгой».

Потом Лилечка перечитывала записи и научилась вставлять фразы, ссылаясь на кого-то. «Главное качество светского человека, – так решила Лилечка, – уверенность. Можно говорить глупости, но надо быть уверенным в том, что это не глупость. В первый момент не смогут оценить твою речь, так что надо говорить, что приходит на ум, но уверенно».

Через некоторое время Лилечку вполне можно было назвать светской львицей, и эта роль подходила ей. Оказалось, что это ей очень нравилось, и именно Андрей Степанович открыл в ней этот талант. Теперь он гордился своей Лилечкой и даже любовался ею со стороны – спрятанное тщеславие в нем пробудилось, подняло высоко голову, и Лилечка помогала ему в этом. Так постепенно из скромного интеллигента Андрей Степанович превращался в любителя застольных бесед, у которого есть умная и приятная спутница.

Конечно, наука была его основным занятием, но теперь он

любил в кругу друзей поболтать, поспорить, и так он поменял костюм «научного схимника» на костюм «светского человека и приятного собеседника». Он теперь не закрывался в кабинете, а с удовольствием в этом самом кабинете беседовал, приглашал учеников, и у него образовался постепенно свой кружок единомышленников. Так складывалась его школа. Светская жизнь никак этому не мешала, а наоборот, как бы расслабляла людей и делала дом Андрея Степановича открытым для разных людей, куда им было приятно прийти. Лилия Яковлевна была хозяйкой этого полусветского, полуполучившего научного салона.

Так получилось, что когда Андрей Степанович предложил уехать куда-нибудь, они никуда не уехали, а просто изменили свою жизнь и вследствие этого почувствовали себя по-другому.

Глава 24

Сергея осудили, и он оказался второй раз за решеткой, что очень облегчило жизнь Гали, которая, оставшись одна, без сына, с некоторым смущением обнаружила, что ей стало легче жить. Она почувствовала себя свободной. Оказалось, что возвращение сына из первого заключения было самым

тяжелым и беспросветным временем ее жизни. И теперь часто, возвращаясь в свою пустую квартиру, она обнаруживала, что рада тому, что никого нет, что Сергей не позвонит и не придет выпрашивать деньги.

Первое время она была счастлива, как человек, после длительного и изнурительного путешествия в суровых условиях вдруг обнаруживший, что есть постель, чистое белье и можно выспаться. Это настроение длилось до тех пор, пока она не получила письмо от сына, где он просил ее в очередной раз привезти ему денег, сигарет и белье, и тут Галя поняла, что она не хочет вообще его навещать, и ей не было стыдно этого своего чувства, своей черствости. Она просто устала за последнее время от постоянно висящей над ней угрозы, что вот опять Сергей появится... Так нет. Он появился опять.

Она отложила письмо и не знала, что ей делать. Глубоко, на самом дне ее уставшей души, шевельнулось что-то, и угрызения совести набросились на нее и стали терзать. Галя, не зная, что ей делать, пошла на кухню и налила себе рюмку. Выпила. Стало легче. Она села на диван, и вдруг, как облако на небе, перед ее глазами появилось лицо Андрея, молодого, красивого, прежнего. Она протянула руку и набрала номер его телефона. Трубку взяли после третьего звонка, и она услышала не изменившийся голос Андрея, тот, прежний, и

с откуда-то появившейся смелостью сказала:

– Андрей. Это я. – Сердце ее забилось быстрее – она задышала глубже, чтобы скрыть волнение.

– Это кто? – ответил Андрей, который вдруг почувствовал такую неловкость, но не знал, что сказать, и вдруг как будто не он произнес:

– Вы ошиблись номером, – и повесил трубку. Лилечки не было дома.

«Что я сделал» – сказал он себе. И тогда он приподнял подсвечник и вытащил из-под него записку, где был записан телефон Гали. Он долго всматривался в цифры. Они расплывались у него перед глазами. Он не хотел и всматривался в этот отблеск прошлого. Он ничего не видел за этими линиями, как будто память его пропала. Он пытался вспомнить что-то и не мог. Он подошел к дивану и лег. В ушах у него звенело. Ему стало плохо. Он взял таблетку, положил под язык и лежа смотрел на потолок, не думая ни о чем.

«Неужели опять?» Что он хотел сказать этим? Ведь он, кажется, все решил для себя, и вдруг этот голос из прошлого. Чей это был голос? Кто ему звонил? Он закрыл глаза, чувствуя, что успокаивается, и заснул. Он проспал два часа,

и когда проснулся, чувство, что случилось что-то, заставило его вспомнить, что ему звонили, и прежнее его настроение неуверенности нахлынуло, и он вышел на кухню, где Лилечка сидела за столом со странным выражением лица и ждала.

– Андрюша! Что случилось?

– Так. Ничего. Голова что-то болит.

Он не мог произнести вслух то, о чем думал. Лилечка поняла, что случилось что-то. Андрей Степанович вышел. Он чувствовал, что надо что-то сделать, и когда он вошел в кабинет, он понял, что. Он взял листок с телефоном Гали и пошел на кухню.

– Я прошу тебя позвонить по этому телефону и сказать, чтобы меня не беспокоили... – он замолчал, понимая все значение сказанных слов. Он в очередной раз отказывался от прошлого, которое реальным звонком напомнило о себе. Он не хотел в него возвращаться, он его вычеркнул из своей жизни и не хотел с ним встречаться снова.

Лилечка посмотрела на Андрея Степановича – она видела на его лице страдание, за мгновение оно так изменилось, что выступили все морщины, обозначая своими линиями его глубинные переживания. Лилечка набрала номер телефона.

Никто не брал трубку. Она ждала минуту, две. Потом положила ее.

– Никто не отвечает.

Она понимала, что это молчание телефона превращает их жизнь, такую другую, как им казалось, в прежнюю, полную неопределенности и забытую ими.

Ни Андрей Степанович, ни Лилечка не могли понять одну простую и сложную вещь: что-то в их собственной жизни вдвоем не так, поэтому и внешние вторжения беспокоят и тревожат; и если они это и чувствовали, то вслух произнести означало бы, что нужно что-то менять, но каждый из них в отдельности не знал, что нужно для их спокойствия, а если и догадывался, то признаться себе в этом не мог.

Оба молча сидели. Каждый думал о своем. Лиля вспоминала Сергея, когда они жили вместе. Андрей Степанович вспоминал Галю, там, в экспедиции. Внутренняя жизнь каждого жила отдельно, каждый думал о своем, понимая, как трудно разорвать прошлые связи. Вот так они врываются, напоминают о тех горестях, которые не хочется вспоминать, но это случается произвольно, и сколько продлится это ис-

пытание прошлым, неизвестно – оно оживает по любому ничтожному поводу. И тогда Андрей Степанович и Лилечка поняли, что им не избежать его вторжений, и тогда каждый подумал об одном: «Надо уезжать».

– Знаешь, Лиля, я не хочу больше тебя и себя подвергать этим испытаниям. Давай подумаем, как решить эту ситуацию.

– Ты хочешь сказать, что надо уезжать? – Лиля смотрела на Андрея Степановича и ждала.

– Как видно, здесь у нас с тобой не получается жить так, как хотелось бы. Я не думал, что один звонок может так меня вывести из колеи.

– Она звонила?

– Да. И я сказал, что она ошиблась номером.

– А что ты еще мог ответить?

– Не знаю...

ЧАСТЬ 3

Глава 1

Андрей Степанович при этих воспоминаниях встал, походил по комнате. Угли догорали, и он положил в камин пару поленьев – они сразу вспыхнули, и он засмотрелся на огонь. В этот момент он не думал ни о чем. Огонь его гипнотизировал, когда от середины поленицы медленно движется свет, оттеняя структуру дерева, и оно распадается на квадраты, ровно приклеенные друг к другу. Андрей Степанович постукал по дровам, и искры разлетелись в разные стороны, и он вспоминал дальше.

После встречи с Галей на него нашло странное и непонятное настроение, которое открывало новую полосу его жизни, о чем он сам еще не мог, как и любой другой человек, знать о своей жизни, что это будет и как потом отзовется то, что происходит. Сейчас – оно обманчиво и неуловимо. Жизнь течет независимо – мы только потом свои настроения и ощущения фиксируем как нечто реальное и именно их называем своей жизнью, о которой ничего не можем знать в данный момент.

Так Андрей Степанович не думал. Он всякую минуту не мог задумываться над тем, что происходит, – он жил, не понимая глубинного смысла того, что с ним случается в каждое мгновение, и только иногда он вдруг задумывался и тогда начинал по-другому и совершенно неожиданно для себя самого оценивать происходящее.

Его жизнь с Лилечкой после ухода мамы ему казалась фантастической. Он вспоминал себя до встречи с ней, и ему казалось, что это был не он, а другой человек. Он старался вспомнить тот момент, когда же с ним случилось то, за что ему сейчас приходится расплачиваться своим спокойствием, – его нарушает другая женщина, о которой он, казалось, забыл, и это было в другой его жизни, и благодаря случаю та его прошлая жизнь заявляет на него права удивительно дерзким образом. На мгновение ему показалось, что он нашел причину его теперешнего положения человека, который сделал выбор в пользу настоящего, но он никак не мог для себя связывать прошлое, голосом Гали заявлявшее о себе, с тем, что они с Лилечкой создали как единственно его устраивающее, и что он не хочет больше видеть тень прошлого, связанного с Галей, – все это вместе не давало ему возможности существовать спокойно и уверенно.

Он, однажды освободившийся от страхов, его тормозив-

ших, вдруг опять впал в состояние неуверенности, причиной которой был именно страх перед прошлым, напоминающем о себе всякое мгновение неопределенностью и ожиданием чего-то нехорошего. Он не мог себе сказать, что если бы на месте Лилечки была другая женщина, все было бы по-другому, – тогда нужно было бы с ней расстаться, что было сейчас невозможно, и поэтому эти объяснения не появлялись в его голове из-за невозможности управлять жизнью по своему усмотрению, и он подчинялся сложившимся обстоятельствам, понимая свою полную незащищенность перед ними, осознавая все случившееся как рок, который его преследовал по непонятным для него причинам, пружины которых невозможно обнаружить, пока не случится что-то, что приоткроет завесу над тайным смыслом твоей собственной жизни.

А реальная жизнь проходила за бархатными портьерами, приглушающими солнечный свет, находиться на котором постоянно было бы утомительно и невозможно, и Андрей Степанович относил себя к людям тени, полутонов, дождя, полумрака, – тогда в его душе рождались гениальные идеи, которые он воплощал в своих научных поисках. Он не однажды ловил себя на мысли, что солнце его раздражает, и тогда он уходил к себе в кабинет, где полумрак принимал его уставший мозг, и тогда начиналась для Андрея Степановича его особенная жизнь, жизнь отшельника, схимника, – тогда

буквы складывались в новые мысли, которые он записывал на белые листки, – стопкой исписанные сверху донизу, они складывались слева от него, и потом он им придавал подобие порядка.

Временами он ложился на кожаный диван, клал руки под голову и смотрел в щель, которую образовывали темно-зеленые портьеры, и видел кусок голубого неба в солнечный день, и темное звездное небо ночью – он чувствовал себя частицей этого огромного мира за окном кабинета, а он один на свете, и тоска одиночества наполняла его душу холодом, и ему становилось страшно, чего-то ему непонятного. Это случалось так же редко, как иногда ему становилось радостно от ощущения своей свободы в огромном мире, его собственном, им созданном, и он радовался тому чувству, которое возникало в его душе, чувству своей слиянности со всем его окружающим. Эта особенная жизнь Андрея Степановича приносила ему удовлетворение от его собственного существования. Все другие жизни в этот момент отступали и не подавали никаких признаков, и это получалось очень естественно.

Когда Андрей Степанович вошел к себе в кабинет после разговора с Лилечкой о невозможности дальше жить в этом кошмаре своей зависимости от прошлого, он лег на диван и долго лежал, размышляя о событиях последнего времени.

Вот Лилечка, вот переезд (он и сейчас не мог без какого-то недовольствия это вспоминать), вот больница, вот Галя и открывшееся для него знание того, что его сын Сергей, которого он не знал, ударом ножа в спину настигает его в самый — самый несчастливый момент его жизни, когда он впервые живет вместе с реальной женщиной, к которой у него возникает нежное чувство, и оказывается, что эта реальная женщина была женой этого Сергея в прошлом, — он думал обо всем этом и понимал, что судьба послала ему испытание, от которого он сейчас страдает самым жестоким образом, когда его разум не в силах вмешаться в ситуацию, и это его угнетает, и он видит один-единственный выход — все разом изменить. Но как?

Вот он отказывается общаться с Галей из нежелания ворошить прошлое, вот он сообщает об этом Лилечке, а дальше что? Мысль его мечется, не видя выхода из этой ситуации. Он пытается размышлять, но мысль уходит в сторону и странным образом приводит его к детству, когда он один, мама рядом, и дом их, его жизнь в то далекое время представляется ему чем-то сказочно счастливым, и он вспоминает слова мамы о женщинах, всегда его охранявших, и неожиданно кто-то говорит ему словами мамы из юности: «Это не та женщина, которая тебе нужна». Пот выступает у него на лбу, он не слышит имени женщины, пытается вслушаться и просыпается...

«Не та женщина...» – он повторяет про себя начало фразы, и в этот момент ему стало казаться, что его теперешняя жизнь не та, но какая не та, а где та его жизнь? Он повторял про себя «Где?» Он не хочет выходить из своего кабинета, и чувствует, что не может сейчас никого видеть, и это ему кажется странным... «А Лиля? Она при чем тут?» – он не продолжает свою мысль, он слышит звонок телефона, встает, выходит в коридор, берет трубку, понимая, что не должен этого делать, он себя преодолевает, и когда спрашивает:

– Але? – слышит в ответ:

– Андрей. Это ты? – голос Гали дрожит, это волнение передается ему, и он отвечает:

– Да, – не зная, что говорить дальше. В этот момент он слышит шаги Лилечки и весь напрягается, и, не зная, что делать, совершенно неожиданно говорит:

– Я узнал вас. Что вы хотели? – он слышит, как на другом конце провода всхлипывания заглушают слова, но он смог расслышать:

– Я не знаю, что делать. Мне очень плохо... – всхлипывания перешли в рыдания.

– Где вы находитесь? – неожиданно говорит Андрей Степанович.

– Дома.

– Ваш адрес, – Андрей Степанович делает знак Лилечке дать карандаш и записывает что-то.

– Я приеду.

Он вешает трубку и, не глядя на Лилю, идет в кабинет, садится за письменный стол и что-то записывает, потом встает и направляется к шкафу. Через полчаса он вызывает такси и едет по адресу, который записан, – сам себе ничего не объясняя, не говоря ни слова Лилечке, выходит из квартиры.

Глава 2

Он на улице, и через двадцать минут стоит перед обшарпанной деревянной дверью. На табличке несколько фамилий. Он звонит – на пороге Галя. Он входит, как будто не видя ее. Идет молча за ней, и вот он сидит перед круглым

столом, покрытым клеенкой. Вся обстановка комнаты говорит об ужасающей бедности. Мебель белого цвета, пятидесятых годов, сервант с закругленными краями. За стеклами простые чашки и стопки стоят в беспорядке. Андрей Степанович смотрит на окно – на провисающей веревочке висит белая занавеска. Он не знает, что делать. Галя, в халате из светлой фланели выглядит пациенткой больницы, на голове волосы в беспорядке торчат в разные стороны.

На этом фоне Андрей Степанович в бархатном костюме, с седой шевелюрой, выглядит принцем из сказки, случайно оказавшимся в непонятных декорациях. Галя смущенно смотрит на этого, непонятного ей теперь человека, ей стыдно, и она не знает, с чего начать.

– Вы извините. Я вас побеспокоила. Я не знала... – она замолкает, не понимая что говорить дальше. Молчание затягивается. Андрей Степанович не понимает, что он делает в этой комнате, он не верит своим глазам, когда смотрит на женщину, сидящую напротив него, что это Галя. Ничто в этой женщине не напоминает ту Галю, которую сохранила его память, молодую, стройную. Ничего в душе Андрея Степановича не возникает, кроме неловкости в этой непонятной ситуации. Что он здесь делает? Он напрягает память, пытается вспомнить прошлую жизнь, и чем больше он хочет это

сделать, тем больше убеждается в невозможности этого.

Для него это пребывание в странной, непонятной обстановке было тягостно, он как будто стыдился своей приличной внешности – до такой степени женщина, сидевшая напротив, не соответствовала его представлениям о его прошлой жизни. Прошлая жизнь в Гале не читалась – эти сморщенные щеки, эти потухшие глаза, которые даже не оживились при встрече с ним, когда-то любимым человеком. Вся обстановка еще больше углубляла настроение подавленности, в которое Андрей Степанович впал несколько дней назад.

– Ну, как ты? Расскажи о себе, – он смотрел на Галю.

– Да что говорить. Понимаете, я сама не рада, что вас беспокоила. Сергей в тюрьме, и я не хочу к нему ездить. Он мне стал безразличен, сама не знаю, как это случилось. Я устала жить.

Она замолчала, вынимая из кармана фланелевого халата носовой платок, чтобы вытереть слезы, навернувшиеся ей на глаза.

– Последнее время я совсем потерялась, после всей этой истории. Когда я узнала, что он вас ранил, со мной как будто

что-то стало. Как будто я – не я, а другая. Совсем другая. А когда я подумаю, что он ваш сын... – она остановилась. – Нет, не могу с этим жить. – Она задергала плечами и отвернулась.

Андрей Степанович смотрел в пол, он не мог спокойно смотреть на то, что было пред ним, и ужасная мысль вдруг пришла ему в голову: «Было бы лучше, если бы ее не было». Он не понимал, о чем он, но чувствовал какое-то отвращение ко всему, что было сейчас вокруг. Его брезгливость нашла себе достойное применение, переходя глазами этого благородного человека с предмета на предмет, скользя по косякам искривившихся рам, смотря на пятна на клеенке. Он был оскорблен чем-то, и одновременно то, что он был ко всему этому ужасу причастен, выворачивало его душу наизнанку. И вдруг что-то в нем заговорило не его языком.

– Знаешь, ты меня прости за все. Что я могу сделать для тебя? – когда он произнес эти слова, комок подступил к горлу.

– Что вы. Что вы. Я только хотела... – тут Галя остановилась, понимая, что окончательно запуталась в своих чувствах, и, не в силах продолжать, замолчала и застыла в странной позе вполоборота к Андрею Степановичу, с опущенными руками, не смея сдвинуться с места – ее как будто пара-

лизовало.

Андрей Степанович понял, что она стесняется того положения, в котором ее увидел он, отец Сергея, и этот стыд означал только то, что между ними бездна, которую ничто не может уничтожить. Стыдно за себя перед другими – что бывает хуже? – и в этом состоянии Галя не могла ни вымолвить слово, ни изменить позу, и руки, опустившиеся, как плети, вдоль тела, говорили об одном – «это все, что я могу вам показать».

Ужас и стыд за все случившееся, за те страшные мысли, которые крутились в голове Андрея Степановича, заставили его произнести странные слова:

– Я виноват во всем, и я правильно был наказан. Лучше бы мне тогда умереть, – он замолчал, не понимая, что говорить дальше, но эти слова жили в нем так глубоко, что он не знал об их существовании и очень удивился, что он их произносит.

– Что ты говоришь? Извините, вы говорите, – поправилась Галя. Сердце Андрея Степановича забилось быстрее, когда он услышал это «ты». В нем было все – любовь, надежда, вопрос, ответ, в нем было прошлое, вдруг интонацией ворвавшееся в эту убогую обстановку, и Андрей Степанович, как

загипнотизированный, сидел и не мог сдвинуться с места. Он не чувствовал ничего, кроме усталости, как после тяжелой работы, а она все это время проходила в нем. Так теперешнее положение человека солидного отступало перед тенью прошлого, которое одной интонацией Галя смогла ему напомнить. И он вернулся как будто на тридцать лет назад, но это было одно мгновение, а жизнь реальная требовала усилий воли, чтобы сложившуюся ситуацию разрешить каким-то способом.

Андрей Степанович достал бумажник и вынул деньги. Это были большие деньги. Он их оставил на столе и встал.

– Теперь я буду тебе помогать. Я понял, что ты осталась совсем одна и без поддержки, – и он посмотрел на Гаю. Она не изменила положения, и только страдание исказило еще больше ее лицо. Она опустила голову.

– Спасибо, – она больше ничего не могла придумать.

Глава 3

Когда Андрей Степанович вернулся домой, ему показа-

лось, что он возвратился из долгого путешествия. Лилечка стояла на пороге и вопросительно на него смотрела.

– Ну что? – спросила она. – Как она?

– Ты правильно спросила, – ответил Андрей Степанович. – Плохо. И мы должны ей помочь. Она совсем одна. – Он замолчал, переживая увиденное.

Вернувшись домой, он почувствовал облегчение от исполненного долга. Именно «долг», иначе он не мог назвать то, что произошло. И то, что его мучило последнее время, и тот страх куда-то ушли, и он спокойно прошел к себе в кабинет, переоделся, и весь вечер они с Лилечкой обсуждали случившееся событие, как их общее. Он рассказал Лилечке, что учился с этой Галей, что она в ужасно тяжелом положении, и он решил, что должен ей помочь. Он ни словом не упомянул о Сергее. Лилечка безоговорочно согласилась с его решением, что его очень обрадовало. Он не мог бы с этим справиться один. Лилечка приняла все, что ей рассказал Андрей Степанович, как возможность помочь близкому человеку в его серьезных делах, и за это Андрей Степанович был ей благодарен, за ее естественное желание разделить с ним его сложности.

Первый порыв не всегда бывает отражением того настоя-

щего чувства, которое его провоцирует. Это бывает, и очень часто, совершенно противоположной реакцией на то, скрытое, глубоко лежащее на дне души чувство, и только по прошествии времени можно говорить об истинном отношении к свершившемуся событию.

Так случилось и с Лилечкой. Ее первый порыв был искренним, но он не имел отношения ко всей ситуации. В глубине души Лилечка чувствовала, как и раньше, неприязнь к прошлому, связанному с Галей. В первый момент у нее возникла радость от упразднения напряженности последнего времени – в ситуацию вносилась ясность. Андрей Степанович принял эту внешнюю форму – она его устраивала – за примирение Лилечки с его жизнью, но сам он еще не все знал о том, что будет дальше, ему только казалось, что вот, наконец, что-то прояснилось, и это было правдой, – он вел себя в полном соответствии со своими принципами человека порядочного, солидного и ответственного.

Когда он, как обычно, лег на диван после всех этих испытаний и закрыл глаза, комната Гали, вся ее убогая обстановка болью ему напомнила его прошлое настроение неопределенности, и он понял, что своей решительностью он хотел побороть чувство неприязни и отвращения ко всему, что предстало его глазам. В его душе не было и намека на прошлую любовь, а было чувство недовольства самим собой за то что

он имеет к этой ситуации отношение. Он представлял себе жизнь Гали и до малейших подробностей и, казалось, знал всю ее прошлую жизнь, и вдруг другое чувство любви к маме заполнило все пространство его воображения, и он опять услышал слова мамы: «Она простая», – и сейчас только он понимал, что мама имела в виду под этими словами. Он пытался вспомнить себя в то далекое время и не мог понять, почему тогда эти слова не производили на него такого впечатления, как сейчас.

Теперь он знал, что вся правда настоящего скрыта от нас из-за невозможности видеть сразу все обстоятельства и сразу их оценить. Чувство заслоняет от нас истинный смысл происходящего, и только по прошествии времени вся правда оголяется в ее истинном свете. Парадокс жизни скрыт в ее многоплановости и ограниченности наших возможностей ее сразу понять и оценить. Мы не отвечаем за каждый свой шаг, мы его делаем произвольно – и это закон, что мы не можем двигаться, если этого шага не сделаем; и мы идем, подчас наугад, не думая, куда нас приведет наше чувство, и оказывается, что потом все это, сохраненное в памяти, будет произвольно влиять на нашу жизнь. Так сейчас Андрей Степанович оказался в плену Прошлого, вдруг вставшего на его пути тенью смерти, от которой он находился так близко, что смог ее почувствовать как реальность, существующую всякую секунду, и это его потрясение переменяло его взгляд и

на самого себя, и на то, что происходит вокруг.

Он объяснял свое нежелание в прошлом связать судьбу с Галей не страхом, а внутренним чувством своего несоответствия той ситуации. Страх – это только сигнал этого несоответствия. Он вспоминал, как усилием воли подавлял свою зависимость от любви, как убегал от нее, и вот она его все-таки настигла через столько лет, и он себе сказал сейчас, что она не соответствовала ему не тогда, иначе бы ничего не случилось, она не соответствовала его будущему, которое еще не наступило, и он в этом будущем будет совсем другой, но для того, чтобы эти мысли родились, должно было пройти столько лет.

Лилечка по-своему переживала эту ситуацию. В первый момент ей показалось, что все случившееся облегчает ей жизнь, но первая радость потом сменилась прежним чувством тревоги, и Лилечка поняла для себя, что ее надежда на безоблачную жизнь ушла. Она все яснее чувствовала, что это решение Андрея Степановича привязывает его к Гале, и она ужаснулась тому, что вдруг почувствовала к Гале прежнюю неприязнь, – ей почему-то стало жалко себя, и она решила, что будет скрывать это, понимая всю неоднозначность ситуации.

Когда вечером они ужинали с Андреем Степановичем,

неожиданно Лилечка спросила:

– Ты уже решил, каким образом будешь помогать этой Гале?

Когда она произнесла слово «эта», она почувствовала какую-то неловкость, и не зная, как это исправить, замолчала. Андрей Степанович сделал вид, что не заметил Лилечкиной оплошности, но произнесенное слово «эта» пробудило в его душе странное чувство неловкости за Лилечку, и он решил для себя, что не будет с ней обсуждать Галю, а это было, он знал, самым большим для нее наказанием. Но в тот вечер он ответил:

– Нет, пока не решил. – Тема ушла, и, казалось, оба забыли об этом неприятном эпизоде.

Напряженность последних дней вернулась, и оба не могли ничего сделать, чтобы изменить такое положение. Андрей Степанович постоянно возвращался в мыслях к своему визиту к Гале и почему-то сейчас хотел, чтобы его не было, но он случился и надо было жить теперь и с этим.

Внешне жизнь продолжалась по раз заведенному, и, как обычно, в гости к ним приходили люди, их знакомые, с которыми Андрей Степанович любил общаться, хотя его работа, под которой он подразумевал научные занятия, занимала все его время. У него не было никаких увлечений, у него не было отдыха, он все время был занят своими идеями, и, пожалуй, история с Галей была единственным отвлечением для него от серьезных дел. У него всегда была защитная оболочка от внешних влияний, но в последнее время ее качества как будто стали другими, она стала проницаемой, и это очень неприятно удивило Андрея Степановича – он стал уязвим. Он это остро теперь ощущал после визита к Гале. Деньги, которые он ей оставил как подачку, и то, что обещал помогать, – все это он постоянно вспоминал и отвлекался на это в самое неподходящее время.

Ему казалось, что он сделал все, что нужно, но вопрос реальной помощи Гале он никак для себя не мог решить окончательно. Он рассуждал, что, наверное, лучше всего ежемесячно ей выплачивать сумму, но какую? И тут он прикидывал, сколько нужно, чтобы этого было достаточно. В конце концов он решил посоветоваться с Лилечкой, понимая, что без ее помощи его зарплаты профессора не хватит, чтобы выйти из этой непростой ситуации, но потом он понял, что

не хочет впутывать Лилечку в эту историю, и сам определил сумму, которую, по его понятиям, без особенного напряжения он сможет ежемесячно переводить Гале на книжку.

Он пошел в сберкасса, открыл счет на предъявителя и оформил в бухгалтерии все необходимые формальности по переводу. Оставалось книжку передать Гале. Он не хотел с ней встречаться и отправил заказное письмо с уведомлением, вложив в него книжку и записку:

«Уважаемая Галина. По этой сберкнижке вы сможете получать ту помощь, которую я обещал. С уважением...» – Он долго не мог придумать, как подписаться, и просто поставил подпись.

Когда Андрей Степанович получил корешок уведомления, у него как будто гора свалилась с плеч. Он почувствовал, что наконец свободен и доволен собой. В этот день вечером они с Лилечкой устроили праздничный ужин, но Андрей Степанович не назвал причину своего хорошего настроения. Он был особенно оживлен, и Лилечка была рада, что его непонятное настроение последнего времени сменилось на другое.

Она так поддалась этому настроению Андрея Степановича, что случайно рассказала, как позвонила Ира, и она с ней

встречалась, и выяснилось, что сотрудник ее фирмы живет у этой Иры, и рассказала о своих подозрениях по поводу того, что она опасается, как бы он не навредил ей. Она не говорила Андрею Степановичу, что от ее имени всеми делами управляет новый человек, которого ей рекомендовали как хорошего специалиста по деревообработке. Андрей Степанович мало интересовался делами Лилечки, и, вообще, это ее «Дело» как будто не участвовало в их жизни. Он не признавался себе, что его беспокоит иногда, что у Лилечки вдруг не оказывалось денег, и вообще он ничего не знал и не хотел знать о ее финансах. Ему хватало его зарплаты. Также его друг в Германии присылал им деньги за пользование домом. Недостатка в деньгах не было, и все необходимое у них было. Лилечка купила новую машину, которая красовалась под окнами дома, ярко блестя на солнце.

Случалось, они садились в машину и уезжали покататься куда-нибудь за город, где заходили в ресторан, обедали, потом гуляли по парку, смотрели на закат, и Андрей Степанович рассказывал что-нибудь из того, что его занимало. Обычно это была археология, и Лилечка с удовольствием слушала его полуфантастические рассказы о жизни разных народов.

Однажды, когда они зашли в один ресторан, который находился прямо на берегу озера, Андрей Степанович за со-

седним столиком увидел Галю. Она была в вечернем платье, и прическа ее удивила Андрея Степановича своей необычностью. Цвет волос был другой, и вообще было видно, что она прямо от парикмахера. Андрей Степанович не знал, что делать. Галя заметила Андрея Степановича и отвернулась. Ситуация была неприятная.

– Давай уйдем? – сказал Андрей Степанович и встал из-за стола. Они вышли.

Когда они сели в машину, у Андрея Степановича было чувство, что он сбежал. От кого? От Гали? Лилечке он ничего не сказал, но было неприятно от чего-то.

Когда они вернулись домой, Андрей Степанович сразу ушел к себе. Он задавал себе вопрос, что Галя делает в ресторане, и то, какой ответ ему приходил на ум, его оскорбляло. Неужели? Он хотел думать, что она просто ждет кого-то, но иногда он думал, что она ловит клиентов. Какое это к нему имело отношение, он не знал, но ему было неприятно. Ему вдвойне стало неприятно при мысли, что он переводит Гале деньги. Что изменилось? Какое ему дело до жизни Гали? Он осознавал, что опять не может спрятаться от прошлого, которое его преследует. Почему он переживает по ничтожному поводу? Почему он не защищен? Ему стало горько от этих своих чувств. Он подумал, что один такой на свете чувстви-

тельный.

Потом он сел за стол и открыл тетрадь. В ней он записал свои мысли:

«Сегодня увидел в ресторане Галю. Она выглядит хорошо, и я ее не узнал в первый момент, а потом вдруг ни с того ни с сего встал и вместе с Лилечкой вышел. Мне не хотелось находиться в одном с ней помещении. Ее присутствие меня сковывает, и я не чувствую себя уверенно и спокойно. Хорошо, что Лилечка не задает лишних вопросов».

Он поставил точку и почувствовал облегчение. Так он регулярно делал записи – две-три фразы – и успокаивался.

У Андрея Степановича не было друзей. Была Лилечка, но с ней он не мог обсуждать тему Гали – так он для себя решил. Раз прошлое не дает ему покоя, нельзя на другого перекладывать свои сложности. То, что Андрей Степанович встретил Галю в ресторане, то, как она выглядела, – как будто он увидел Галю, такой какой мечтал видеть. Это не давало ему покоя. «У нее кто-то есть? Или она ищет клиентов?» – эти вопросы изнутри разъедали спокойствие Андрея Степановича. И вот однажды, когда Лилечки не было дома, Андрей Степанович набрал номер телефона Гали. Долго не брали трубку. Потом мужской голос спросил:

– Вам кого? – спросивший был явно пьян.

– Галю можно? – Андрей Степанович ждал. На том конце провода пьяный голос подыскивал слова.

– Извините, я вам не могу, это ту Галю, что... – голос заплетал язык, – которой нет?

– Как нет?

– Померла. Неделю назад схоронили.

Андрей Степанович напрягая себя спросил:

– А от чего умерла? – он ждал.

– Убили ее. Ищут ту сволочь. Это тот, с которым она жила... – голос стал что-то бормотать.

Андрей Степанович повесил трубку. Он ничего не понимал. Или он ошибся номером, или это про Галю, или нет? Тогда про кого? И что случилось? Второй мыслью было: «так и думал, что все кончится плохо», – но тогда что это за виденье было там в ресторане? Обсуждать с Лилечкой он не хотел, но совершенно неожиданно, когда она пришла, сообщил:

– Галю убили.

– Как? Кто? – Лилечка замолчала, видя на спокойном лице Андрея Степановича недоумение.

Глава 5

Как будто камень свалился с плеч Андрея Степановича. Он не мог произнести вслух страшных слов, что рад тому, что так случилось, – Галя из прошлого ушла, и прошлое как будто ушло, оставаясь в памяти образами, которые произвольно будут иногда напоминать, но реального человека Гали, из этого прошлого Андрея Степановича, не стало. И почему эта мысль, что так должно было быть?

Лилечка поняла, что хочет узнать подробности о смерти Гали. Единственной связующей нитью была Ира. Она ей позвонила, и то, что она услышала, повергло ее в ужас.

– Галю убил Сергей. Он вышел уже из тюрьмы по амнистии. Он и хахаля ее убил. Знаешь, такой крутой мужик у нее появился. Она как сыр в масле каталась. Ты бы ее не узнала,

как она изменилась. Тачка, рестораны. Ну, этот, ее Сергей, как-то нашел и обоих из пистолета уложил прямо на улице. – Ира остановилась, а Лилечка спросила:

– А Сергей где? Его взяли?

– Самое фантастическое, что никто не знает, где он. Так говорят, но я точно не знаю ничего, – при этом известии сердце Лили забилось быстрее.

– Ну, а ты как? С этим, как его, я забыла?

– Нет. Все уже давно не так. Он ведь ужасный человек. Ты приходи, я тебе расскажу. А что у тебя, все по-прежнему? Я имею в виду работу и все такое.

– Да, все по-прежнему, – задумчиво ответила Лилечка, представляя, как она сообщит Андрею Степановичу о Сергее. Фантазия ее разыгралась, и, вспомнив все, что они пережили в прошлом, она никак не хотела смириться с мыслью, которая крутилась у нее в голове, что все может повториться. И она интуитивно решила ничего не говорить Андрею Степановичу. Она расскажет про Галю, а про Сергея нет.

Всякая информация, в особенности негативная, если она известна одному, то ее ровно столько, сколько один человек

может ее усвоить, и она увеличивается вдвое, когда она известна другому. Лилечка сердцем почувствовала, что она будет вдвойне переживать, если расскажет о Сергее, но одновременно она боялась – не предупредить об опасности тоже для нее будет трудно. Решить эту непростую задачу она предоставила времени. Она чувствовала, что должна что-то сказать, но сразу не могла это сделать.

Прошел день, другой, третий, и вдруг зазвонил телефон. Это звонила Ира.

– Лиля! Что делать? Сергей объявился. Требуется твой адрес.

– Ничего не предпринимай. Я посоветуюсь с Андреем, – и она быстро повесила трубку.

Когда Андрей Степанович вернулся с работы, Лиля сразу все ему рассказала. В первый момент Андрей Степанович не знал, что сказать, потом подошел к телефону, набрал какой-то номер, назвал себя и сообщил все, что Лилечка ему сказала.

– Я прошу вас взять на контроль, – он хотел назвать адрес, но задумался. – Лучше я вам дам телефон женщины, которая вам сообщит дополнительную информацию, – и он назвал

телефон Иры. Он был в таком волнении, что не знал, что делать дальше, но Лиля подошла к нему.

– Не волнуйся. Ты все сделал правильно. Ира все поймет.

Весь вечер они ждали звонка Иры, но никто не позвонил. Тогда Лиля набрала ее номер. Никто не брал трубку.

– Ее нет. Она, видимо, уехала к матери.

Андрей Степанович решил для себя, что не будет выходить из дома, пока ситуация не прояснится. На следующее утро он сказал Лиле:

– Собирай вещи. Срочно уезжаем.

У них была долгосрочная виза, и они с Лилечкой в любой момент могли уехать. Этот момент настал. Андрей Степанович позвонил Клаусу и предупредил:

– Мы вылетаем ближайшим рейсом. Встречай.

Потом позвонил на кафедру и предупредил:

– Я срочно вылетаю в Германию. По электронной почте пришлю вам заявление. Оформите все за меня.

Глава 6

И вот он в Германии, и не может поверить, что здесь он в безопасности. Жизнь продолжалась теперь здесь, и он с радостью думал о том, что наконец-то может освободиться от фантомов прошлой жизни, и это его настроение было связано с новыми впечатлениями. Ему нравилось в их доме – панели из дерева, украшенные инкрустацией, закрывали все пространство стен, и лестница, ведущая вверх, создавала впечатление средневекового жилища, а скрипучие ступени как будто специально сделали так, что глухой звук дерева сопровождает каждый шаг, напоминая о древности жилища.

Вся эта обстановка, сумрачная из-за темного цвета стен и потолка, с которого свисали вниз выступы украшений, что-то напоминавших, была приятна Андрею Степановичу. Окна с пола до потолка с гранеными стеклами пропускали не прямой свет из-за навеса над первым этажом, обрамлявшим дом со всех сторон, а портьеры были бархатные, болотного цвета, и очень напоминали те, которые висели в его кабинете дома. Андрея Степановича все это приятно радовало, и он попросил придвинуть стол поближе к окну, а когда

сел за него, почувствовал себя дома. Это наполнило душу радостными впечатлениями, но вдруг он вспомнил, почему он не дома, и ему сразу стало неудобно.

Он встал и поднялся по лестнице на второй этаж, откуда можно было наблюдать окрестности. Эти первые впечатления от переезда сохранились как очень для него яркие. Он помнил, как они с Лилечкой ходили по комнате, передвигали предметы, как им было удобнее, и как дети радовались внешним переменам, которые должны были принести новые впечатления, и казалось в первый момент, что все плохое они оставили в прошлом, и начинается другая жизнь.

Андрей Степанович читал лекции по своей специальности, и очень скоро к нему стали приезжать из других мест послушать его. Он стал популярен. Немецким он владел в совершенстве, и это делало его лекции доступными для всех желающих. Эту работу ему нашел его друг Клаус, который был очень доволен успехами Андрея Степановича.

«Бегство от прошлого невозможно, – записывал Андрей Степанович, – со временем оно преобразуется, как будто приспособляясь к новой жизни, она его поглотит, и важно, чтобы ничто не напоминало те огорчения, от которых душа страдала, и даже то, что случается встречать тех людей, с которыми мы его проживали не самым лучшим образом, в

нашей новой жизни уже потеряет остроту прошлых переживаний, и независимо от ничего жизнь продолжит свой бег, устремляясь к будущему, и возмужавшая и повзрослевшая душа смело оглядывается назад, находя в нем лучшее, раз случилось это преобразование, в ней появилась мудрость, и это убеждает в том, что, несмотря на все сложности, душа устремляется к будущему, находя новые лакуны, где она поселится однажды, и, может быть, надолго...» Он поставил многоточие и задумался. Мысль о приспособлении прошлого к новой жизни приятно удивила Андрея Степановича.

Он занимался наукой, читал лекции, как будто ничего в его жизни не произошло и для нее эти перемены, случающиеся с людьми, не важны, она независима, и Андрей Степанович помнил испытания своей жизни на прочность. Он изменил место своего пребывания, а объективно он изменил свой взгляд из-за внешних обстоятельств, и одновременно с этим изменилось его собственное ощущение жизни.

«Какое счастье, что я могу теперь спокойно заниматься», – он чувствовал себя счастливым, освободившимся от страхов последнего времени, которые тормозили его жизнь, делая его несчастным и зависимым. Иллюзия свободы, которую он искал, осуществлялась сейчас его пребыванием на новом месте с Лилечкой, которая теперь воплощала для него радость чувствовать рядом человека близкого.

Он вставал рано, шел прогуляться по окрестностям, с интересом наблюдая новые пейзажи, открывающиеся его глазам, смотрел на строения, которые, ему казалось, он видел на картинах. Это была правда – домики были очень старыми, почти древними, они соответствовали тем впечатлениям, которые от них возникали, и Андрею Степановичу казалось, что он находится в декорациях. То тут, то там среди дубов и грабов появлялись стада, и мирно сидящий на траве пастух, казалось, сошел с полотна картины.

Уклад жизни Андрея Степановича был прежним. Их дом находился в небольшом, затеряншемся среди зелени местечке, состоящем из нескольких домов, которые находились на большом расстоянии друг от друга. У Андрея Степановича возникало ощущение, что он наконец нашел место, где ему хорошо, и, не думая ни о чем, занимался наукой – никто ему здесь не мешал. Изредка страх прошлого вспоминался как кошмар, пережить который он бы не хотел, а вся теперешняя жизнь шла ровно, не нарушая его внутреннего равновесия, которое он однажды потерял.

Лилечка на машине ездила по окрестностям и в соседние селения, где по воскресеньям была ярмарка. Ее жизнь затворницы, казалось, устраивала ее, но Андрей Степанович стал замечать, что она иногда скучает. Он чувствовал, что

ей не хватает общения. Работой здесь она не занималась, и получалось, что у нее было много свободного времени, которое нужно было чем-то заполнить. Тогда она садилась за компьютер и начинала сочинять маленькие рассказы, потом написала новеллу, и вечером читала Андрею Степановичу то, что получилось. Он всегда одобрительно отзывался о ее творчестве и говорил, что надо послать друзьям и попробовать напечатать. Лилечка не стремилась к славе – ей казалось, что ее литературные забавы никому, кроме нее, не интересны, но вот однажды...

Глава 7

К ним приехали их друзья, которые путешествовали, и отголосок прежней жизни напомнил Лилечке об их прошлом. Лилечка читала свои рассказы, и они произвели хорошее впечатление.

Когда они остались одни, Лилечка впала в тоску, и Андрей Степанович спросил:

– Что с тобой?

– Знаешь, я скукаю о нашей прошлой жизни. Если убрать эту историю с Галей и наш страх перед Сергеем, я бы согласилась вернуться домой. Мне здесь скучно и неинтересно.

На этом разговор прекратился. Андрей Степанович понял, что дальше будет хуже. Раз Лилечка произнесла эти слова – это сигнал, надо что-то менять. Но что? Его, Андрея Степановича, все устраивало, но он понимал, что Лилечке нужно общество. А его здесь не было. Они могут съездить на концерт, поехать в путешествие, но того, что давали им обоим их прошлые встречи с друзьями, здесь им не найти. От недостатка общения страдала Лилечка, а не Андрей Степанович. Он был доволен своими занятиями наукой, но все больше понимал, что Лилечка не выдержит долго такую замкнутую жизнь, которую они вели. Андрей Степанович это предвидел, но не думал, что это так быстро выяснится, и то, что их посетили друзья, с которыми Лилечку связывало прошлое, сыграло свою роль.

Для начала Андрей Степанович решил, что пусть она съездит без него домой, и тогда, уже после ее возвращения, они, может быть, что-то решат. Он не говорил Лилечке, что его не покидает страх перед обстоятельствами, из-за которых они здесь. «Как узнать, где Сергей и что вообще там происходит?» – думал он про себя.

Прошла неделя-другая после того, как они проводили друзей. Лилечка как будто забыла про свои слова, но неприятное впечатление от них осталось у Андрея Степановича, и он ждал, когда сама Лилечка вернется к тому разговору. Она продолжала по-прежнему занятия с Интернетом, но однажды вошла в комнату и сказала:

– Я получила e-мейл от наших друзей. Они навели справки, и, якобы, Сергея так и не нашли. Ходят слухи, что он погиб, но это только слухи.

Андрей Степанович посмотрел на нее. Она смотрела в сторону, она не сказала ему главного – ей сообщили, что ее предприятие на грани банкротства, что надо что-то делать, спасти ситуацию. Она-то понимала, что это значило для них. Если это правда, то им придется изменить жизнь, такую устроенную, благополучную, на самую обычную, как у всех, и жить придется на зарплату, и все привычки, когда любые желания исполняются сразу, когда живешь свободно от денег, а их достаточно, – она ужаснулась этим надвигающимся переменам.

А перемены эти не зависели от нее. Наступала другая эпоха, и это не могла предвидеть Лилечка и такие, как она, бизнесмены, когда в одночасье они стали владельцами недвижимости, а навыки управлять ею и вести дела взять было неот-

куда, нужно будет менять правила игры, а это означало, что встать, подняться смогут немногие – неоткуда будет взять деньги, чтобы погасить накопившиеся долги, когда придется все легализовать рано или поздно.

Об этом она не могла говорить с Андреем Степановичем, который слабо себе представлял, как делают деньги, но привычку их не считать и не интересоваться, откуда они, усвоил очень быстро. Это случилось с ним, когда он стал жить с Лилечкой, и теперешняя жизнь за границей, жизнь обеспеченного ученого, которому не надо беспокоиться о деньгах, очень ему нравилась, тем более, что его работа здесь оплачивалась хорошо.

Андрей Степанович понял – сейчас Лилечка скажет, что она уедет, и был к этому готов, но она ничего не говорила. В последнее время, особенно после визита друзей, что-то сломалось в их отношениях. Лилечка теперь жила почти отдельной жизнью, и вообще после переезда сюда их интимная жизнь прекратилась. Кто был причиной этого, было непонятно, но это отдаление случилось уже до переезда. Страх Андрея Степановича, который его парализовал однажды, возможно, сыграл свою в этом роль, и интерес его к Лилечке как к женщине сам собой упразднился. Или время их жизни вместе было столь длительным, что привычка быть только друзьями стала для них нормой. Андрей Степанович

не думал, что Лилечка могла из-за этого переживать. Он никак эту ситуацию не мог изменить, а Лилечка никаких знаков недовольства не проявляла – она была всегда одинакова и, так же как Андрей Степанович, считала, что такая жизнь ей подходит.

Как человек деликатный, Андрей Степанович понял, что наступил момент и нужно помочь Лилечке произнести те слова, которые она от него ждет.

– Думаю, ты должна поехать. – Он смотрел на нее. Пятна выступили у нее на щеках, так она волновалась.

– Да, конечно, я должна.

Андрей Степанович не знал причин ее волнения. Ведь она не говорила о своих сложностях, но он почувствовал, что она скрывает от него главную причину ее теперешних настроений, но раз она молчала, он не хотел ее беспокоить вопросами.

Сборы были быстрыми, и буквально через два дня Лилечка сидела уже за своим столом в офисе и слушала своего доверенного человека Антона Михайловича. Все, что он ей рассказал, привело ее к выводу, что кто-то очень заинтересовался ее предприятием. Она набрала номер Иры.

– Привет, Ирина. Это я. Как твои дела?

– Главная новость, Сергей объявился и ищет тебя. Он не причастен к убийству. Следствие доказало вину другого человека, знакомого Гали, ее поклонника. Там шли свои разборки... – при этих словах Лилечку бросило в пот.

– А где он живет?

– Я тут записала его адрес. Тебе дать телефон?

Лилечка задумалась, а потом ответила:

– Да! – она записала номер на календаре. – Я тебе позвоню. Пока не говори, что я здесь. – Она повесила трубку.

Лилечка внимательно посмотрела на Антона Михайловича, и улыбка, пробежавшая по его губам, показалась ей подозрительной. И тут, непонятно, почему она спросила:

– А вы знакомы с Сергеем Петровичем? – она смотрела прямо в глаза Антону Михайловичу.

– Да. Он в нашем бизнесе и как-то интересовался вами. Я ему сказал, что вы за границей. – Он опустил глаза.

Самое страшное случилось. Сергей – акционер, и сразу ситуация с возможным банкротством приобретала специфически личный характер. Лилечке нечего было сказать. Она перевернула листок календаря и что-то написала на листке:

«Прошу вас не говорить Сергею Петровичу обо мне. Я не могу вам это запретить, но для успеха наших дел дальше прошу отнестись к моей просьбе серьезно».

Она вырвала листок и подала его Антону Михайловичу. Тот пробежал написанное и вернул листок Лилии Яковлевне. Она тут же разорвала его на мелкие кусочки и выбросила в корзину. Оба молчали, понимая значительность произошедшего. Антон Михайлович встал, но Лилия Яковлевна его остановила.

– Задержитесь, пожалуйста. У меня к вам конкретное предложение, – она оглянулась по сторонам, как бы ища кого-то, и, удостоверившись, что они одни, сказала:

– Я думаю, надо обанкротить наше предприятие и подумывать о будущем. – Она в голове просчитала, хватит ли ей денег. – Я вас прошу серьезно подумывать об этом.

При этих словах Антон Михайлович почувствовал неловкость, и это отразилось на его лице выражением недоумения.

– Но зачем? – он не успел продолжить.

– Все вопросы отложим, и я вас прошу сделать так, как я просила. – Она имела в виду Сергея.

Антон Михайлович никогда не был человеком решительным и сейчас испытывал неудобство от того, что ему сказала Лилия Яковлевна. Он понимал ее интерес в этом – она хотела избавиться от дальнейших потерь, но для него лично все это было невыгодно и он был не уверен, что надо так сложно решать этот вопрос.

А Лилечка хотела скупить сама все акции, когда их будут продавать акционеры, но это нужно было делать осторожно, чтобы никто не заподозрил подвоха. Она решила опередить события и все разговоры о надвигающемся банкротстве заранее сделать реальностью, и завтра же. У нее было все предусмотрено на черный день, и этот день, как она считала, настал. В одном иностранном банке она держала деньги, да-

вавшие ей большой процент, и она должна будет их пустить в другое дело.

Всю процедуру банкротства на следующий день она обсудила с Антоном Михайловичем, который не знал о том, что Лилия Яковлевна сможет одна скупить все акции своего же обанкротившегося предприятия и потом все начать снова. И в конце концов она окажется умнее объективных обстоятельств, и к моменту реального банкротства все имеющиеся у нее акции выгодно продать – она продаст свое предприятие, и у нее появится возможность купить недвижимость и сдавать в аренду, или как-то по другому распорядиться деньгами, чтобы потом можно было дальше зарабатывать, но более надежным способом.

Однажды, когда она занималась проверкой документации, к ней в кабинет вошел молодой мужчина. Когда Лилия Яковлевна на него посмотрела, ей показалось, что перед ней стоит Андрей Степанович, но, присмотревшись, она поняла, что это Сергей.

В последний раз они виделись, когда он шел к ним навстречу, и потом случилось ужасное. Лилечка в первый момент испугалась – она вспомнила больницу и первые ожидания, что скажет врач о здоровье Андрея Степановича, – но потом стала пристально рассматривать Сергея, который вел

себя так, как будто ничего плохого в их жизни не было. Лиля молчала.

– Здравствуйте, Лилия Яковлевна, – сказал Сергей.

– Здравствуйте, Сергей, проходите, садитесь, – когда Лилечка произносила эти слова, она почувствовала, как волнуется. Но от чего? От неожиданности встречи или от чего-то другого? Оба молчали.

Сергей был как призрак из Лилечкиной прошлой жизни, в красиво скроенном темно-коричневом пиджаке. Лилечка не могла понять, как могло случиться, что так вот вдруг перед ней приличный человек, и он же Сергей, прошедший тюрьму и все ужасы человека без определенных занятий, пивший и покушавшийся на Андрея Степановича. Она не верила своим глазам и не знала, с чего начать разговор. Она считала, что даже если встретится с ним, то все равно обнаружит какие-то признаки прошлой жизни опустившегося человека, но ничего подобного не было. Это был по-прежнему привлекательный для нее мужчина, и с годами он стал как будто еще лучше. Лилечка застеснялась этих своих мыслей и, сидела рассматривая нового-старого знакомого.

– Что случилось? – Этот непосредственный вопрос был обращен к новому Сергею, напомнившему ей ее прошлую

жизнь и ее любовь, когда вот так же хорошо и элегантно одевался ее первый муж Сергей, о котором она редко вспоминала.

Лилечка опустила глаза, испугавшись своего интереса к нему. Сердце ее застучало как будто в висках. «Что это?» – подумала она, беря паузу, чтобы справиться с волнением.

– Здравствуйте, Лилия Яковлевна, – уверенно сказал Сергей. – Как видите, все меняется самым неожиданным образом.

Он понимал, что впечатление Лилечки от него, когда он вышел из тюрьмы, и теперешнее плохо сочетались.

– Садитесь, – тихо сказала Лилечка. Она волновалась, и это не мог не заметить Сергей. Лиля по-прежнему ему нравилась. И цвет ее лица матово-розовый, и карие глаза с длинными ресницами, и даже то, что она не выглядела девчонкой, какой он ее знал раньше, тоже ему нравилось. Он смотрел на ее лицо и вспоминал юность, далекую, невозвратимую. Он по-прежнему относился к Лилечке с любовью, которая, несмотря ни на что, оставалась с ним все эти годы и согревала в трудные минуты. А ведь он был осужден и она ему не помогла тогда избежать тюрьмы.

Лилечка никак не могла поверить своим глазам, что перед ней Сергей. Она думала про него все что угодно, только не то, что он с годами станет интереснее, а о том, что он вдруг всплывет с самого дна жизни, об этом даже речи не могло быть.

– Я пришел продать акции. Ведь мы банкроты? – Он внимательно смотрел на Лилечку и понимал, что это банкротство она затеяла сама. Но он знал, что сделает все, что предложенное. Он также знал, что хочет чего-то от нее, от себя, но чего конкретно, не знал.

Так нейтрально прошла их первая встреча. На прощанье он немного задержал ее руку в своей, так что она даже сделала движение, чтобы высвободить ее.

Когда Лилечка вернулась домой, она долго не могла ничем заняться, а ходила по комнатам и думала, казалось, ни о чем. Она не хотела признаться себе, что это была не простая встреча со старым знакомым – это была встреча с прошлым, которое настойчиво заявляло о себе, как о реальности непреходящих отношений, именно для нее, она это сразу почувствовала и не могла найти объяснений своим чувствам, которые так откровенно о себе заявили в первый момент. Она уговаривала себя, что это был только первый момент, но то, что она ничем не могла заниматься и из головы

у нее не уходил один-единственный вопрос: «Что это?», – и то, что она не могла дать ответ на него, все это говорило о другом. Она не думала об Андрее Степановиче, и только одна мысль: «Наверное, я скучаю об Андрее, раз мне Сергей в первый момент его напомнил», – но у нее было ощущение, что она общается с Андреем, когда перед ней сидит Сергей, – эта мысль сейчас не давала ей покоя. Она приняла душ и легла отдохнуть.

И вот ей кажется, что она идет по берегу озера в Германии, вода ее пугает, она снимает туфли и идет по воде по краю берега, и вдруг погружается в воду и рядом с ней с одной стороны плывет Сергей, а с другой Андрей Степанович, она старается плыть быстрее, и Сергей от нее не отстает, а потом оказывается, что они выходят на другом берегу и идут, взявшись за руки, по пляжу, а Андрей Степанович смотрит на них с другого берега. Они идут к нему по берегу, но неожиданно сладкое чувство радости наполняет все тело Лилечки, и она чувствует губы Сергея, а потом они оказываются вместе на песке, и она чувствует, как песок скользит по ее телу и руки Сергея прижимают ее к себе, и в этот момент случается то, что всегда случается и приносит необъяснимое удовольствие, и оно длится, длится, и Лилечка просыпается.

«Что это?» – говорит она себе и ложится лицом на подушку, и чувствует, что все ее тело изнывает от предожидания

радости...

Так прошло несколько дней. Лилечка не могла побороть в себе желание близости с Сергеем. Она долго не решалась, но наконец набрала номер его телефона и сказала:

– Сергей Петрович! Приезжайте ко мне. Надо обсудить наши дальнейшие шаги по банкротству.

– Когда? – услышала она в ответ голос Андрея, понимая, что говорит с Сергеем.

– Сейчас вы не свободны?

– У меня кой-какие дела, но я думаю, что через час буду у вас. Ваш адрес...

Лилечка продиктовала ему адрес той квартиры, куда она от него сбежала. Она не отдавала себе отчета, что делает. Это было как будто в тумане. Она все время задавала себе один и тот же вопрос: «Что это?» Она задавала этот вопрос и к тому, почему это Сергей вдруг опять появился, почему он ей напоминает Андрея, почему она хочет близости, и все вместе у нее в голове крутилось и запуталось в клубок, который ее женский ум сейчас не мог и не хотел распутать. Она чувствовала себя помолодевшей на двадцать лет. Главное, что

отравляло ее жизнь, – страх перед Сергеем – ушло, и она чувствовала себя свободной и счастливой, легкомысленной и глупой. Сейчас она его увидит...

Зазвонил звонок. На пороге стоял Сергей. Он выглядел еще лучше. В руке он держал кейс. Лилечка молча на него смотрела.

– Проходите, – она закрыла дверь. Сергей прошел в комнату и сел на диван. Лиля вышла на кухню и принесла бутылку шампанского, и неожиданно стала говорить так, как она разговаривала с Сергеем тогда, давно.

– Знаешь, я устала от всего на свете, – она смотрела на него. Он понял, уловил ту прежнюю интонацию и, ничего не говоря, подошел к ней сзади и обнял за плечи. Она встала, и так, ничего не говоря друг другу, двое пережили то, что с ними случилось однажды, и очень давно, и оказалось, что этих лет не было – так ярко и остро они ощущали свою молодость, к ним вернувшуюся и заставляющую делать эти непосредственные движения тела, и душа каждого высоко парила, соединяясь в одно целое. Все произошедшее каждый переживал как раньше, но ко всему присоединился опыт, уверенно демонстрировавший свои достижения.

Глава 9

Когда Лилечка вернулась в реальную жизнь, вся жизнь с Андреем Степановичем вдруг показалась ей сном, потом показалось, что сон – то, что случилось сейчас, и так она не могла решить для себя, где же ее душа. Перед ней сидел тот самый Сергей, с которым в прошлом было много связано такого, о чем не хотелось вспоминать. И она вдруг поняла: то, что сейчас было, – это не сон, не имеющий отношения к реальной жизни. Может быть, ей хотелось так думать, но внутреннее ощущение странным образом говорило ей, что случилось что-то непонятное, и от этого Лилечке стало не по себе. Ей казалось, что кто-то решает за нее, в какую сторону должна пойти ее дальнейшая жизнь.

В то же самое время Сергей переживал давно забытое ощущение своей молодости, когда все, что случается, кажется единственным и окончательным, и как будто забыл все плохое, что было в его душе связано с Лилечкой, однажды отказавшейся от него, и теперь неожиданно, как будто на мгновение, ставшей той прежней, его первой любовью, и не знал, что с этим делать. Он не был мужчиной разговорчивым, склонным к комплиментам, и в этом проявлялся его ум, который понимал, что эмоциональные всплески не име-

ют отношения к тому, что происходит, они как случайные прохожие, которые не вызывают у нас глубокого интереса, но составляют жизненный фон, и Сергей ждал, когда ситуация прояснится сама собой.

Лилечка принесла поднос и начала разговор, который давно зрел у нее в голове, ради которого она и приехала сюда.

– Чего ты хочешь в нашем общем бизнесе?

Сергей как будто был готов к этому разговору.

– Я хочу вместе с тобой вытащить его из ямы, в которой мы оказались.

– А почему ты считаешь, что надо это делать? Мне кажется, что все идет нормально. – Лилечка хотела его проверить.

– Ты ошибаешься... – и дальше они долго говорили о том, что в данный момент интересовало каждого, и в конце концов Лилечка решила, что может доверить Сергею часть своих функций. Она понимала, что все это время он ей мстил за измену, и почувствовала, что все жизненные испытания не изменили его отношения к ней – ей так хотелось думать, и она шла на этот риск, поддавшись сиюминутному настроению, и она не знала, кто и где, он или кто-то другой, дол-

жен будет вместе с ней всерьез заниматься ее делом, но сейчас она почти была уверена, что ее порыв все-таки не будет ошибочным, она надеялась на это.

Когда женщина занимается бизнесом, в ее действиях всегда непосредственность и эмоциональность побеждают здравый смысл. Редко когда железная логика у нее может подавить эмоции – Лилечка это все чувствовала, и она сейчас рисковала, надеясь на чудо, что вот так вдруг повернувшаяся ситуация сможет исправить ее ошибки, – она не могла действовать по-другому.

Когда она вспомнила, что Андрей Степанович там один, а она тут сидит со своим бывшим мужем, ей почему-то от этого стало неприятно. Она почувствовала, что ситуация непонятная, что-то подспудно как будто мешало ей освободиться от своих прошлых эмоций, значительности которых для себя она не могла понимать до конца. И вдруг странная и новая мысль, что ее отношения с Андреем Степановичем были какие-то искусственные и она себя с ним не чувствовала в своей тарелке, как будто на минуту вернула ощущение, что все, что случилось, правильно и естественно, но потом опять угрызения совести стали душить этот минутный порыв, и он затих на неопределенное время. «Что-то не так», – думала про себя Лилечка. Что она имела в виду под этим, она не знала, но вопрос этот в ней был. Он не мог не быть, и нужно

было ждать, когда же все-таки ситуация прояснится, – должно было пройти время.

Так, самым неожиданным образом, судьба вновь столкнула людей, и они не знали, что это: возвращение к прошлому или рождение нового? Они ждали, и каждый в душе переживал эти эмоции, стараясь понять, где же все-таки правда, когда можно уверенно жить, не мучаясь непонятными вопросами. Они не знали, что правды нет, а есть интерес, и он у каждого свой, и это каждое «свое» должно стать общим, иначе ничего серьезного не получится, но время течет медленно, когда нужно ждать, и лучше всего не делать этого, а просто и естественно проживать каждое мгновение, не загадывая очень далеко.

Лилечка посмотрела на Сергея. Он был ей очень приятен в аккуратно застегнутой рубашке, которую галстук стягивал вокруг шеи. Сергей собирался уходить, и Лилечка разглядывала его, чувствуя, что, возможно, она его полюбила уже другого, взрослого.

– Я вернусь к вечеру, – сказал Сергей. Лилечка проводила его до двери и молча поцеловала.

Она села на диван и не знала, что ей делать. Почему-то ей показалось, что ушел Андрей Степанович. Что-то в ма-

нере Сергея очень его напоминало, и Лилечка никак не могла от этого ощущения отделаться. Почему-то ей не хотелось звонить Андрею Степановичу, и что она могла ему сейчас сказать? Ситуация была только в том понятна, что сейчас уезжать куда-то и оставить свое дело без присмотра нельзя. Сергей не зря предложил Лилечке свою помощь, и она верила, что все может образоваться.

Глава 10

После отъезда Лилечки Андрей Степанович почувствовал облегчение. Все мысли о Сергее, оказывается, странным образом в негативном плане были связаны именно с Лилечкой, и когда она была далеко, то тревожные мысли, казалось, улетели вместе с ней.

Андрей Степанович сразу созвонился со своими друзьями, они приехали к нему и прожили неделю, а потом Андрей Степанович поехал к ним. Это была классическая немецкая пара, где культ семьи чувствовался во всем. Два человека, Клаус и Маргарита, держали друг друга за руку, как дети, и их детскость, называемая модным словом «инфантильность», проявлялась во всем. Именно этим они очень нра-

вились Андрею Степановичу, и он с удовольствием смотрел на них в окно, когда они резвились, бегая друг за другом по лужайке. Андрею Степановичу эта пасторальная сцена напоминала картины немецких классиков, и он про себя отмечал, что полотна ему нравятся больше, чем реальность.

Он отдыхал, он чувствовал, что возвращается к прежней жизни, как странник, истосковавшийся по знакомым местам, он выздоравливал, ощущая, что силы к нему возвращаются, как после продолжительной болезни. Он ощущал жизнь по-другому, но мысль об отсутствии Лилечки иногда его обжигала прошлым, и он ее отгонял прочь, как назойливую муху.

После всех новых впечатлений он, наконец, сел за письменный стол, достал тетрадь и написал:

«Наконец я счастлив своим одиночеством. То спокойствие, о котором я мечтал, наконец пришло ко мне, и я хочу его упрочить».

Он закрыл тетрадь и продолжил начатое им философское повествование о смысле жизни. Эта работа заняла у него целый вечер, и он лег спать с приятным ощущением выполненного долга. Это было его возвращением к привычным занятиям в прежнем ощущении себя счастливым от самого фак-

та жизни. Так постепенно он восстанавливал нравственные силы, которые раньше тратились попусту, он это понимал сейчас, тратились зря на вещи, того недостойные. Иногда он вспоминал жизнь с Лилечкой как далекое путешествие в непонятные области жизни, и сейчас радовался тому, что все это уже позади. И будущее свое он никоим образом не связывал с Лилечкой. «Странно, очень странно», – иногда повторял он, и мысль убегала, растворялась в идеях, его беспокоивших и доставлявших радость.

Так неожиданный отъезд Лилечки все изменил в жизни этих людей, долгое время проживших вместе, и вот, наконец, каждый вернулся к привычному образу жизни, и каждый думал, что это очень естественно, но до конца понять произошедшее не мог и не стремился. Андрей Степанович погружался в свои занятия, и после времени проведенного за столом он испытывал радость, что у него все так складывается и к нему наконец возвращается его собственное ощущение приподнятости, и благородством веет на него, когда он прикасается к книгам, а идеи и мысли принимают необычное и новое направление.

Образ жизни его мало чем отличался оригинальным. Он не вспоминал прежнюю жизнь, и редко образы прошлого посещали его. Иногда он вспоминал садик около дома, свою квартиру, которую бросил, убегая сюда от своего страха пе-

ред прошлым. Сейчас этот страх ушел, и воспоминание о нем куда-то спряталось.

Время от времени Лилечка звонила ему и сообщала, что погружена в свои дела. Она, естественно, ни словом не упоминала Сергея, не понимая до конца, что связывало этих двух людей, но чувство, что Сергей и Андрей Степанович очень похожи в каких-то проявлениях, наводило ее на неясную мысль о том, что, возможно, она сама в этом виновата и это ей так кажется, а на самом деле ничего подобного нет. Она жила одна и виделась с Сергеем время от времени.

Встречи с Сергеем были очень эмоциональными, они виделись не часто, но когда это случалось, всегда был секс, самый естественный, и оба знали, что встречаются именно для этого. Их прошлая любовь пережила трансформацию, они редко о ней говорили, потому что и так все их устраивало, и вот однажды Лилечка поняла, что беременна, и сразу, когда это подтвердилось, она позвонила Андрею Степановичу и сообщила что уходит от него, но опять не стала говорить про Сергея, который с радостью принял эту новость, понимая что он этого хотел.

При известии о Лилечкином уходе Андрей Степанович в первый момент испытал шок от того, что вот так неожиданно все решилось, что теперь он совсем один, и странное и

знакомое чувство одиночества он испытал по-новому, остро, и безнадежность во всей своей безысходности встала перед ним как факт его жизни. Он сел на диван и понял, что его радость после отъезда Лилечки уходит и сменяется на ощущение своей оголенности перед миром, и ему захотелось все вернуть назад. Он испугался своего одиночества, и тоска окутала его душу покрывалом непонятого сожаления о чем-то. Так он пролежал какое-то время неподвижно, глядя в потолок и испытывая неопределенные чувства от случившегося. Потеря чего-то, а именно женского тепла, ускользала от него по мере того, как он осознал, что уход Лилечки от него – это реальность. Он страдал молча, зная, что ему некому об этом рассказать. Он закрыл глаза, и положение представилось ему безвыходным. Он не знал, что Лилечка стала его частью, частью неотделимой, и сожаление сжимало его все сильнее в своих крепких объятиях. Он тихо заплакал. И вдруг он стал собирать вещи, он не мог оставаться сейчас здесь, один, он должен был двигаться, он должен был встретиться с ней.

И вот он в самолете, в аэропорту, и вот он в своей квартире, которую так спешно покидал какое-то время назад.

Возвращение домой было для Андрея Степановича сложным не только потому, что его бросила Лилечка, но рой воспоминаний со всех сторон окружил его, и он чувствовал

свою к ним непричастность в том настроении, в котором находился все это время, – было какое-то несоответствие того, что с ним происходит сейчас, с тем, как он раньше себя чувствовал дома. От этого несоответствия происходило неприятное чувство недовольства собой, выразившееся в том, что все, за что он брался, он бросал и переключался на другое, на третье – не мог сосредоточиться, и так он весь остаток дня провел в перебирании старых вещей, в перекладывании их с места на место. Он боялся позвонить Лилечке.

Глава 11

Лилечка радовалась своему положению по-детски, чувствуя, что определенное время ее жизнь прописана самым понятным и естественным образом. На душе у нее было спокойно и ясно. Никакие мысли не шли ей в голову, кроме радостного ощущения себя счастливой от ничего, просто так она себя чувствовала. Ее жизнь с Сергеем удивительным образом наладилась, и они ни разу, ни словом, ни намеком не возвращались к прошлому. Лилечка совсем не вспоминала Андрея Степановича. Она не понимала до конца всего, что случилось, как будто кто-то решил ее жизнь за нее. Это ее ощущение не было ошибочным – ее не могло сейчас ничего

интересовать всерьез, и она подчинилась этому закону природы. И вот однажды она услышала в трубке голос Андрея Степановича.

– Лиля, что случилось? Почему? – он задыхался. Лилечка на мгновение почувствовала, что слышит голос человека, ей близкого, но сейчас это было для нее уже по-другому, и она сказала первое, что пришло на ум:

– Андрей, я сейчас не могу всего объяснить. Дай мне время.

– Но почему? – повторял Андрей Степанович.

– Не знаю. Я сама ничего не могу понять.

– Но что изменилось? – нервно допрашивал Лилечку Андрей Степанович.

– Давай отложим этот разговор.

– Но я не могу без тебя. Я погибну, – взволнованно говорил Андрей Степанович.

– Успокойся. Все встанет на свои места, – ответила уклончиво Лилечка, понимая, что не может объяснить и назвать

своими словами реальное положение вещей. Она чувствовала, как это будет трудно пережить Андрею Степановичу.

– Я тебе позвоню сама и все тогда объясню. – Она повесила трубку, осознавая впервые весь ужас ситуации для Андрея Степановича, в которую она его поставила, но она поступила так, как ей подсказывало сердце.

Лилечка никогда не была женщиной деловой, и то, что она оказалась втянутой жизнью в бизнес, который ее не интересовал, было правдой, но Лилечка не хотела в этом себе признаваться. Она была так рада, что может теперь все это взвалить на плечи Сергея, и она радовалась что освободилась от напряженного обслуживания жизни Андрея Степановича, в которой она себя не ощущала самой собой. Она чувствовала, что ей не удалось стать для Андрея Степановича своей, – он был другим и ей во многом непонятным. А она, наконец, была рядом с человеком, которого она знала и к которому у нее были чувства давно ей понятные, доверия и любви, несмотря на все сложности его жизни, которые она же ему и создала. В ситуации с Сергеем она управляла всеми поворотами судьбы, и это придавало ей уверенности. Она чувствовала себя в своей тарелке – он ей подходил по всему, что в данный момент составляло смысл их отношений. Они истосковались, каждый по-своему, по настоящим отношениям в любви, когда день плавно переходит в ночь, и тогда происхо-

дит то, ради чего весь день совершаются необходимые действия, а мысль все время витает и ждет приближающегося чуда, воплощая в реальность слова, и распущенность кажется естественной, и потом вспоминаешь только счастье обладания другим человеком.

Неопределенность любого положения – самое тягостное для любого – каждый стремится прояснить для себя хотя бы что-нибудь, чтобы не находиться в состоянии, которое напрягает мысль, неспособную разрешить все сложности, и только очень рассудительные и сильной воли люди могут себя сдерживать в этих неопределенных ситуациях, и есть такие, которые никогда не попадают в такие обстоятельства, что им нужно что-то прояснять, они всегда в выигрыше, им кажется, что никакие словесные выяснения ничего не проясняют, а только отнимают время. Сама жизнь проясняет ситуацию, но терпение не может ждать, оно рвется, чтобы выяснить, и ничего из этих выяснений не получается, и на смену спешит раздражение и разочарование.

Андрей Степанович был на той стадии нетерпения, когда любая информация, плохая или хорошая, облегчает страдание. И оно даже стремится дойти до своего предела, чтобы силы иссякли его поддерживать, и тогда наступает облегчение. От разговора с Лилечкой страдания Андрея Степановича усугубились до такой степени, что он был на грани нерв-

ного срыва. Он не находил себе места. Мысли его метались из стороны в сторону – то Лилечка, то мама, то друзья хоровадом кружили вокруг него, где он стоит в центре и тоже крутится, но в другую сторону. Он засыпает тревожным сном, и когда вдруг просыпается, чувствует, что в его жизни случилось что-то ужасное, но он не может вспомнить, что именно, и опять засыпает.

В таком полусне-полубреду он находился несколько дней. За это время никто его не беспокоил, и этому обстоятельству он был рад. Он выходил на улицу, что-то покупал в магазине, возвращался к себе и, поев наскоро, опять погружался в свое несчастье. Он стремился в нем погибнуть до конца.

Ему не приходили мысли о смерти, ему не приходили мысли о жизни – он жил в своем горе так глубоко, что ничего не видел вокруг, он наслаждался этим чувством безысходности, он его усугублял и ослаблял, и это манипулирование доставляло ему радость власти над своим горем. Он открыл для себя удовольствие в несчастье, он чувствовал, что этого он в жизни никогда не испытывал, и его разум находил в его теперешнем положении способ испытывать мазохистское удовольствие от боли, боли душевной, которую он иногда подхлестывал воспоминаньями для получения удовольствия.

Этот новый способ существования как будто был специально придуман для таких, как Андрей Степанович, – в этом он чувствовал свою избранность. Сам Андрей Степанович не до конца понимал то, что с ним происходило, но ему было очень трудно в этот период его жизни. Свои занятия он возобновил, но делал это без особого интереса, который странным образом превратился в чувство долга, когда он заставлял себя выполнять то, что необходимо, чтобы считать, что он вписан в жизнь, но радости это ему не приносило.

Теперь он чувствовал странное, непривычное чувство безразличия ко всему вокруг. Он, как машинка, утром вставал, завтракал, шел на занятия, проводил там положенные часы и возвращался домой. Пообедав, он ложился на свой любимый диван, и начиналась его серьезная жизнь, когда он закрывал глаза и образы, ему неизвестные и известные, со всех сторон обступали его, и он фантазировал, казалось, доводя до абсурда те возможные ситуации, которые складывались в его голове. Его одинокую жизнь редко нарушал телефонный звонок, и он пугался резкого звука, прерывавшего его мечты.

Он вспоминал отрывками свою жизнь, и вдруг клумба с цветами, сделанная вокруг камней, вспомнилась ему во всех подробностях. Вот куст роз, бледно-розовых и темно-розовых, как на праздничном торте, где нераскрывшиеся бутон-

ны обступают со всех сторон цветков в центре, постепенно теряющий лепестки, и они падают тихо на землю, как дождь, и опять стоит этот куст, ожидая, когда следующий цветок сбросит свой наряд, рядом еще не распустившиеся астры тянутся дружно к солнцу своими головками, а в конце лета это будет буйство красок и форм, эхинацея радуется своими иголочками, растопыренными в разные стороны вокруг темно-коричневого кружочка, годеция, собранная в корзиночку, плавно шевелит своими ярко-розовыми цветами, окаймленными белыми полосками, а неумный кузнечик наполняет все пространство вокруг своим стрекотанием, и шум набегающего ветра колышет ветки деревьев. Маленький Андрюша играет у пруда в кораблики, которые обязательно запутываются в тине, и он граблями собирает эту вязкую тину и выбрасывает на берег, где она на солнце превращается в труху. Водоросли пахнут чем-то гнилым, а небо голубое и бесконечное. Андрей Степанович помнит все это в подробностях, и как не хочется потом осенью уезжать в город, закрывать веранды и грузить вещи в машину, и до следующего лета покидать эти замечательные места. Почему-то помнится и начало лета, когда ждешь появления первых цветов, и так все лето проходит в ожидании чего-то нового, и оно обязательно происходит.

«Где все это теперь? – думал он. – Оно во мне и больше нигде. Нет людей, нет мамы, и дальше все стало как будто

хуже».

На самом деле это сейчас ему так кажется. Жизнь разнообразнее нашего восприятия ее, и оно иногда ее делает такой, как хочется, – все связано и разъединено. Так, в своих прошлых жизнях жил теперь Андрей Степанович, один, со своими мыслями, не ожидая ничего интересного и считая, что жизнь его закончена и надо спокойно доживать, что отмерено, не задумываясь, не страдая, не предпринимая никаких новых шагов.

Глава 12

Прошло время, и однажды Андрей Степанович вышел, как обычно, на прогулку. На другой стороне улицы он увидел женщину с коляской, и ему показалось, что это Лилечка. Он замедлил шаг и непроизвольно пошел за ней. Через какое-то время он убедился, что это Лилечка. Он шел некоторое время по противоположной стороне, и когда она свернула в переулок, он, не глядя на поток машин, бросился за ней, слыша скрип тормозов и нецензурную брань в свой адрес. Лилечка была от него на расстоянии пятнадцати метров, и он окликнул ее. Она обернулась, не понимая, кто ее зовет, останови-

лась и оглянулась вокруг, и тут заметила Андрея Степановича, который ее догонял.

– Лиля, – он смотрел на знакомое лицо, и в душе его что-то затеплилось, и он почувствовал радость, о существовании которой забыл. Лилечка смотрела на него, и смущение выразилось на ее лице.

– Вы меня простите, но так получилось. Я не хотела ничего вам сообщать. – Она замолчала, подыскивая слова.

– Это ничего. Кто у вас, мальчик, девочка?

Лилечка приоткрыла одеяльце, и на Андрея Степановича взглянуло маленькое существо, кого-то ему напоминавшее. Он напрягал память. «Мама, – промелькнуло у него в голове, – мамины детские фото. Да, да».

– Девочка? Как назвали? – спросил он.

– Наташа, – смущенно ответила Лилечка.

Андрей Степанович отвернулся в сторону. Ведь они с Лилечкой не виделись бог знает сколько. Он вспомнил, как они жили вместе, и вот теперь он жил скромно на свою зарплату профессора, да еще друг ему устраивал командировки

за границу – тогда получались дополнительные деньги. Лилечка проявила благородство и не отказала друзьям Андрея Степановича пользоваться ее домом, и сам он ездил иногда пожить там. Андрей Степанович был растерян сейчас.

– Спасибо вам от меня и от Клауса за дом, – он смотрел на Лилечку, смущение которой не проходило.

– А сколько девочке?

– Уже десять месяцев. Она уже садится, но когда гуляем, она обычно спит.

– Лиля, а кто ваш муж? – спросил неожиданно Андрей Степанович. Минуту Лиля молчала, а потом сказала:

– Это удивит вас. Я не знаю, как вам это объяснить. Сергей. – Она остановилась.

– Тот, который... – не закончил Андрей Степанович.

– Да, тот.

Оба понимали, какой «тот», по-разному.

Молчание прервал ребенок, который вдруг зашевелился,

и Лилечке пришлось взять его на руки. Когда девочка посмотрела на Андрея Степановича, он понял все – портрет мамы в детстве, – и это означало, что Лилечка держит на руках его внучку. Девочка зашевелила губами, и лицо Андрея Степановича непроизвольно заулыбалось. Он потянулся к маленькому личику девочки, чтобы рассмотреть поближе. Его подозрения подтвердились маленькой родинкой на правой щеке – такая всегда была у его мамы.

Андрей Степанович заторопился, не зная, что сказать, и только, удаляясь, помахал рукой – ему надо было остаться одному.

Глава 13

Когда он вернулся домой, то первым делом вытащил старый альбом, и точно, девочка была похожа на его мать на детских фото. «Господи, внучка! – он ходил из угла в угол и не мог успокоиться. – Как могло это случиться, чтобы Сергей и Лиля...» Он не закончил мысль, он не мог ни о чем думать. «Опять мама!» – подумал он, не понимая, кто вершит его судьбой. Он чувствовал неспособность понять свои жизни, которые все перепутались, и теперь было неясно, кто и что

ими управляет, – он чувствовал, что к его жизням прибавилась жизнь, но другая, с ним связанная, но отдельная, и эта отдельная жизнь вобрала в себя и его жизни, и жизни людей, с ним связанных, – мамы, Сергея, Галины, Лилечки, – и он понял, что он не один на свете, и этот ребенок связывал его прочно и с его прошлым, и с его будущим, и он сам теперь связан со всеми этими людьми прочно, и эту связь ничто не сможет разорвать.

Он подошел к буфету, открыл его, налил себе рюмку и выпил. Никого не было вокруг, но он чувствовал, что он не один.

Ему нужно было теперь решить один важный вопрос – он не знал, каким образом и кому объяснить о своей причастности к Сергею. Сейчас он переживал счастье, что у него есть внучка. Как будто мир стал шире, больше, и то, что он один знал о внучке, делало его еще более счастливым. Тайна в его жизни придавала всему свершившемуся мистический и роковой характер, и то, что это знание принадлежало только ему, волновало его особенно глубоко. В этом чувстве было что-то необыкновенное, но когда он вспоминал то обстоятельство, что Лилечка – мать этого ребенка, его внучки, тут как будто на безоблачном небе появлялось что-то большое и оно угрожающе наступало на Андрея Степановича, который вдруг испытывал страх, страх чего-то ему непонятного,

и это что-то больно сжимало сердце, и ему становилось трудно дышать.

Он вставал с дивана и не мог выпрямиться во весь рост, что-то тормозило его тело, и он в таком неудобном для себя положении шел к аптечке, всегда висевшей на одном и том же месте столько лет, где за маленькой дверцей с резьбой в виде готической арки скрывались тинктуры и таблетки, аккуратно разложенные по отдельным ящичкам, бесшумно выдвигавшимся по первому движению, и Андрей Степанович брал что-то оттуда и не спеша клал в рот, не запивая ничем, и ждал, когда это растворится и он сможет дальше нормально дышать и двигаться.

Времени на это уходило все больше и больше, и все чаще и чаще Андрей Степанович подходил к заветному ящичку, и однажды он осознал, что старость таким образом с ним вступает в дружеские отношения. Он отгонял от себя мысль о ней, но все чаще мысль сама по себе приводила его к этой новой жизни, которая упорно и настойчиво отстраняла другие его жизни и старалась занять как можно большее пространство, и эта новая жизнь день ото дня становилась все сильнее. Сила этой новой жизни означала слабость Андрея Степановича, и он шел к своему любимому дивану и ложился, закрывал глаза и погружался в сон.

Вопрос о его причастности к Сергею и маленькой Наталье теперь в его голове упирался в его отношения с Лилечкой, и, как бы он себя ни уговаривал, что жизнь так сложна и что теперь не повернуть ее бег, и это факт его биографии, и он благодарен Лилечке, что она смогла на какое-то время скрасить его унылую жизнь холостяка, что через нее он узнал те радости, которые может доставлять любовь человеку утонченному и сдержанному, которого не просто ввергнуть в пучины страсти, и это знание его обогатило и смягчило его нрав, и сейчас он, может быть, также нуждался в Лилечке, как и раньше, а она его покинула, и странным образом судьба завязала в один узел его сына, его женщину, – и это все вместе он никак не мог разрешить, но он испытывал потребность общаться с ними со всеми. Он не мог сказать себе, что не имеет к этому отношения, и что-то сильно тянуло его к ним, и он чувствовал свою закрытость от мира, который независимо окружал его со всех сторон налаженной жизнью других людей, и Андрею Степановичу казалось, что у него нет сил разорвать этот порочный круг, и он тяготился этим неопределенным положением, одновременно понимая, что рано или поздно это должно закончиться каким-то образом.

Лилечка жила с Сергеем и Наташей в своей квартире, которую выменяла, убегая от Сергея, и теперь она очень им пригодилась, чтобы снова начать жизнь, когда-то прерванную обстоятельствами. После первого разговора о делах их общего предприятия прошло время, которое незаметно, так сейчас казалось Лиле и Сергею, все поставило на свои места. Они избежали банкротства, они пережили еще много чего, и вот наконец ситуация выравнивалась, и тот небольшой доход, который им удавалось получать, они старались вкладывать в свое предприятие, чтобы оградить его от кризисов и на перспективу сделать более прибыльным. На жизнь им хватало, и они считались зажиточными людьми, которые могли себе позволить поездки за границу, покупку новой машины взамен устаревшей, и всего, что составляет джентльменский набор приличного человека: драгоценности, фирменная одежда и загородный дом.

После рождения Наташи Лилечка однажды рассказала Сергею о странных отношениях, которые связывали его мать Галину с Андреем Степановичем, о том, что какое-то время Галина получала помощь от него, и сказала даже, что удивительным образом Сергей похож в каких-то мелочах на Андрея Степановича. По свидетельству о рождении Сергей был Петровичем, и он рассказал Лиле все, что знал об отце, и даже то, что у отца был друг, имя которого мать никогда не упоминала. На этом разговор прекратился. Сергей хотел

найти этого друга, если он жив, но не знал, как это сделать.

Лилию постоянно преследовала мысль навестить Андрея Степановича. Ведь она ушла из университета, и поводов им увидеть друг друга не было. Это должно было случиться по желанию одного из них, но случай не представлялся. Лилечка была занята ребенком, а Андрей Степанович все глубже уходил в себя, отстранившись от жизни, и вел жизнь ученого отшельника, не интересуясь суетной жизнью, погружаясь в свои книги, и даже забросил Интернет, который вызывал у него раздражение из-за обилия информации, которая мешала человеку, создающему что-то свое.

Состояние творчества для Андрея Степановича было каким-то особенным – он отстранялся от всего лишнего и сосредоточивался на главном, чему ничто не должно было мешать. В такие моменты своей жизни он выключал телефон и уходил от всего в свои идеи, которые роились в его голове, и до тех пор, пока ему не удавалось сделать что-то стройное, логически завершенное, распутать этот хаос, он не выходил из своего кабинета.

Его друзья в Германии общались с ним по Интернету. Они постоянно приглашали его к себе, но Андрей Степанович отказывался, чувствуя, что его очередная работа еще не завершена и пока он не хочет ее прерывать.

Иногда он звонил своему молодому знакомому Владиславу Игнатьевичу, и тот с радостью всегда приезжал к нему, и они проводили вечер в философских беседах, иногда говорили о политике. Абсолютное равнодушие Андрея Степановича к последней было обусловлено его полной независимостью от нее. Все, что он делал, печаталось, и он себя своим трудом обеспечивал, и такой аспект его жизни, как вписанность в систему, происходил помимо его воли, самопроизвольно, и эту традицию он усвоил с детства, когда в семье редко обсуждалось то, что было связано с внешними переменами.

Владислав Игнатьевич был из очень простой семьи, но то, что называется самородок. Жил он один – уже год был в разводе и платил алименты. Он был страстным поклонником идей Андрея Степановича, который его взял к себе в группу, и Владислав недавно успешно защитил диссертацию «О влиянии исторических процессов на развитие культуры народов, населяющих территорию современной Болгарии». Все это на материалах археологических экспедиций, куда он ездил с группой Андрея Степановича. Сам Андрей Степанович в последние годы не ездил в экспедиции, но всегда с интересом изучал материалы своих сотрудников.

В последний раз у них разгорелся спор, и Андрей Степа-

нович очень резко высказался против идеи увязывать возникновение исторически сложившихся культурных слоев с политикой, считая, что в любом месте земного шара, если там возникает культура, такой слой обязан появиться вне зависимости от политических изменений в дальнейшем. Он считал, что политика влияет не так на саму культуру, как на возможность ее сохранить, и приводил примеры исторических эпох, когда время создает одни условия, и они изменяются, а предметы остаются в том виде, в каком они когда-то были созданы.

Такие разговоры никогда не приводили ни к каким серьезным выводам, но сам процесс беседы всегда носил увлекательный характер, и всегда при расставании собеседники оставались друг другом довольны. После таких разговоров на Андрея Степановича находило приятное расположение духа, и он чувствовал себя счастливым от того, что все в жизни временно и все куда-то уходит, а вот он один может всеми этими вещами распоряжаться по своему усмотрению, и в его голове все эти цивилизации, народы континенты, страны, океаны, реки и вся вселенная живут одновременно. Он чувствовал себя центром вселенной, которая ему принадлежала. И он ее любил и понимал как никто другой, и не зря он живет на свете – весь мир ему принадлежит и он в этом мире занимает свое единственное, уникальное место человека, которому открылись многие тайны этого мира, и все

многочисленные жизни, которые он прожил, в нем остались, они его делали таким, каков он есть теперь, и тут ему открылась тайна, самая естественная и простая, что до него эти жизни жили в его родителях, и в их родителях, и теперь они будут все жить в одном-единственном маленьком существе, его внучке Наташе, и ему становилось хорошо от того, что жизни вечны, и вдруг другая мысль пришла ему в голову – все, что он смог сделать, это принадлежит всем, и обязательно кто-то прочитает его мысли, и, не зная его, будет думать о своем, и это он – причина, источник мыслей людей, его не знавших, и он засыпал тогда крепким сном, освободившись от своих переживаний, многие месяцы его преследовавших.

Глава 15

Когда он проснулся, первой мыслью было позвонить Сергею и Лиле. К телефону подошла Лилечка. Она так обрадовалась, что звонит Андрей Степанович, как будто вся ее жизнь состояла в ожидании этого звонка. Это было правдой. Лилечка так же мучилась неизвестностью, как и Андрей Степанович. Они оба знали, что надо прояснить ситуацию.

– Ну, что у вас нового? – спросил уверенно Андрей Степанович. В первый раз он так просто и спокойно себя чувствовал, когда говорил с Лилечкой. Он, наконец, решил для себя раз и навсегда поставить все на свои места и не скрывать ничего.

– Все хорошо, – ответила волнуясь Лилечка. Уверенность, которую почувствовала Лиля в голосе Андрея Степановича, испугала ее. Она отвыкла от него, и раньше он никогда так уверенно и спокойно с ней не разговаривал.

– Наташа подросла и уже говорит какие-то слова. Ходит. Я не работаю, и все время с ней. Сергей в нашем бизнесе. Вот и все, – ответила Лилечка заученно.

– У меня к вам предложение. Приезжайте как-нибудь все ко мне. Пообщаемся. Нам ведь много надо сказать друг другу.

– На будущей неделе, в воскресенье, – ответила Лилечка, – вас это устраивает?

– Хорошо. Предварительно созвонимся.

На этом разговор закончился, и каждый ушел к своей жизни, испытывая и радостные и неопределенные чувства. Когда Андрей Степанович повесил трубку, он сразу пошел к себе в кабинет и стал перебирать свои рукописи, которые в беспорядке лежали на столе, – так он всегда делал, когда волновался, так он наводил порядок на столе, единственном месте, которое принадлежало только ему. Другие места тоже

ему принадлежали, но там Олимпиада могла делать необходимые для наведения порядка действия, а вот до его стола она не была допущена, и об этом ей прямо Андрей Степанович сказал:

– Олимпиада, хозяйничайте везде, кроме одного места. Мой стол – моя крепость, – пошутил он, чтобы как-то сгладить свою откровенность.

Андрей Степанович был ретроградом во всем, и все, что касалось научных занятий, делалось не на компьютере, а писалось паркеровской ручкой с золотым пером. Эту ручку ему подарили к одному из юбилеев, и она ему пришлась по вкусу, и чернила для нее он покупал в специальном магазине, и всегда выбирал цвет, и всегда покупал про запас пару – тройку флаконов. Ему нравилось, что перо на конце раздвоено и можно при желании делать нажим, что придавало его рукописям подобие старых записок, которые он всегда с интересом рассматривал в музеях. Пожелтевшие листы бумаги, исписанные каллиграфическим почерком людей прошлых эпох, всегда вызывали в душе Андрея Степановича волнение, которое он долго сохранял, возвращаясь мысленным взором к буквам, и он даже не вчитывался в текст, делал это в редких случаях, именно буквы вызывали игру воображения, и он их запоминал, и всегда его удивляло, как можно так тонко писать пером, проводить эти ниточки, переходя-

щие в ровные нажимы пера.

Перебирание бумаг его успокаивало, и сейчас был такой момент, когда ему нужно было это делать, чтобы решить, как быть. «Сказать Сергею прямо, что он мой сын, и тогда Лилечка непременно должна будет пережить это очень глубоко. Ну да! Для Сергея в этом не будет ничего плохого, – думал Андрей Степанович. – Конечно, мысли о тяжелом детстве, о судьбе матери, – все это обязательно затронет его душу, но сам факт никак его не огорчит». Все это в разных вариантах в своей голове прокручивал Андрей Степанович. Он подбирал наиболее подходящие слова, старался представить себе лицо Лилечки, Сергея, но потом отвлекался на какое-нибудь слово и погружался в чтение своего текста, и сразу начинал его править. Он так увлекался этой работой, что забывал все на свете, и тут начинал писать на чистом листке дополнительные тексты, комментируя, делая сноски, и потом где-то за полночь ложился спать на свой любимый диван, который постоянно ждал его рядом со столом, и сразу разные картины волнами наплывали на его уставший мозг, который превращал их в фантастические образы.

В последнее время сны Андрея Степановича были какие-то особенные. Он их вспоминал, и в течение дня какие-то из них вдруг всплывали перед глазами. Это были обычно отрывочные воспоминания детства, и поэтому

они всегда оставляли приятное чувство покоя и радости. И жизнь Андрея Степановича была спокойная, и не было ни грусти, ни переживаний, несмотря на то, что встреча с Лилечкой и Сергеем приближалась, и мысль об этом наполняла сердце Андрея Степановича легким волнением, но он не углублял мысль об этом, а просто ждал, когда все это случится 16

Тем временем Лилечка очень волновалась в ожидании встречи с Андреем Степановичем. Ее нервозность передавалась ребенку и он ночью плохо спал, отчего они по очереди с Сергеем вынуждены были дежурить у кровати и укачивать иногда Наташу на руках.

Сергей заметил как-то:

– Ты какая-то странная. У меня впечатление, что ты волнуешься от чего-то. – Он внимательно на нее посмотрел.

– Это кажется. Все в порядке, – она отвела глаза в сторону. – Знаешь, в следующее воскресенье мы поедем в гости к Андрею Степановичу. – При этих словах она увидела, как Сергей весь съежился: он-то помнил свою ревность и тот ужасный эпизод на улице, и вся эта история болью отозвалась в сердце.

– А зачем нам ехать к этому Андрею Степановичу? – спросил он, искренне не понимая, для чего это нужно.

– Понимаешь, я думаю, будет хорошо, если он будет Наташиным крестным отцом, – она замолчала, не находя другого объяснения.

– Я думаю, – продолжала Лилечка, – он не откажется, тем более вся эта неприятная история уже в прошлом, и мне хотелось бы, чтобы ты не имел зла против него. Он очень славный человек. – Она замолчала, смотря в сторону, чувствуя, что Сергей весь напрягся.

– Не хочу я с ним знакомиться. Ты с ним была, я это забыл, а теперь ты опять эту историю вытаскиваешь, и совсем некстати. Мне он не интересен, и зачем все это... – он замолчал, высказав все, что у него было на душе.

Лилечка была в замешательстве, но откладывать решение вопроса на неопределенное время ей тоже не хотелось.

– Ну ладно. Ты не хочешь идти к нему. Давай мы его пригласим к себе, – она вопросительно смотрела на Сергея.

– Неужели ты не понимаешь, что я не хочу видеть этого

человека вообще никогда?

Настойчивость Сергея обезоруживала Лилечку. Она молча отошла к окну. И неожиданно сказала:

– Ты можешь его не видеть никогда... – она пристально смотрела на Сергея, желая прочесть на его лице что-то. Лицо Сергея выражало волнение. Он вынул сигареты, закурил и, ничего не говоря, вышел.

Лилечка как стояла посреди комнаты, так оставалась в этой позе некоторое время. Заплакала девочка. Она подошла к кровати, поправила одеяло. Ребенок успокоился.

Лилечка вышла к Сергею. Он стоял у окна и курил.

– Признаюсь, я тоже не очень хочу, чтобы вы знакомились, и по логике после всей этой истории у Андрея Степановича не должно быть интереса к тебе, но я чувствую, что он что-то не договаривает, и мне иногда кажется, что его в прошлом что-то связывало с твоей матерью, – она замолчала, думая о том, как эту ситуацию разрешить.

– Неужели ты не понимаешь, что мне отвратительно, что ты была с ним. Я все время об этом думаю, и ты не представляешь, что творится в душе, когда я представляю, как он

прикасался к тебе...

– Но ведь это прошло... – Лилечка остановилась, понимая, что сейчас никакие слова ничего не решат. Она сидела, смотря в одну точку, и не понимала, как ей дальше себя вести.

– Давай поужинаем. Я что-нибудь приготовлю, а утро вечера мудренее, – сказала она и вышла на кухню. Так закончился их первый разговор на эту щекотливую тему.

Глава 16

Когда Андрей Степанович предложил Лилечке встречу, он не думал о всех сложностях, которые сразу возникнут из-за неопределенности и необычности ситуации. Когда он вечером лежал на своем любимом диване и думал, как он увидится с Сергеем, Лилечкой, он вдруг почувствовал, невозможность видеть их вместе. Ему стало как-то неловко, когда он всерьез подумал об этой странной ситуации. Эйфория от известия, что на свете есть Наташа, вдруг куда-то ушла, и он с ужасом подумал о том, что он, отец Сергея, был мужем его теперешней жены и матери Наташи. Ему в этом показалось

что-то очень безнравственное, о чем он раньше почему-то не думал. А что, собственно, такого, что он познакомился с Лилечкой, – ведь он не знал, что она была женой Сергея. Ужасно было то, что Сергей покушался на его жизнь, но Андрей Степанович в душе ему простил. Что же тогда?

И тут он вспомнил – Сергей не знает, что он его отец, – и это было самым трудным, почти непреодолимым препятствием к сближению; и Лилечка, та самая Лилечка, которая была и с Сергеем, и с Андреем Степановичем, не знала этого, – и это все вместе поставило Андрея Степановича в тупик. Он долго думал о том, что он должен сказать каждому из них, и у него получался один и тот же рассказ о себе, о Гале, об их встрече... – и тогда ему пришла на ум мысль написать им письмо. Он сел за письменный стол, и через два часа письмо было готово.

Он сложил его вчетверо, положил в конверт и пошел на почту. Уплатив небольшие деньги и получив квитанцию, Андрей Степанович вернулся домой с чувством человека, у которого гора свалилась с плеч. Он выучил его, казалось, наизусть – до такой степени все, что он изложил в нем, давно и глубоко лежало на дне его души. Он долго думал над первой фразой, но, наконец, самые простые слова начали его исповедь очень естественно:

«Дорогие Лилечка и Сергей!

Когда я предложил нам встретиться, я не подумал о тех сложностях, которые могут возникнуть. Главное – вы не знаете правды и все обстоятельства жизни, которые сделали нашу встречу почти невозможной. Мне трудно произнести самые простые слова, которые сразу все прояснят для вас: “Я отец Сергея”. Да, это то, что мучило меня все эти годы и о чем я не мог никому рассказать. После истории, которая приключилась, мне стало почти невозможно раскрыть это обстоятельство моей жизни. Только Галя и я знали об этом, и никто больше. Так я прожил большую часть своей жизни, храня в душе эту тайну. Какие муки пережила моя душа, когда я узнал, что покушавшийся на меня был Сергей! Мне были понятны причины его поступка, но сам факт того, что он хотел убить человека, меня ужаснул, ведь я был для него просто человек, посторонний человек.

История моих взаимоотношений с Галей проста, как мир. Любовь, роман, жизненные обстоятельства, которые помешали нам быть вместе. Ее выбор и моя трусость, невозможность бороться за нашу любовь, и, несмотря ни на какие препятствия, тот факт, что у меня родилась внучка, которая так похожа на мою мать, которую я любил больше всех на свете и люблю сейчас, как будто она рядом со мной, она во мне, –

все вместе заставило меня открыть эту тайну, которая должна нам помочь понять друг друга, понять то, что мы связаны прочными узами, и от того как мы сможем эту ситуацию решить, зависит жизнь каждого из нас.

Когда я увидел Наташу и увидел в ней маму, в моей душе произошел переворот. Я понял, что люди, случайно встретившиеся однажды, я и Галя, не могли знать ничего о своей будущей жизни, но могли сделать свою жизнь другой. Это только размышления, а жизнь свершилась, и она идет независимо от наших желаний, и одновременно мне кажется, что сейчас можно ее изменить. Я имею в виду всех. Я не буду говорить о своей вине перед всеми, о том, что все могло быть по-другому, – это ничего не решает, – но сейчас у нас есть возможность понять друг друга и дальше жить в соответствии с теми мыслями, которые смогут нам помочь в этой ситуации.

Я рассчитываю на понимание, я хотел бы встретиться с Вами, Сергей, и с Вами, Лиля, хотел бы видеться с Наташей. Это так просто сделать, и так сложно решиться на это. Я прожил жизнь с этими мыслями, а вам придется принять их или нет. Трудно мне представить, что может вам помешать простить меня. Для меня главное, чтобы у вас не возникло ко мне плохих чувств, от этого многое зависит. Я готов помогать в чем смогу, но сможем ли мы примириться с прошлым,

или оно будет всегда барьером между нами?

С уважением, Андрей Степанович».

Глава 17

Такое письмо через несколько дней получили Сергей и Лиля. Когда почтальон попросил расписаться в тетради, руки Лилечки дрожали так, что она еле смогла поставить подобие подписи. Она сразу протянула письмо Сергею и села на диван в позе сфинкса, положив руки на колени.

Сергей уверенно разрезал сбоку конверт и начал читать. Когда он дошел до фразы «Я отец Сергея», голос его задрожал, и он передал письмо Лилечке, которая тихо продолжила чтение. Во время чтения Сергей ходил из угла в угол, и когда она дочитала последнюю фразу «...или оно будет барьером между нами», оба молчали. Сергей сел на стул и закурил. Казалось, что говорить было не о чем, но внутри каждого шла та работа, которую фразы письма начали, проникая в сознание, будоража душу. Ситуация напрягалась молчанием, и вдруг послышалось всхлипывание – это Лилечка, зажимая рот платком, пыталась заглушить рыдания.

– Ну, ладно. Все обсудим, – сказал Сергей, который явно

волновался, и это видно было по его лицу, покрывшемуся пятнами. Склонный от природы к иронии, он сейчас молчал и сосредоточенно думал о том, что узнал. Ему вспомнилось лицо матери, когда он ее спрашивал про отца, и только сейчас он понимал значение того, что раньше видел совсем по-другому. Ее лицо сразу как-то окаменевало – но это он сейчас так вспоминал, а раньше он просто видел, что его выражение менялось, – и ему всегда после разговора про отца становилось как-то неловко, как будто он пытался узнать что-то такое, о чем мама не хотела говорить. Она рассказывала про Петю, и сейчас, по прошествии времени, Сергей вспоминал все это, и ему становилось и больно и стыдно за маму, которой нужно было ловчить, хитрить, скрывая правду, в которую и сейчас Сергей не мог поверить до конца.

Он вспоминал, как Лилечка его не защитила и он попал в тюрьму, и это болью отозвалось в сердце, он вспоминал свои детские впечатления какого-то несоответствия тому, что происходило в его семье, и он стыдился простоты своей жизни в прошлом и начинал понимать причины своего постепенного опускания, невозможности выбраться наверх, когда никто вокруг не мог дать ему пример другой жизни, и вот сейчас тот человек, который непроизвольно опустил его на другой по сравнению со своим уровень, отказавшись от матери, который потом был причиной его ревности и ненависти из-за всей этой истории с покушением, и он, Сергей,

который в глубине души чувствовал себя другим человеком, он ударил ножом этого человека, – все это вместе сразу откуда-то из самой глубины души вдруг вышло на поверхность. Казалось, что оно было забыто, но все это вдруг ожило так, что в первую минуту Сергей растерялся и почувствовал реально, что то, о чем он мечтал маленьким, чтобы их с мамой жизнь вдруг изменилась, чтобы они жили в другой квартире, чтобы рядом были другие люди, – все это, оказывается, было возможно, но все это у него отнял человек, который называет себя его отцом, и Сергей ненавидел его сейчас гораздо больше, чем, когда в беспамятстве бросился на него с ножом.

Он сидел опустив голову, ничего не говоря, не зная, что говорить, не зная как жить дальше. Лилечка молча сидела напротив, сжав руками голову, понимая, что творится сейчас в душе Сергея, чувствуя, как ему плохо и он не в силах вымолвить ни слова. Она застыла, чувствуя какую-то безвыходность ситуации для них.

А Сергей вспоминал свои самые тяжелые времена, и всегда в нем жила уверенность, что он не свою жизнь проживает, что все в этой его жизни не устраивает, но ему не хватало чего-то, чтобы понять до конца, что нужно сделать, чтобы решиться однажды изменить ее. В эти периоды жизни ему не хватало ни сил, ни энергии, а главное понимания, как можно изменить то, что идет своим чередом.

Он также помнил, как трудно было ему выкарабкиваться со дна, где он погибал. Он менял женщин, делал усилия над собой, чтобы бросать неподходящих ему, – а это всегда трудно, хоть и кажется, что просто. Сколько раз после двух-трех месяцев вдруг оказывалось, что то, что ему казалось, все наоборот, и он опять бросал очередную женщину, пил, опускался, бомжевал, страдал от похмелья, искал работу, и, казалось, не будет никогда этому конца. Но однажды как будто прозрение на него нашло, когда он был на краю пропасти, – или жизнь, или смерть, – и он выбрал жизнь. С каким трудом ему давались эти первые шаги, когда нужно быть в форме, выглядеть прилично, делать каждый день не очень интересные вещи, – это было в тот период, когда он вернулся в бизнес Лилечки, потом встретился с ней, потом...

И вот он тут, и старые воспоминания захлестывают, опускают, ранят, разрушают внутреннее равновесие, и он не может с этим ничего поделать.

Сколько прошло времени, ни Лиля, ни Сергей не знали. Вот и сумерки пробираются в комнату, вот и Наташу надо кормить и укладывать спать, и Лилечка к ней пошла. Сергей чувствует, что хочет съесть что-нибудь. Он идет на кухню, а там Лилечка уже готовит ужин, и Наташа машет ручонками и говорит на ломаном детском языке «папа, мама, мама, па-

па...», и продолжает махать ручонками, и улыбается беззубым ртом. Сергей берет ее на руки, прижимает к себе и чувствует, что все его проблемы уходят, их нет вообще – есть свой дом, любимая женщина и дочка, и ничего не надо больше сейчас.

Лилечка наблюдает за Сергеем и думает: «Слава Богу». Ни словом они не обмолвились о письме Андрея Степановича, его как будто не было, а есть их семья со всеми маленькими проблемами, есть счастливая жизнь любящих друг друга людей и ощущение защищенности в своем до 19

Когда Андрей Степанович отправил письмо, первое чувство свободы и счастья постепенно стало переходить в напряженное ожидание разрешения этой серьезной для него ситуации. В конце первой недели ничего не произошло. Никто не беспокоил ни звонками, ни визитами. Ответа не было и через две, и через три недели, и тогда Андрей Степанович стал понимать, что, возможно, ответа не будет вообще. Он вспоминал первые минуты радости, и ему становилось плохо. Он представлял себе, какое впечатление это его признание могло произвести на Сергея, на Лилечку, и даже понимал, что для Лилечки, занятой Сергеем и ребенком, это известие не будет иметь такого значения, как для Сергея. А вот для него...

Прошел месяц, другой, третий. Ничего не менялось. Андрей Степанович сначала очень переживал, как в тот период, когда его бросила Лилечка, потом острота ожидания притупилась, а потом и вообще исчезла. Андрей Степанович старался не думать о своем письме, он хотел это забыть, и это случилось, и только иногда, когда он неожиданно ночью проснулся и не мог заснуть, мысли об этой ситуации крутились в его голове, превращаясь в кошмар, и он с ним засыпал, мучаясь во сне всякими тяжелыми мыслями. Наутро болела голова, но дела требовали его к себе, и он собирался и шел, и занимался изо дня в день интересной для него работой обучения других, делился с ними своими мыслями, и это ему давало ощущение своей значительности, и он, удовлетворенный, вечером садился за письменный стол и снова, и снова работал.

Он путешествовал, общался с людьми, высказывал свои мысли, и так его разнообразные жизни сложились в жизнь одинокого ученого, признанного специалиста, и он не чувствовал своего возраста, который естественным образом увеличивался год от года. На здоровье он не жаловался, не предаваясь никогда излишествам ни в эмоциях, ни в еде, и от этого выглядел молодо в свои ... с лишним лет.

Студенты, каждый год новые, появлялись на кафедре, и

вот однажды к нему подошла симпатичная второкурсница, которую звали Наташа. Она как две капли воды была похожа на его маму. Сердце Андрея Степановича забилось быстрее. Он предложил сесть, и она, устроившись на краешке стула, стала увлеченно рассказывать ему про экспедицию на лиманы, где их группа этим летом проходила практику. Оказалось, что это были те самые места, где в юности встретился он с Галей. Он не слышал половины того, что ему рассказывала студентка, он смотрел на нее и вспоминал свою юность, и испытывал радость, что в его жизни все сложилось именно так. И Андрей Степанович снова посмотрел на часы, а они мирно тикали на камине, медленно двигая стрелки, и статичность двух фигур как будто напоминала о суете жизни, которая их не касается. Они всегда будут в одном и том же положении.

«Вот так и люди, – подумал Андрей Степанович, – одни суетятся, а другие нет, а результат непредсказуем».

Жизнь непрерывна и бесконечна, она будет изменяться, и всегда будет казаться, что неуловимы мгновения жизни – всегда разные и всегда похожие друг на друга.

